Анархия в эпоху динозавров

Написано Бригадой Любопытного Джорджа (CrimethInc)

2003 г.; перевод 2010 г.

Оглавление

Предисловие **5**

Как я забыл о гражданской войне в Испании и научился любить анархию **8**

Как использовать эту книгу **10**

Примечание редактора **11**

Лирическое вступление **13**

Мечта о массе **16**

Иллюзии контроля **19**

Государство — это машина **22**

Конец динозавров — это только начало **24**

Следующий поезд **26**
Распространяя мемы 26
Чем больше — тем веселее 29
«Если долго сидеть на берегу реки, увидишь проплывающий труп врага» . . 30

По ту сторону долга и радости **32**

Бабочки, мертвые герцоги, цыганское колесо и министерство неизвестности **38**
Мелочь с большими последствиями 38
Скользя по фрактальным волнам революции 39
Удача — союзник бунтаря 40
Культуры хаоса 41

Ячейка, группировка или аффинити-группа? **44**

Гордость, чистота и проекты **46**

На пороге анархического сообщества **47**

Нельзя взорвать социального эколога **49**

Вся жизнь — кампания протеста **51**

Долой аутрич! **53**

Отвага заразительна **59**

Героические сообщества **60**

Народная сказка
«Даже у ангелов и собак есть маски»
(Рассказано наемником CrimeThinc Регином де Брэй) **65**

Инфраструктура, ради всего святого! **68**

Господа офицеры, граната! **74**
Каждый сам за себя 75
Бунт как революция против власти в повседневной жизни 81

Конец самонадеянности **85**
Децентрализация организации анархистов 85
Деспотизм организации 85
Влечения или провал 86
Свобода, доверие и подлинная солидарность 87
Радикальная децентрализация: новое начало 90

DIY-метрополии **91**
Анархистские модели городов 91
Добровольное объединение 95
Децентрализация 96
Экологичность 96
Прямая демократия 97
Взаимная помощь и обмен подарками 99
Общественная и пространственная организации 100
Do-it-yourself-архитектура 101

Непродуктивная утопия
или как консенсус изменит мир **104**
Не верь в наебку 104
Политическая непродуктивность 106
Непродуктивная организация 107
Непродуктивная пропаганда 108
Тактическая непродуктивность 109

Это — народная анархия! **113**
Народная анархия vs. псевдоанархии 113
Культура как вызов 114
Сообщества сопротивления сталкиваются с революцией повседневной жизни 115
Смерть чистоте! Да здравствует гибрид! 117

DIY-политика 119
Во чреве зверя 119
Иди и передай своим 121

Любовное письмо из Женевы **124**

Предисловие

Революцию можно сделать прямо здесь и сейчас. Это поняли активисты американского анархо-коллектива CrimethInc (игра слов: что-то среднее между оруэлловским «преступным мышлением» и корпорацией преступлений). Для начала нужно изменить самих себя и свой образ жизни. Главным оружием послужит пропаганда. Так появились журналы и книги CrimethInc. А в глазах обывателя постепенно возник образ современного анархиста — живущего по «вписками» у друзей по всей стране, зачастую не пользующегося мобильным телефоном, хитчхайкингом или трейнхоппингом добирающегося на ежегодный фестиваль-слет CrimethInc. Из доклада спецагента ФБР по делу участника Фронта освобождения земли Эрика Макдэвида: «Анархистское движение стремится покончить с существующей системой правительства, экономики и заменить их системами, характеризующимися отсутствием авторитарных/иерархических отношений. Популярным источником анархистской мысли является CrimethInc, организация, которая публикует книги и памфлеты, обучающие анархистским ценностям и тактике. «Уклонение», популярная книга CrimethInc, описывает жизнь безымянного анархиста, который путешествует автостопом и товарняками и существует за счет воровства в магазинах и поиска пищи в мусорных контейнерах. Описанный в «Уклонении» стиль жизни переняли многие анархисты».

Фестивали, книги, журналы, постеры, музыкальные релизы — все средства были пущены в ход. Тиражи самиздатских книг и памфлетов CrimethInc доходили до шестисот тысяч экземпляров. Их деятельность стали изучать в университетах.

Залогом успеха послужили анонимность и отсутствие жесткой структуры. Люди-невидимки действовали повсюду. Любой может взять себе имя CrimethInc. «CrimethInc полностью децентрализован. Это значит, что, если вы хотите включиться в нашу деятельность, вы должны выбрать что-то, что, на ваш взгляд, должен делать CrimethInc, и начать делать это. Если вам в чем-то нужна наша помощь (получить экземпляры нашей газеты Harbinger для распространения, получить советы, как бесплатно сделать свои собственные стикеры, найти адреса домашних коллективов, которые вы хотите посетить, чтобы узнать, как организовать свой собственный, заполучить одну из наших групп, чтобы она сыграла у вас дома), мы будем рады ее предоставить. Вот что это такое. Но для нас будет гораздо проще ее предоставить, если вы уже знаете, что вы пытаетесь сделать». В CrimethInc нет никакого формального членства. Любой может считать себя частью коллектива. «Если кто-то свяжется с нами, чтобы получить какие-нибудь постеры, расклеит их по городу, ему это понравится, и он начнет придумывать свои собственные постеры для последующего расклеивания, ставя на них логотип CrimethInc по каким-либо своим собственным причинам, то можно считать, что он «вступил» в CrimethInc». Разные региональные группы выпускали свои собственные книги и постеры. Отдельные ячейки, выступав-

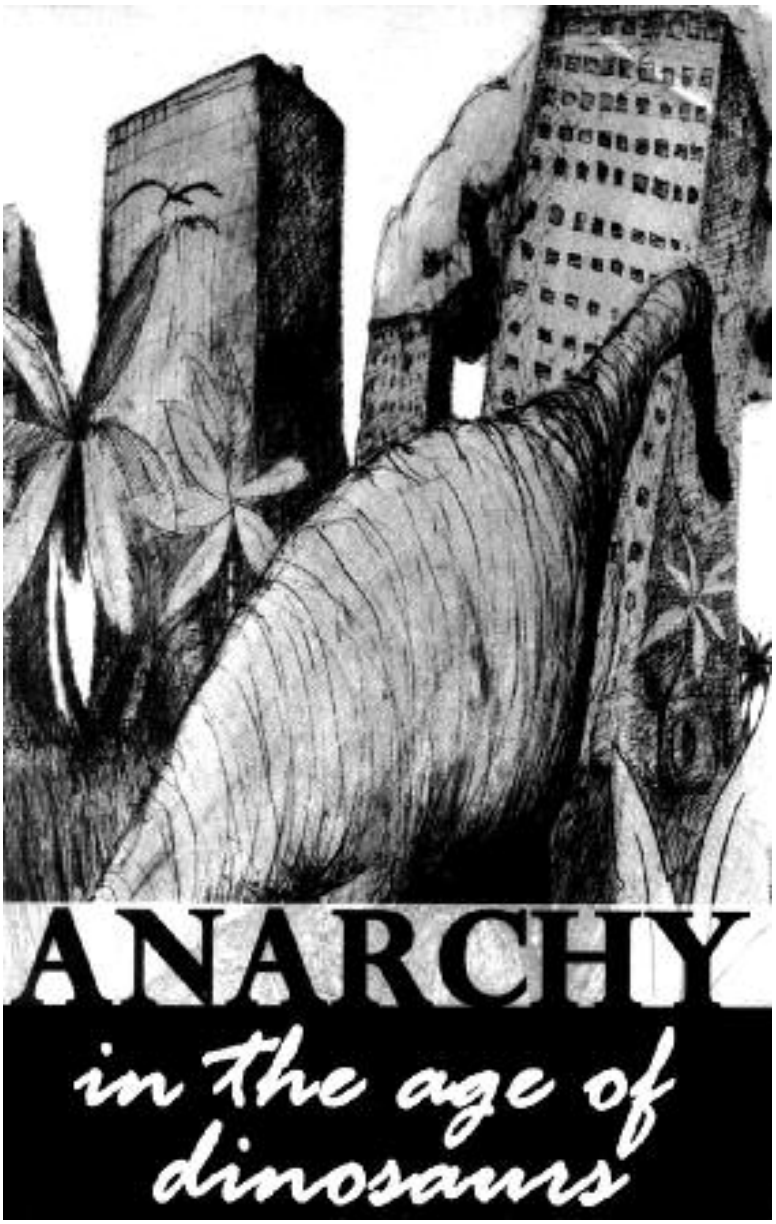
шие от имени CrimethInc, переходили к «прямому действию» — устраивали поджоги и атаковали правительственные сайты.

Эта книга написана аффилированным с CrimethInc тоже анонимным нью-йоркским коллективом «Бригада любопытного Джорджа» (в названии отсылка к обезьянке — персонажу книг супругов Ханса Аугусто и Маргарет Реев, прославившемуся благодаря многочисленным мультикам и кинофильмам). Завесу тайны немного приоткрыл инцидент в октябре 2009 года, когда в ходе протестов против саммита «большой двадцатки» в Питтсбурге был задержан социальный работник Эллиот Мэдисон, сообщавший другим протестующим о передвижениях полиции с помощью сервиса Twitter. Во время обыска у него дома и ареста у Мэдисона были изъяты 50 экземпляров первой книжки «Бригады» и электронная версия второй. Мэдисон показал, что является участником коллектива «Бригада любопытного Джорджа» и соавтором и издателем книги по политической теории и практике «Анархия в эпоху динозавров». Вот его портрет: 41 год, имеет степень магистра культурной антропологии, работает в организации, оказывающей помощь больным психическими расстройствами, автор пьес и статей, опубликованных в официальной печати, в частности в журнале «Стимпанк». После урагана «Катрина» ездил добровольцем в Нью-Орлеан помогать пострадавшим от бедствия, в Нью-Йорке организует курсы для жителей по гражданской обороне во время возможных бедствий и катастроф.

Участников движения CrimethInc часто обвиняли в эскапизме, в том, что это юнцы, паразитирующие на системе и пропагандирующие лайфстайл вместо реальной классовой борьбы. Однако один лишь облик Мэдисона служит ярким контрпримером этим сложившимся стереотипам.

Разрушает стереотипы и сама книжка «Анархия в эпоху динозавров». Это касается не только представления о современных анархистах, но и собственно анархомышления. Описывая окружающие процессы, авторы сумели вычленить из них главное — народную анархию. Взяв многое из творений бельгийского ситуациониста Рауля Ванейгема и итальянского анархиста Альфреда Боннано, они применили это к актуальным североамериканским реалиям, насытив и освежив конкретикой из деятельности активистов и деталями из быта молодежных субкультур. Получилось убедительно и просто. И это одно из несомненных достоинств книги — о народной анархии нужно говорить доступным языком. Ведь «народная анархия — анархия, созданная для обычных людей руками таких же обычных людей, живущих необычной жизнью». Участники коллектива «Бригада любопытного Джорджа» уверяют, что в книге задается больше вопросов, чем содержится ответов. Пусть так, но зато ответы весьма дельные. Например, на вопрос о том, что нужно делать, чтобы изменить тот унылый потребительский мир, который нас окружает.

Ильяс Фалькаев


ANARCHY
in the age of
dinosaurs

Как я забыл о гражданской войне в Испании и научился любить анархию

Похоже, что лето наконец наступило — я был так долго заперт в этих стенах во время работы над книгой! Сейчас я понимаю, что мы так и не закончили разговор о гражданской войне в Испании: о том революционном моменте, когда анархисты действительно подошли столь близко к созданию нового общества, за которое не только стоит умереть, но в котором стоит жить.

Наши беседы, казалось, продлятся вечно. Ты посвятил меня в подоплеку событий, полные сурового реализма детали о народном ополчении и коллективах, сопротивлении и солидарности — обо всем. Я всегда думал об этом, как о чем-то вроде «когда мы были почти у цели», о чем-то, чем следует восхищаться и что овладевает умом. Я почти сходил с ума, представляя те возможности, которые у них были! Как могли мы не мифологизировать борьбу таких далеких мест, как Испания, и не фантазировать на тему, как это — участвовать в *настоящей* революции?

Сегодня, просматривая страницы этой книги, я понял: *мне плевать на гражданскую войну в Испании*. Нельзя сказать, что она не была важным моментом в истории, но одних легенд для меня теперь недостаточно. Я не думаю о них, как о «реальных» анархистах по сравнению со «второсортными» анархистами, которыми мы видим друг друга. Мы должны жить и бороться с тем, с чем мы сталкиваемся сегодня. Анархисты революционной Испании, вероятно, больше хотели бы, чтобы мы сегодня вели свою собственную борьбу, нежели тратили столько времени на обсуждение их! Испанские анархисты были простыми людьми, и они делали именно то, что сделаем и мы, когда получим наш шанс. Наш коллектив работал над этой книгой больше года, и это наш пушечный залп для анархии сегодня. Я надеюсь, вам она понравится.

Как использовать эту книгу

То, что вы держите в руках, — не совсем обычная книга. Думайте о ней лучше, как о ДНК-архиве или паре болторезов. Другими словами, это вызов. Книги о «политике» обычно имеют четкую цель и содержат подробные рассуждения, а от вас ожидается, что либо вы броситесь их защищать, либо безжалостно атакуете. Говорят, что если они успешны, то авторы обеспечивают поддержку для отдельной фракции, или же дискредитируют конкурирующую. Мы надеемся на нечто совершенно другое, на то, что книга поставит перед вами не меньше вопросов, чем даст ответов. Думайте о ней как о собрании полевых заметок, написанных антропологами-диссидентами, которые сожгли свои дипломы для того, чтобы жить в лесу и взбираться на небоскребы. Помимо промысла в национальных инфоцентрах, мы записывали брюзжащие пророчества торговцев фалафелем на углу улиц, сочиняли любовную лирику под маской политических памфлетов — и жили политикой, маскируя ее под любовную лирику. Мы — анархисты, культивировавшие свое сопротивление в сердце Американской империи. Это — наш маленький вклад в сообщества сопротивления, которые питали наши надежды и взрастили стремления.

Когда вы закрываете книгу, вы с ней расстаетесь. Вы можете похоронить ее в своем книжном шкафу или же, если она действительно представляет собой что-то ценное, отдать ее другу.

Не позволяйте этой книге гнить на полке. Отдайте ее кому-нибудь, оставьте ее на какой-нибудь пустой автобусной остановке, чтобы ее нашел незнакомец, или же используйте ее для того, чтобы согреться холодной ночью. Единственный путь избавиться от этой книги — это сжечь ее.

Антикопирайт 2003. Все опубликованное здесь доступно для некоммерческого использования: воспроизведения, копирования, одалживания, искажения смысла, плагиата или кражи рисунков, идей или текста для вашего личного пользования.

Примечание редактора

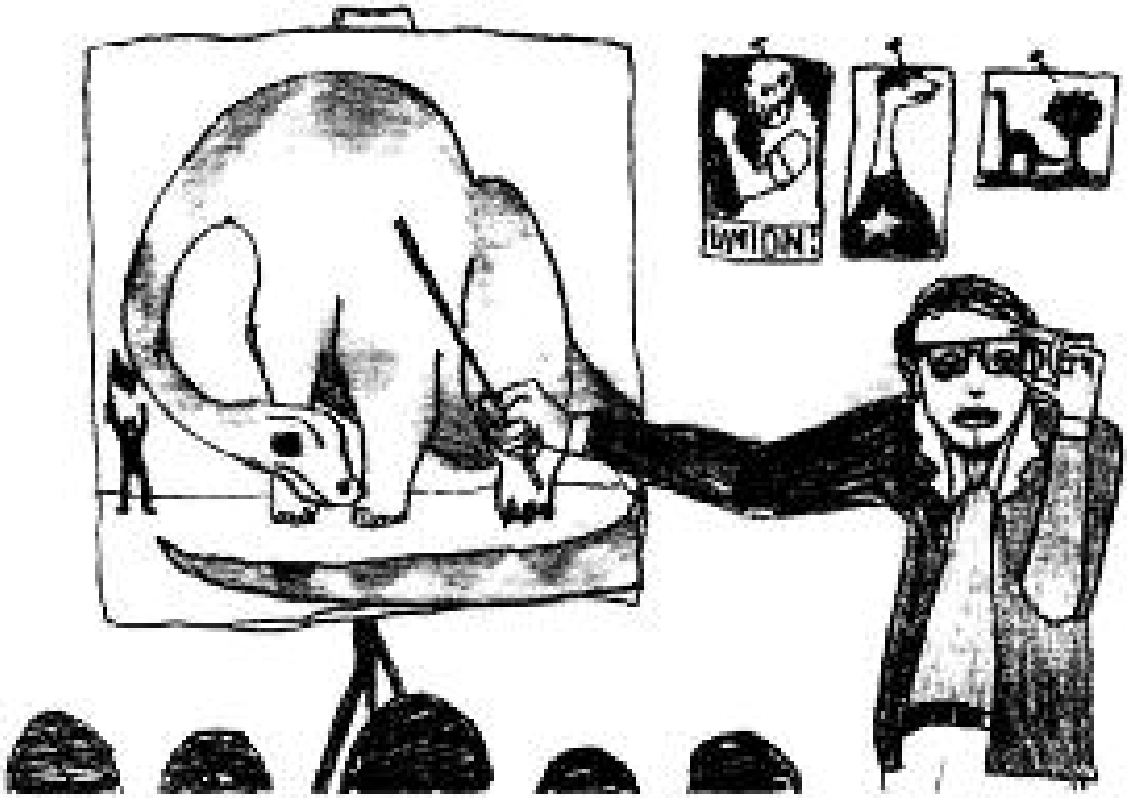
[Примечание редактора: Ниже следуют неотредактированные заметки доктора Эррола Фолкланда из его последнего журнала. Доктор Фолкланд — один из ведущих исследователей палеополитикологии, его новейшие исследования были опубликованы в «Природе», «Левом повороте» и «Палеополитикологическом обзоре Новой Англии». Он и несколько его студентов из университета Ферре провели это лето на новых местах раскопок в Северной Америке. Мы хотим поблагодарить доктора Фолкланда и его студентов за предоставленный доступ к этим прежде не публиковавшимся открытиям.]

5/1: На этой неделе мы нашли исключительно богатый участок на перекатах Аппалачей в юго-западной Пенсильвании. Были найдены несколько образцов в отличном состоянии, включая первый полный скелетный останок, который можно отнести к Пролетариан Максимус. Пролетариан Максимус, несомненно, является предком множества других малых форм Пролетариауса (таких, как Класс-азаурус, Анархо-коммитариус, Синдикалиус и Полиюниорус). Наибольший интерес в этом открытии представляет то, что бросаются в глаза политико-экологические факторы, которые позволили каким-то образом такому тяжеловесному чудовищу дожить до современной эпохи. Хотя среди исследователей существуют некоторые разногласия, сейчас уже практически нет сомнений, что ныне изолированные и подверженные опасности вымирания виды вроде Вобблиентаоров и тому подобных находятся в непосредственном родстве с этим чудищем середины XIX века.

Характерные черты этого животного — его колоссальный размер, медлительность и склонность попадать в болото. Этот конкретный экземпляр был, без сомнения, вырезан Федерал-Рекс. За прошедшие десятилетия были найдены несколько частичных останков Пролетариана Максимуса. Предположительно их медлительность сделала их легкой добычей не только для Федерал-Рекс, но также и для Птералпинкертонов и других более крупных и опасных хищников середины XIX — начала XX века.

Эволюционно эти животные полагались на все большую и большую массу, чтобы защитить себя от хищных животных класса Капитализаурус. Их неспособность адаптироваться и зависимость от личных конфронтаций с большими хищниками часто делали их легкой добычей для этих убийц. Лишь небольшие формы, казалось, умирали своей смертью; очевидно, не являясь для хищников достойной пищей, они перебрались в маргинализированные районы Северной Америки, такие как университетские кампусы.

Пролетариан Максимус Северной Америки даже опытными палеополитикологами часто ошибочно считается тем же животным, что и Пролетариан Максимус Европейский, или даже специализированным гибридом Пролетариана Максимуса Испанского Иберийских равнин. Таксидермический анализ (наряду с новым ис-



следованием экскрементов) указывает на важные различия и подробно объясняет причины недостаточного роста Североамериканского Пролетариана Максимуса.

Лирическое вступление

Вместо манифеста

Мы живем в век динозавров. Повсюду вокруг нас огромные социальные, экономические и политические чудища ломятся сквозь разрушенную среду обитания, отбрасывая угрожающие жизни тени на всю планету. В наших сообществах идет титаническая борьба, по мере того как Капиталист-Рекс и Режим-азаурус борются, чтобы набить свои животы как можно большим количеством ресурсов и мощью, в то же время удерживая на расстоянии конкурирующие виды, такие как вновь рассвирепевшие Птеррор-дактили. Битва между этими гигантами ужасна, она продолжает бушевать, но она не может затянуться надолго. Эволюция — против этих обреченных на неудачу тиранов. Их солнце уже клонится к горизонту, а яркие глаза других существ поблескивают в темноте, требуя чего-то иного.

Не все эти глаза сильно отличаются от глаз сражающихся ныне хладнокровных повелителей, властвующих в настоящее время на Земле. Они вдохновили более мелких динозавров, ожидающих своей очереди для властвования. Эти малыши — окаменелые идеологии Левого фланга. Несмотря на заманчивые обещания, они предлагают только привлекательную версию существующей системы и в конечном счете не дают большей свободы, чем большие хозяева, такие как «социалистические» правительства Западной Европы. Их когти, возможно, коротки, и их зубы не столь остры, но их аппетит и используемые ими методы — те же, что и у их больших родственников. Они тоскуют по массе: извечная мечта ребенка быть большим. Они верят: если они наберут достаточную массу с помощью партий, организаций и движений, они смогут потеснить главных динозавров и вырвать власть из их лап.

В холодной тени ночи на верхушках деревьев позабытых лесов и на улицах опустошенных городов все еще можно встретить другие глаза. Острые глаза и стройные тела, вскормленные надеждой, глаза, которые блестят возможностью независимости. Эти маленькие создания живут на периферии, в тени динозавров. Их уши не реагируют на призывы маленьких динозавров, которые хотят уничтожить их и породить «одного большого динозавра», чтобы захватить всех остальных. Этих маленьких теплокровных созданий множество, и они разнообразны, они живут в отвергнутом изобилии мира, которое динозавры с высокомерием растаптывают. Они строят тайные планы сообща в тени и танцуют, пока уставшие гиганты спят. Они строят и творят, ищут новые пути для жизни и вновь открывают забытое, уверенные в том, что деспотизму придет конец.

Мы знаем, что суровое царствование не продлится вечно. Даже динозавры знают, что придет конец их века: метеорит, несомненно, попадет в цель. Как бы то ни было, усилиями пытливых теплокровных или же по причине необъяснимой катастрофы темным дням гигантской власти рептилий придет конец. Однообразная униформа

щитовок будет заменена перьевым костюмом, пухом и эластичной кожей миллиона оттенков. **Это анархия в эпоху динозавров**.

Мечта о массе

Фатальный недостаток динозавра — это его ненасытное желание массы. Корни этого сумасшедшего стремления лежат в той удушающе-дымной ночи XIX столетия, которую мы до сих пор не оставили позади. Точное происхождение стремления стать массой нас не интересует. Вместо этого мы хотим попробовать понять, как мышление динозавра пробирается в наши современные культуры сопротивления и что мы можем создать вместо него.

Желание массы определяет практически все, что делает динозавр. Эта ненасытная страсть управляет не только его решениями, но и всей его организацией. Массовые организации имеют привычку, даже представляя себя другим (неважно, СМИ или потенциальным союзникам), гордо стучать себя в грудь и делать вид, что они куда больше, чем на самом деле. Точно как и первые динозавры, которые проводили все свое время в поисках пищи, динозавры левых используют большую часть своих ресурсов и своего времени на то, чтобы гоняться за фантомом массы: больше тел на демонстрации, больше подписей под петицией и больше новичков.

Продолжающаяся привлекательность массы является, бесспорно, рудиментом прошедших революционных дней. Все одинокие души, которые в тени гигантских капиталистических рекламных щитов и под взглядами хорошо вооруженных полицейских продают радикальные газеты, мечтают тайно о штурме Бастилии, Зимнего дворца или входе масс в Гавану. В этих фантазиях незначительный индивид превращается чудесным образом в цунами исторической силы. Пожертвование собственной индивидуальностью кажется приемлемой ценой за шанс стать частью чего-то большего, чем аппарат угнетения. Эту мечту подпитывает большая часть левых, включая многих анархистов: превращение маленького хрупкого млекопитающего в гигантского неудержимого динозавра. Мечта о массе поддерживается традиционной иконографией левых: рисунки огромных однообразных масс, гигантских рабочих, представляющих растущую мощь пролетариата, и съемки с воздуха миллионных уличных демонстраций. Такие образы часто привлекательны, романтичны и придают мужества. Короче говоря, это *хорошая пропаганда*. Тем не менее, несмотря на их привлекательность, мы не должны покупаться и считать их *настоящими*. Эти образы не более реальны или желательны, чем хитроумная реклама, предлагаемая нам циничной капиталистической системой.

Анархисты традиционно относились критично к однородности, сопровождающей всякую массовость (массовая продукция, СМИ, массовое уничтожение). Тем не менее некоторые из нас кажутся не в состоянии противостоять образу людского моря, которое наполняет улицы и скандирует «Солидарность навсегда!». Такие понятия, как «массовая мобилизация», «рабочий класс» и «массовое движение», до сих пор царят в нашей пропаганде. Мечты о революции и захвате власти отпечатались на нашем восприятии прошедших сражений: мы купили открытку из другого времени и

хотим испытать то же самое. Если нашим мерилом является немедленное массивное изменение всего мира, то усилия небольших коллективов или аффинити-групп всегда обречены на провал.

Общество потребления наполняет наши головы лозунгами вроде «чем больше, тем лучше», «количество вместо качества» или «сила в численности», так что неудивительно, что мечта о еще большем и лучшем массовом движении столь превалирует среди радикалов всех цветов. Мы не должны забывать, сколько творчества, жизни и новаторства исходит от тех, кто отказывается от ассимиляции. Зачастую небольшая группа, презираемая мейнстримом, делает наиболее фантастические открытия. Крестьяне из Чьяпаса или фрики из высшей школы, все равно, — это люди, которые отказываются быть еще одним лицом в толпе.

Страсть к массе ведет к ряду ошибочных решений и типов поведения. Самая опасная тенденция — это стремление к смягчению нашей политики, чтобы заполучить поддержку широких слоев населения. Это слишком распространенное решение ведет к слабым однообразным кампаниям, которые являют собой политический эквивалент профессионально выполненных баннеров и транспарантов, монотонно повторяющих догмы организаторов на многих демонстрациях и маршах протеста. Несмотря на заверения касательно локальной борьбы, проектов и кампаний, они являются полезными только для динозавров, когда они набросятся на массу (или будут ею поглощены). Многообразие тактик и тем, которые легко развиваются в разнородных группах, должно быть сглажено компромиссами, для того чтобы сфокусироваться на каком-нибудь легкопереваривaемом лозунге или цели. В этом кошмаре наши цели и акции становятся просто средством, чтобы увеличить избирательные списки, заполнить зоны протеста или добавить подписантов под призывами к акциям — все это мерила массы.

Мы расплачиваемся за прибавление в массе придушенным творчеством и скомпрометированными целями. Идей, которые могли бы отпугнуть СМИ, или нечто более сложное, чем простые лозунгоподобные послания вроде «Нет крови за нефть!» или «Это не мой Президент», избегают, так как они могут вызвать расколы и дискуссии и тем самым сократить массу. Здоровые внутренние дебаты, разногласия и региональные различия должны быть сглажены. Притом это именно те различия, которые делают наше сопротивление таким подвижным и гибким и тем самым ведут к самым смелым новациям.

В этих печально предсказуемых ситуациях всем правит фраза. Во всякий момент времени глаза направлены на одну высшую цель — размер. Стремление к массе и однородности (которые идут рука об руку) ограничивает нонконформистские и радикальные инициативы тех, кто хочет попробовать что-то новое. Обычный упрек касательно творческих или воинственных акций: они не очень хорошо воспринимаются СМИ, они отдаляют от нашего общего послания, или они отпугивают определенных избирателей и потенциальных союзников. Призывы к конформизму, как правило, в виде циничного биения себя в грудь ради «единства» являются мощным и эффективным средством цензуры страстного сопротивления тех, кто не принадлежит к массовой политике. То, чего лишены наши уличные демонстрации и наши сообщества, — это не единство, а истинная солидарность.

Чтобы достичь своих целей, динозавры используют страх. Они пользуются реальными опасностями, с которыми мы сталкиваемся каждый день в наших сообществах сопротивления. Массовые организации обещают нам безопасность и силу количества. Если вы готовы свои идеи, свои темы и свои инициативы отдать на съедение динозавру, вы будете защищены в его огромном животе. Без сомнения, многие люди готовы подчинить безопасности свои послания и частные формы сопротивления. Однако обещания безопасности, скрепленные разрешениями на протест или огромным списком сторонников, абсолютно пусты. Государство весьма опытно в нейтрализации массовых движений: мнимая сила динозавра заключается в его громоздком размере. Все, что нужно сделать государству, — это обрубить любое движение посредством арестов, кооптаций, мелких уступок, запугивания и «мест за столом».

Если движение разделено на группы, которые могут быть кооптированы, и на радикальное меньшинство, его сила дробится и боевой дух падает. Этот многократно опробованный метод проверен временем и весьма эффективен, когда государству нужно устранить движения, выступающие за социальные и политические изменения.

Но есть и другие мечты — мечты об анархии, которые не населены громоздкими протодинозаврами. Это мечты не о «революции», но о сотнях революций, включая локальные и интернациональные формы сопротивления, могущие быть одновременно изобретательными и воинственными. Монокультура Одного Большого Движения, ищущего «революцию», игнорирует жизненный опыт обычных людей. Анархисты Северной Америки создают нечто новое. Иногда мы, даже не подозревая об этом, сдираем дряблую кожу с динозавра левых и осмеливаемся создавать дикие и непредсказуемые формы сопротивления: множество сражений, все они значительны и все они связаны друг с другом.

Мечты анархистов — это кошмары небольших динозавров. Неважно, являются они политиками из Вашингтона, хорошо оплачиваемыми профсоюзными чиновниками или партийными бюрократами. Внутри многообразного скопления индивидов и небольших групп сопротивление может быть нигде и никогда, везде и всегда. В последние несколько лет, с конца 90-х годов прошедшего столетия, замес из движения против глобализации, локального активизма, местных кампаний, анархо-бродяг и технических фриков, а также солидарность с интернациональным сопротивлением создали нечто совершенно новое в Северной Америке. Мы просто заменяем массовое движение огромным количеством движений, в которых нет причины угнетать наши страсти, прятать нашу креативность и отказываться от нашей воинственности. Нетерпеливым может показаться, что нас слишком мало и что мы добиваемся лишь малых побед. Но если мы откажемся от претензий на массовое превосходство, то увидим, что в малом не только красота, но и настоящая сила.

Иллюзии контроля

Когда динозавры сталкиваются с необузданной дикостью реальности, они впадают в лихорадочную манию величия. В припадке безумия они создают свой собственный напыщенный образ мира, бульдозерами расчищая дикость и заменяя ее пустырем, который отражает их собственную пустоту. Невероятное прежде разнообразие природы заменяется мертвой простотой асфальта и бетона.

Эта привычка к контролю глубоко коренится не только во всех динозаврах, но и в тех, кто соприкасается с ними, включая большинство мнимых революционеров. Эта мания контроля влияет на то, как мы выстраиваем взаимоотношения с другими людьми, выражаем свои мысли и проживаем свою жизнь. Если мы взглянем на американское общество поближе, то мы не сможем не заметить высокий уровень домашнего насилия, жестокого эгоизма, институционализированной гомофобии, сексизма и расизма. Когда динозавры разрушают естественные экосистемы, они заменяют их социальные взаимоотношения альянсами и партнерствами, основанными на продуктивности, контроле, росте и ориентации на прибыль. В этом виноваты и анархисты. То, что прежде было сообществом, становится движением; друзья замещаются просто союзниками. Мечты становятся идеологией, а революция — работой. Революционеры отчаянно пытаются контролировать мир, который их окружает, — бессмысленное начинание, так как мир контролируется двухголовым чудовищем — Режим-азаурусом и Мультинациональным бизнесо-завром. Ушедшие из настоящего, радикалы слишком часто проживают свои жизни как призраки в революционном прошлом или будущем. Поэтому неудивительно, что революционеры, верующие в свою собственную риторику, перегорают или, что еще хуже, становятся кабинетными теоретиками. Ведь проще размышлять о будущем, чем предпринимать что-то в настоящем.

Так же, как проще теоретизировать насчет мира, чем взаимодействовать с ним, куда проще философствовать на тему, когда же случится революция, чем делать реальную революцию. Прогнозы и постулаты о том, какая группа все же является самой революционной, еще более смешны. Эти теоретики, будучи непревзойденными экспертами, присваивают себе право назначать тех, кто сделает революцию в прекрасном далеком будущем. Кого же они выберут на этот раз? Рабочих? Пролетариат? Молодежь? Цветных? Жителей стран третьего мира? Любого, только не себя.

Никто не знает, как эта революция будет выглядеть, еще меньше об этом знают мямлящие кабинетные теоретики, которые не знакомы со своим окружением, но обдумывают усовершенствование диалектики. Люди, прочно стоящие на ногах, инстинктивно понимают, что никакая книга о революционных теориях не сможет охватить каждую деталь будущего. Большинство из того, что называется «революционным», *не имеет отношения* к обычным людям. Голоса теперешних сообществ раздаются, несмотря ни на какие теории, даже если пока все это принимает форму

лишь небольшого сопротивления. Кто не мухлюет с налогами, не избегает встреч с копами или не прогуливает школу? Эти действия, может быть, и не революционны, но они направлены против контроля сверху. Анархистские идеи должны соответствовать повседневному опыту и обладать достаточной гибкостью, чтобы можно было вести борьбу в различных ситуациях и контекстах. Если мы достигнем этого, то будем процветать в мире после динозавров. Может быть, нам даже повезет, и мы станем одним из тех сообществ, что приложат руку к их свержению.

FOLK ANARCHY
REVOLUTION OF EVERYDAY LIFE
COMMUNITIES OF RESISTANCE
INSURRECTIONISM
Situationism
ANARCHO-COMMUNISM
Guerilla Warfare
LEFTISM
Classical Anarchism
MARXISM
PRIMITIVISM
WESTERN RATIONAL THOUGHT

Государство — это машина

Против экспертов и продуктивности

Анархисты создают культуру, которая позволяет все большему количеству людей стать свободными от власти динозавров. В настоящий момент наши агитация и пропаганда — лишь искры, которые могут зажечь сердца, но еще не пламя революции. Это вызывает нетерпение и цинизм у некоторых людей, но анархисты должны сохранять уверенность. Мы творим революцию, в которой мы не только контролируем средства производства, но и наши собственные жизни.

Нет никакой *науки изменений*. Революция ненаучна. Активисты должны быть не более специалистами в области социальных изменений, чем художники — экспертами по самовыражению. Великая ложь всех экспертов — это утверждение, что у них есть доступ к эксклюзивному, к недостижимому, даже к невообразимому. Нелюбимые и самозваные эксперты революции требуют многого, помимо твоей верности. Прежде всего, они требуют продуктивности — места в хорошо смазанной машине.

На месте приусадебных садов и общественного транспорта продуктивность сотворила генномодифицированные продукты и 16-полосные автострады. Продуктивность требует иллюзии прогресса, неважно, насколько он бессмыслен. Наше отрицание продуктивности привело ко многим замечательным проектам. Food Not Bombs, может быть, не самый продуктивный способ дать еду тем, кто голоден, но он более эффективен по своим целям и более осмыслен, чем все правительственные программы, религиозные суповые кухни или продуктивные корпорации. McDonalds обещает нам быстрый и продуктивный способ питания, но не является ли это полной противоположностью тому, каким бы мы хотели видеть наш мир? Продуктивность мотивирует многие кампании и проекты, и слишком многие активисты уже сами деградировали до неправдоподобных и плоских персонажей из телевизионной рекламы. Поиски продуктивности и рентабельных тем привели их к конкуренции с фирмами, правительствами и другими активистами за воображение общественности.

Как и масса, продуктивность является ключевым божеством в пантеоне динозавров. Нет ничего плохого в желании что-то закончить; некоторые нужные проекты — сущее наказание, и лучше их завершить как можно быстрее. Но наши личные отношения и совместное желание изменений — не те вещи, которые нужно сделать наспех, отснять на пленку и отдать на телевидение.

Страхованием рисков для продуктивного активиста служит то, что, коли уж о свободе всегда только дискутировали, но никогда ею не жили, все изменения должны быть заранее спланированным и трудоемким процессом. Именно среди этих экспертов находятся те бюрократы, которые трясутся от страха при мысли о народной революции без партийного разрешения и руководства. Люди этого сорта тащились по пятам всей революционной истории; сегодня это те, которые опасаются хаоса

демонстрации или рассуждают о классовой борьбе, не упоминая при этом, что отвергать принуждение в повседневной жизни — тоже революционно. Да, это именно те, с трупами во рту! Они дрожат при мысли, что идеи или люди, у которых они есть, могут выйти *из-под контроля*. Для этих самозваных экспертов по социальным изменениям самая продуктивная демонстрация — это та, где есть одно-единственное четкое требование, ясная целевая группа и подготовленный сценарий… желательно сценарий, написанный ими самими.

Станем ли мы подражать этим политическим машинам? Будем ли мы стремиться стать похожими на государство? Левая версия этой машины снова сотрет все различия, чтобы создать конечный продукт — конец Истории, Утопии, Революции. Машины уничтожают нашу жизненную силу и выжигают наши сообщества. Массовая интернет-рассылка может быть более продуктивной, чем разговор с незнакомцем или продажа лимонада в парке, но не обязательно более эффективной. Самый короткий путь — не всегда самый лучший.

Каждый раз, когда мы доверяем экспертам решение наших проблем, мы уступаем еще немного нашей автономии. Судьи, профессора, ученые, политики, копы, банкиры — это двигатели продуктивности. Их инструментам никогда не преобразовать наши отношения или наше общество; они только могут зацементировать и забетонировать ту ебаную ситуацию, которая у нас уже есть. В их мире всегда будут потребители и потребляемые, пленники и завоеватели, акционеры и должники. Маленькие динозавры, которые бросают вызов большим, возможно, хотят изменить мир, но делают это согласно генеральному плану, написанному не вами или мной, но кабинетными теоретиками.

Конец динозавров — это только начало

Выход есть. Выход из потребления—ловушки—капитализма—капкана—правительства—мышеловки не может быть найден в бегстве в мифическое «куда-то», будь то коммуна, леса или подвал родительского дома. Мы должны противостоять текущим бедам и начать менять жизнь вокруг нас. Для этого требуется, чтобы мы действовали не как масса изолированных потребителей, следующих устоявшимся идеологиям, но как индивиды, создающие свое собственное будущее. Старые мифологии говорили о Революции, Демократии и Утопии — и до какой-то степени все это звучало фальшиво. Чтобы создать что-то новое и осмысленное, нам достаточно просто друг друга.

Ячейки нашего сопротивления разбросаны по всей Северной Америке и всему миру: иногда юные и яростные, иногда зрелые и опытные, но всегда готовые к любви или войне. Эти взаимоотношения — предвозвестник чего-то прекрасного. Анархисты обладают огромными сердцами и великими мечтами. Мы не первые, кто вынашивает подобные мысли: у нас есть предшественники. Вместо почитания или незнания прошлого мы должны создать свои собственные инструменты, собственные истории и собственные легенды.

Анархией мы назвали стрелы, направленные в сердце каждого динозавра. Это не религия, не просто идеология или политический бренд; это живая, развивающаяся экология сопротивления. Это просто обещание, которое мы дали самим себе. На следующих страницах представлена попытка одного коллектива описать народные подходы к анархии сегодня. Безусловно, существует много других версий, но все они соединены паутиной действий: мы будем сражаться, мы будем творить, мы будем любить, и мы будем развиваться. Анархия не происходит где-то еще, в другое время. Анархия — *это самый значимый путь от нас к свободе*.

THE NEXT TRAIN

Следующий поезд

«Они ленивы». «Они грязные». «Они воруют, и им нельзя доверять». «Это паразиты, высасывающие наши ресурсы». Мы все встречали их. У нас у всех сложилось мнение на их счет. И большинство из нас позволяет спать им на наших кроватях. Мы знаем все о *путешественниках*.

Анархисты, ведущие оседлый образ жизни в каком-нибудь местном коммьюнити, часто озвучивают одни и те же претензии в адрес путешествующих собратьев. Если мы проанализируем эти жалобы, то увидим, увы, что они повторяют жалобы из других мест и других людей. Это те же обвинения и стереотипы, которые используют жители Восточной Европы по отношению к цыганам, жители пригородов — к жителям центральных районов, профсоюзные рабочие — к гастарбайтерам из Мексики (и вообще ко всем иммигрантам), или немцы — к туркам.

В течение всей истории человечества задокументированы факты антагонизма между оседлыми народами и кочевниками. Несомненно, этот конфликт частично проистекает из убеждения, что если ресурсы скудны, безродные бродяги попытаются украсть то, что нажили непосильным трудом их оседлые соседи. Некоторые утверждают, что напряжение в отношениях возникает из зависти, которую оседлые люди испытывают по отношению к тем, у кого в жизни больше свободы и меньше ограничений. Независимо от источников конфликта итог один и тот же — недоверие и враждебность. К несчастью, многие анархисты угодили в ту же самую ловушку стереотипов и поношений в адрес путешествующих товарищей. Но ведь анархисты путешествовали всегда! Будь то Бакунин (возможно, прародитель нынешних молодых путешественников), организовывающий Первый Черный Интернационал, или Эмма Гольдман, выступающая с речами по всей Америке, — анархисты давно уже берут с собой в дорогу свои идеи и проекты. В наши дни мы продолжаем брать с собой наши проекты и политику, куда бы и когда бы мы не шли: в поездки на товарняках небольшими группами, велокараванами, тесными минивэнами, набитыми музыкальным оборудованием, полеты без мест по листам ожидания, вписываясь в забронированные туры футбольных болельщиков или просто вытянув большой палец на трассе. Помимо гедонистических и индивидуальных, существует несколько причин, чтобы путешествовать. У путешествий есть политический и культурный потенциал, который может усилить наши сообщества, опылить идеи и обеспечить взаимопомощь.

Распространяя мемы

Личный контакт куда более значим, чем коммуникация через телевизор, телефон, Интернет, журналы или книги, подобные этой. Есть что-то чудесное в том, чтобы

встретить человека из другого сообщества и понять, что у вас одни и те же желания и проекты. Путешествия сближают нас. Теперь, когда анархия перестала быть уделом скучных книжных ярмарок и университетских кампусов, целеустремленная часть наших сообществ распространяет анархические идеи по стране и миру. Эти идеи, иногда называемые «мемами», мутируют и меняются, всплывая в неожиданных местах и контекстах.

Движение «Верни себе улицы» (RTS — Reclaim the Streets) первоначально являлось продуктом деятельности против строительства шоссе в Британии. Это были попытки сохранить сельскую природу, такие как битвы за Твайфорд Даун. По мере того как

все больше и больше активистов из городов оказывались вовлечены в протесты, характер деятельности медленно изменился из протестов против конкретных дорог в протест против автомобильной культуры в целом. Триподы и прочие средства, оказавшиеся достаточно эффективными, чтобы остановить строительство новых дорог, были использованы для блокирования уже существующих хайвэев в центре Лондона. То, что начиналось как обычные протесты, превратилось в нечто особенное. Спонтанные уличные вечеринки с музыкой, куклами из папье-маше и прямым действием распространились по Англии всего за год. Через два года идея добралась уже до Финляндии. За четыре года первоначальная идея RTS превратилась в GDA (Global Day of Action — Всемирный день действия). Вы захватывали улицы 30 ноября 1999-го? Это тоже было GDA. Более десяти тысяч людей в нефтяной столице Нигерии, Порт-Харкоте, вышли на улицы с песнями и плясками, блокировав деятельность офисов жестокого нефтяного конгломерата Shell. Мутировав по пути через Атлантику в США, RTS распространился с лондонских шоссе в станции нью-йоркской подземки и пригороды Напервилля, штат Иллинойс. Существенная часть этого явления передавалась людьми, делившимися своим опытом во время путешествий. Мем RTS вышел за рамки первоначального контекста и стал значительным для многих людей по всему миру.

Путешествия предоставляют возможность не только узнать о людях, проектах и методах сопротивления в отдельном географическом сообществе, но также позволяют путешественникам активно участвовать в деятельности этих сообществ. Конечно же, путешественники могут предложить своим хозяевам сделать что-то полезное по дому (иногда, например, неплохо помыть посуду!), но на самом деле они могут сделать куда больше. Путешественник приносит с собой знания, страсть и навыки — целую жизнь опыта и учета. В отсутствии работы и других традиционных временных рамок путешественники могут быть политическим и культурным «подкреплением» для партизанской войны, в которую мы сейчас вовлечены в Северной Америке. Вместо того чтобы быть пассивными потребителями информации, мы можем стать активными партнерами в культурном диалоге благодаря встречам «лицом-к-лицу». Это основная цель конференций, собраний, *encuentros*. Успешные события вроде конференции о Постоянной Автономной Зоне (PAZ) Луисвилля собирали людей со всей страны (и из-за рубежа), которые делились друг с другом идеями, устраивали тренинги и воркшопы, обменивались нашивками, стенсилами, устанавливали личные контакты и — да! — просто прекрасно проводили время.

В этом культурном обмене разнообразие играет важную роль. Причем не только расовые или этнические различия, но и географические. У анархистов из Канзаса свое собственное видение анархии. Оно чем-то напоминает видение анархии у анархистов из Мэна. В какой-то степени это даже похоже на боливийскую или корейскую анархию. Все эти географические сообщества адаптируют анархические принципы к своей собственной среде обитания. И хотя общие моменты очень важны, именно благодаря различиям появляются наиболее интересные проекты.

Разнообразие на местном уровне помогает сохранить культуру живой и непосредственной, чтобы чье-либо «видение» не подчинило себе индивидуальные стремления к инновациям. Как диалекты какого-либо языка, региональное разнообразие анархии обогащает нас и наполняет нашу жизнь новыми оттенками. Вместо то-

го чтобы стать гомогенной «книжной» идеологией, анархия поселилась в тысячах сообществ, основанных на пересекающихся друг с другом культурах, политиках и практиках. Совершенно не обязательно унифицировать эти отдельные анархии или придавать им единый вид. Когда путник из Чикаго приезжает со своим опытом в лагерь триситтеров[1] в лесах Каскадии или на засквотированную ферму в Бразилии, он распространяет свое собственное видение анархистских мемов. И только время покажет, что из этого выйдет.

Чем больше — тем веселее

То, что люди из других мест приезжают в ваш город, повышает мораль всего сообщества. Когда анархисты из полудюжины городов запрудили резервацию коренных американцев в штате Нью-Йорк, чтобы помочь защитить семьи племени онейда от насильственного выселения, это оказалось возможным только потому, что культура путешествий наполнена желанием предоставить взаимопомощь. Семьи были приятно удивлены помощью от совершенно незнакомых людей, в то же время анархисты были рады присоединиться к борьбе сообщества, пусть даже и временно. В этом случае борьба за автономию была бы невозможна без самоотверженности местных жителей. Путешественники же использовали свою «свободу» (времени и действий) для того, чтобы борьба увенчалась успехом. В совершенно другой обстановке общественные сады Южного Бронкса, в том числе наш любимый Кабо Рохо, месяцами поддерживались разнообразными путешественниками и анархистами из различных уголков страны. Вместе с оседлыми товарищами на захваченной земле ими было создано микросообщество. Собрания, демонстрации, конференции предоставляли людям из совершенно разных сообществ возможность обмениваться опытом и учиться друг у друга. Благодаря культуре путешествий группы, вовлеченные в локальную борьбу, могут рассчитывать на помощь совершенно неожиданных союзников, несмотря на географическую изоляцию. Если когда-либо национальная или интернациональная анархистская культура будет описана, то, скорее всего, именно в категориях такого рода взаимодействий.

Власти справедливо обеспокоены нашей способностью мобилизовывать товарищей из других географических сообществ. Во время одной особенно известной акции RTS — в Дехаме, Северная Каролина — можно было услышать, как сержант полиции утверждал, что сотни анархистов прибыли из Юджина и Сан-Франциско, хотя большую часть участников составляли местные. Полиция была предсказуемо шокирована способностью протестующих собраться вместе и делать, что придет в голову. Единственным объяснением происходящего для полицейских было, что это приезжая «молодежь из Сиэтла» угрожает их территории. Они и помыслить не могли, что в их собственном дворе тоже живут анархисты. Отчасти успех этого конкретного протеста можно отнести на счет того, что к местным товарищам присоединились другие анархисты из Северной Каролины, студенческие активисты, уличные банды подростков и прожженные путешественники. В то время как немногие местные

[1] Люди, сидящие на деревьях с целью предотвратить их уничтожение. — *Примеч. ред.*

сообщества могут организовать события, на которых они не были бы подавлены полицией, именно путешественники позволяют нам мобилизовывать неожиданное число людей и выводить власти из равновесия. Вместо того чтобы полагаться на единообразную массу как средство победы над врагами, мы выигрываем от наших различий и личных талантов. Это основная сила антиглобалистского движения и основа нашей тактики, которая оказывается полезна при разных обстоятельствах и видах борьбы.

«Если долго сидеть на берегу реки, увидишь проплывающий труп врага»

Границы существуют не только в реальном мире. Границы существуют у нас в головах. Покуда мы верим в то, что являемся гражданами неких конкретных стран и ограничены лояльностью по отношению к некоему конкретному сообществу, мы проигрываем. Нам всем стоит почаще путешествовать! Будь то путешествие за границу на демонстрацию против МВФ или в соседний город, чтобы встретиться с группой, участвующей в одном с вами проекте, путешествия — это прекрасный способ наладить связи с другими людьми. Наша солидарность не должна ограничиваться людьми, которым посчастливилось жить с нами в одном районе или городе.

Дружба — это прекрасное средство распространения страсти: лучше всех книг, зинов и даже Интернета. К сожалению, многие анархисты живут в местах, достаточно удаленных от крупных сцен, которые могли бы поддерживать их мечты и проекты. Путешествия и путешественники могут послужить потенциальным катализатором, который позволит людям, изолированным по воле случая и географии, развить свои проекты без необходимости переезда. Если анархисты рассчитывают на то, что когда-нибудь они перестанут быть лишь маргинальной силой в США, нам стоит научиться попадать даже в самые одинокие уголки этой огромной страны. Как это ни иронично, вместо «разрушения» местных сообществ путешественники, возможно, являются нашим лучшим шансом на создание сильных местных сообществ сопротивления, благодаря обмену идеями, ресурсами и свободными руками из разных мест.

Некоторые скептики примутся утверждать, что в путешествиях самих по себе нет ничего радикального. И это так: миллионер может сесть в самолет до Барбадоса и арендовать там себе целый отель, так же как крастер в США может кататься на поездах исключительно из желания дешевого эскапизма. Потенциальные возможности, заложенные в путешествиях, заключаются в относительной свободе: свободном времени, которое можно посвятить различным проектам, возможности распространить информацию и ресурсы, подвижности при вкладывании энергии в новые проекты, поддержке отдаленных товарищей и так далее. Путешествия можно использовать для борьбы с изоляцией и распространения надежды в этом не очень гостеприимном мире. Как известно, любому путешественнику требуется много терпения и самоотверженности, чтобы попасть куда-то, где он никогда не был. И пусть пути, по которым мы идем, приведут к анархии.

Никогда еще метание цветов не приносило столько радости

По ту сторону долга и радости

Слишком много дружеских отношений, коллективов, проектов были напрасно погублены благодаря расколам по поводу базовых мотивов нашего участия в политической деятельности. Такие разногласия из-за наших основополагающих мотиваций угрожают даже самым идеологически «чистым» проектам и группам. Это препятствие более деструктивно и глубоко, чем противостояние зеленого и красного сектантства или более ранние разногласия пацифизма и прямого действия. Оно также обладает неприятным свойством калечить дружбу и оставлять людей в недоумении, что же пошло не так. Несмотря на неувядающие и пагубные проявления этого конфликта из-за мотиваций, очень мало написано о нем с точки зрения перспективы анархизма.

Так что же это за скрытая угроза нашей совместной деятельности? Ответ лежит в базовых мотивах чьего-либо участия в проектах. Как мы все знаем, существенная часть нашей деятельности совершенно негламурна и требует огромного количества энергии и других ресурсов. Наши акции очень часто не столь круты, как мы ожидаем, и временами могут подвергнуть нас серьезной опасности. Перегорание является невероятно распространенной болезнью активистов, вложивших в свои проекты огромное количество времени и энергии. Из-за таких подводных камней понимание мотивов людей, с которыми мы сотрудничаем, может быть не менее важным, чем знание их политических взглядов. Проецирование своих собственных мотиваций на других участников коллектива — надежный способ добиться неприязни и беды.

Традиционно существуют две основные разновидности мотиваций (или кажущиеся мотивации) анархистской политики — Долг и Радость. Как в любом дуализме, тут легко попасть в ловушку простых черно-белых ярлыков, проигнорировав более реалистичный диапазон серых оттенков. Вместо того постарайтесь думать об этих двух мотивациях как крайних точках спектра, которые освещают все, что находится между ними.

Нельзя отделить мотивацию от ожидания. На участие в проекте нас может мотивировать определенное ожидание от плодов своих трудов. Ожидания, которые невозможно разделить с коллективом (или даже публично выразить), могут стать препятствием на пути проекта. Поскольку соответствие нашим ожиданиям — основной способ оценки продуктивности любой нашей деятельности и/или проекта, различия в ожиданиях порождают различия в оценках. Эти различия могут разрушить способность коллектива учиться на прошлых ошибках, поскольку будут применены разные критерии оценки. Как Долг и Радость — очевидно — по самой своей природе являются совершенно противоположными мотивами, так разумно ожидать и противоречивый набор ожиданий от проекта. Это ведет к противоположным оценкам и анализу того, что является успехом для конкретного проекта или коллектива.

Столь фундаментальные мотивы для деятельности, как Долг и Радость, являются даже более живучими установками, чем какие-либо иные политические противоречия. Причина в том, что в основе лежат личные черты характеров конкретных людей. Мотивы, определяемые подсознательным или бессознательным, мало подвержены разного рода интеллектуальным аргументам, историческим прецедентам, логическим манипуляциям и прочим механизмам сознания. Если говорить кратко, причины, по которым мы участвуем в неких проектах, не всегда можно объяснить с точки зрения разума. Эти конфликтующие мотивации — потенциально самый разделяющий элемент, с которым мы сталкиваемся в нашей повседневной коллективной работе. Чтобы найти выход с минного поля мотивационной психологии, стоит понять, как проявляются эти два диаметрально полярных типа, и отыскать новые способы действий, которые дополняли бы их обоих.

Долг всегда был традиционной мотивацией для радикальных проектов; до недавнего времени он был превалирующим трендом в анархо-сообществах. Вне всякого сомнения, это связано с нашей трагической историей. Анархистская борьба по большей своей части — это череда горьких поражений, репрессий, маргинализации. Так что же мотивировало товарищей трудиться столь упорно и беззаветно все эти мрачные годы? Ответ, похоже, — острое чувство Долга, основанное на возвышенной мечте о справедливости, обвенчавшейся с верой в лучший мир. Модель Долга создала культ мучеников — тех, кто отдал все за Идею. Те, кто существует в рамках модели Долга, ожидают, что труд им предстоит непосильный и никто его не оценит, но все равно чувствуют, что кто-то же должен делать Это. Направляемые Долгом анархисты мало задумываются на тему, будет ли их работа радостной или приносящей удовлетворение. Ведомая Долгом политическая деятельность почти всегда характеризуется бесконечными собраниями, борьбой, нудной работой и огромным объемом потраченного времени. Степень участия в движении у таких людей измеряется простой формулой отношения работочасов к непривлекательности взваленных на себя задач. Жертвенность становится постоянным и материальным идеалом для ведомых Долгом анархистов. В силу огромных объемов затраченной энергии и не приносящей удовлетворения работы, существуют серьезные опасения насчет долгосрочности проектов и оценок их эффективности в распространении наших идеалов. Долг заставляет тратить много усилий на поддержание проектов. Нередко значительная часть энергии уходит на сохранение таких проектов, которые уже давно пережили свое первоначальное предназначение или же так никогда и не были полностью реализованы.

Ожидания людей, которые трудятся в соответствии с моделью Долга, направлены вовне. Мерой удачи или провала служат внешние факторы. Эти факторы обычно включают освещение в СМИ, реакцию сообщества, вербовку новых сторонников, объем пожертвований, долгосрочность проекта. Многие из этих ожиданий легко измерить в количественном отношении. Соответственно эмпирический анализ становится основной формой оценки для ведомых Долгом анархистов. Этот упор на количество и эмпирический опыт ведет к желанию повысить количественные пока-

затели. Основанный на Долге подход похож (по мотивациям, ожиданиям и оценкам) на исторические и современные тренды леваков.

Радость — относительно недавняя оппозиционная сила в анархистской деятельности, хотя в анналах анархистской мысли всегда существовало, по крайней мере, формальное почитание Радости. Примером тому служит известное высказывание Эммы Гольдман: «Если я не могу танцевать, это не моя революция». Более новая модель радостного анархизма уходит своими корнями в культуры панков, язычников и путешественников поздних 1980-х и является прямой наследницей хиппи и новых левых 1960-х. Ее мотивация основывается на принципе удовольствия. Радость пытается превратить политическую деятельность в игру. Она отвергает мученичество и жертвенность риторики старых левых, заменяя их карнавальными и празд- ничными метафорами. Радость судит о политической деятельности не по затраченным рабочим часам или жертвенности, но по тому, насколько захватывающим и вдохновляющим проект может быть на личном и коллективном уровнях. Поскольку активизм должен быть захватывающим и вдохновляющим, проекты, питаемые Радостью, часто недолговечны — они разваливаются вскоре после того, как иссякнет первоначальный порыв. О долгосрочном влиянии проектов на сообщество часто никто не задумывается. Анархисты, мотивируемые Радостью, относятся более скептически к историческим проектам, столь почитаемым анархистами, ведомыми Долгом.

Как и в случае с Долгом, у активистов, мотивированных Радостью, есть определенные ожидания, сформированные их мотивацией. Их ожидания от деятельности направлены вовнутрь. Упор дается на субъективный опыт и качественные перемены (в противовес количественным показателям). Среди ожиданий от проекта часто фигурирует веселье, раскрепощение участников, подъем самосознания, воодушевление, креативность, новизна. Проекты без этих качественных показателей рассматриваются как дефектные. Проекты, которым удается удовлетворить хотя бы часть ожиданий, — как успешные независимо от воздействия проекта на окружающий мир. Сосредоточенность Радостной мотивации на удовлетворении личных нужд, субъективном опыте и раскрепощении более типична для некоторых гедонистически настроенных хиппи- и панк-субкультур, нежели для традиционных леваков.

Поскольку очень мало анархистских проектов четко соответствует стилям именно Долга или именно Радости, особенно на начальных стадиях, часто люди со столь разными мотивациями оказываются в одном проекте. Сначала это вызывает напряженность в отношениях, впоследствии переходит в неприязнь и заканчивается изгнанием одной из сторон. Так происходило столь много раз за прошедшие годы, что привело к абсолютно бесполезным дебатам «Социальный анархизм vs. анархизма как стиля жизни». Ничего, кроме отчуждения и извращения обоих видов мотиваций, это не дало. Мы понимаем, что дискуссия о Радости и Долге может создать похожий раскол. И если бы это являлось нашей целью, то было бы крайним лицемерием с нашей стороны. Вместо того чтобы пытаться создать фальшивое «единство» мотиваций или, с другой стороны, начать еще одно сектантское сражение, мы стараемся

понять весь спектр мотиваций. Поиск смысла в направлениях Долга и Радости можно сравнить с процессом достижения консенсуса.

Обе стороны конфликта давно привыкли нападать друг на друга без какой-либо попытки пролить свет на истинные мотивации, которые влияют на их отношение к борьбе. Это создало еще один источник раздробленности в анархистской среде. Данное эссе не стоит рассматривать, как простой призыв ко всем стать ближе друг к другу. Это маловероятно, да и, скорее всего, нежелательно.

Существуют серьезные недостатки в обоих мотивационных подходах (и они четко обозначаются обеими сторонами конфликта), поэтому нам нужен другой подход к активистской деятельности. Для успеха нашему новому подходу потребуются плюсы обоих направлений — Долга и Радости. Ведь мы хотим максимизировать солидарность внутри коллективов, вовлеченных в анархистские проекты, и минимизировать существующие трения между людьми, воплощающими один из упомянутых стилей деятельности.

Хорошая новость — это то, что существенная часть анархистов, вовлеченных в какую-либо деятельность, не относится ни к одному из крайних проявлений континуума Долг—Радость. Нам бы хотелось предложить мотивационный подход, основанный на Смысле. Хочется надеяться, что апеллирование к Смыслу не только снизит трения, удушающие многие проекты, но также окажется стимулом для новых прекрасных и успешных проектов.

Мотивации, большей частью основанные на Смысле, всегда были составной частью анархии. По сути, термин «смысл» использовался обоими лагерями — Долга и Радости — для оправдания своего подхода и нападок на противоположную сторону. Поскольку само слово «смысл» оказалось в обиходе у обеих фракций, важно разъяснить, что мы подразумеваем под мотивациями, основанными на Смысле. Эрих Фромм описывал мотивации, основанные на Смысле, как мотивации, «содержащие как объективные (Долг), так и субъективные (Радость) способы познания». Смысл определяется в ходе анализа внешних эффектов и взвешивания их по отношению к внутренним чувствам. Анархист, мотивированный Смыслом, будет искать как личные (внутренние), так и общественные (внешние) последствия своей деятельности.

Проекты, рассмотренные в терминах Смысла, могут быть оценены более полно и поняты более глубоко с такой перспективы, чем с точки зрения любого из двух других достаточно ограниченных подходов. Прежде всего, потому, что учитываются пожелания обоих — количественного и качественного — подходов. Теперь наши действия можно оценивать по множеству параметров. Это уже не просто вопрос того, сколько часов человек работает, но также того, сколько удовольствия он получает от своей деятельности. Проект может оцениваться не просто по тому, насколько он увлекателен и весел, но и по тому, насколько он эффективен при достижении своих целей. Ни одна из двух упомянутых сторон конфликта не выше другой. Вместо этого мы ищем гармонию для того, чтобы создать Смысл. Приложение обоих ожиданий создает более богатый и полный новых нюансов способ анализа нашей политики. Смысл также является очень полезным инструментом при решении, на какие проекты стоит тратить наши крайне ограниченные ресурсы и энергию.

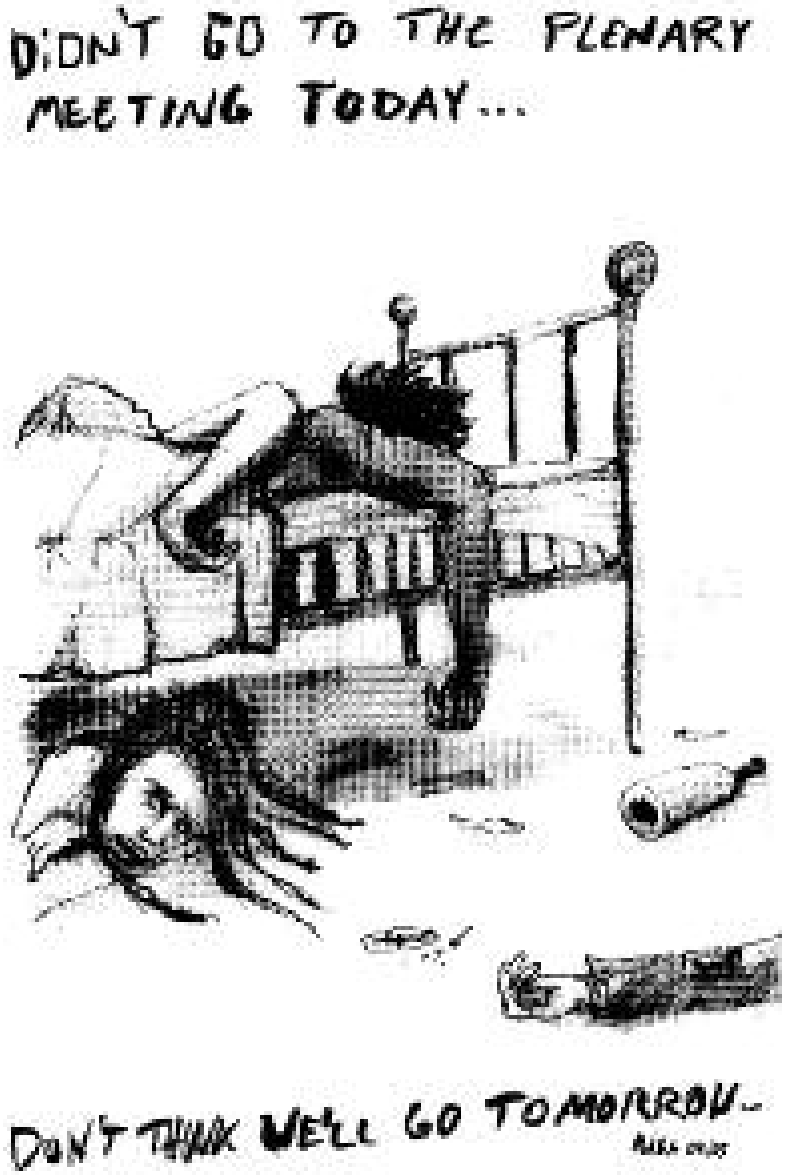
Преимущество Осмысленного подхода — в восстановлении всей истории успешных анархистских проектов и борьбы. Он также позволяет товарищам, связанным с

одним из экстремумов континуума Долг—Радость, работать друг с другом без того, чтобы отказываться от своих мотиваций или подавлять их. Когда мы ищем Смысл в наших проектах, мы требуем наиболее полного приложения наших сил и ресурсов. Мы больше не довольствуемся одним из концов континуума, но ищем их связь.

Акцент на Смысле ограничивает деструктивный эффект от еще одной неизменной помехи анархической деятельности — перегорания. Перегорание происходит, когда слишком много нашего времени и ресурсов оказываются потраченными на ненужные проекты. Наполненные Смыслом предприятия порождают энергию и раскрывают способности. Они дают стимул продолжать нашу борьбу, работать над воплощением долгосрочных проектов. Основанные на Смысле проекты предоставляют увлекательные возможности и новый опыт для всех активистов, в какой бы точке континуума Долга—Радости они ни находились.

В культуре массового производства ожиданий от наполненной Долгом работы и продуктов Радостного гедонизма Смысл оправдывает вложенный труд, ресурсы и жизни. Капитализм процветает на экстремумах континуума Долг—Радость, создавая лишенные смысла взаимоотношения, разделяющие нас на производителей и потребителей. Анархия предлагает решение для этого абсурдного, дуалистического общества. Наполненные Смыслом проекты будут более соблазнительны как для опытных анархистов, так и для новичков.

Только проекты, которые искренне пытаются сбалансировать внутренние и внешние стремления участников, могут надеяться превратиться в долгосрочное сопротивление бессмысленной миазме культуры повседневного консюмеризма. Ни Долг, ни Радость сами по себе не способны создать новый и лучший способ существования в полных жизни сообществах сопротивления. Другой мир действительно возможен, но он должен быть наполнен смыслом.



Сегодня мы не пошли на пленарное заседание…
Не думаю, что пойдем завтра…

Бабочки, мертвые герцоги, цыганское колесо и министерство неизвестности

По меньшей мере, со времен Кропоткина анархисты сознательно дистанцировались от идеи хаоса. Даже нашептывались легенды, что загадочная А в круге представляет собой порядок в хаосе. Почти каждый «серьезный» анархистский писатель в прошедшие годы пытался отдалить анархизм от хаоса. Но для большинства обычных людей хаос и анархия связаны навсегда. Связь между хаосом и анархизмом должна быть переосмыслена и признана, а не замалчиваться и подавляться. Хаос — это кошмар правителей, государств и капиталистов. По этой и по другим причинам хаос — естественный союзник в нашей борьбе. Не надо полировать имидж анархизма, вычищая хаос. Вместо этого мы должны помнить, что хаос — это не только пылающие руины, но и крылья бабочки.

«Предсказуемость — это власть».

Огюст Конт, отец социологии

Со времен Просвещения политики пытались использовать научные принципы в политике и экономике, чтобы контролировать плебс. Высокомерие социологов, экономистов и других подобных экспертов проявляется в их вере, что человеческую страсть можно измерить, давать ей приказания и, следовательно, контролировать. Попытки предугадать и контролировать все возможности уже давно являются голубой мечтой тоталитаристов и рекламных менеджеров по всему миру. Со времен Маркса, который считал себя «специалистом по поведению масс», революционные предводители всех расцветок верили, что они открыли совершенную формулу революции — простую, как детская раскраска, теорию общественных изменений. И профессиональные политики, и профессиональные революционеры борются, чтобы стать совершенными экспертами в манипулировании политической машиной; реальные политики только чуть лучше в этом, чем их активистские родственники. Неудивительно, что социологи революции, заслуженные марксисты колледжей и анархо-писатели так влюблены в платформы, политику, историю и сухие предписания. К сожалению для них и к счастью для нас, хаос отказывается играть по каким бы то ни было правилам.

Мелочь с большими последствиями

«Взмах крыльев одной-единственной бабочки сегодня вызывает крошечное изменение в состоянии атмосферы. Через некоторое количество времени

то, что происходит в атмосфере, отличается от того, что могло бы быть. Так, через месяц не произойдет урагана, который опустошил бы побережье Индонезии. Или, возможно, произойдет другой, который бы иначе и не возник».

Эдвард Лоренц, метеоролог, 1963

Самое малое изменение в исходных условиях системы может значительно изменить ее долгосрочное поведение. Этот феномен, описанный в теории хаоса, известен как «чувствительная зависимость от изначальных условий». Крошечное различие в измерениях может рассматриваться как экспериментальный шум, фоновая помеха или небольшая неаккуратность. Такие часто незаметные изменения могут разрастаться экспоненциально и сливаться неожиданным образом, чтобы давать столь же неожиданные результаты, которые даже представить себе никто не мог.

Эти глюки и призраки в машине слишком случайны, чтобы быть предусмотренными любым правительственным суперкомпьютером. Анархисты могут поэтому воспользоваться преимуществом непредвиденных поворотов событий, используя хаос в качестве секретного оружия против режимов контроля. Кто знает, может быть, женщина, отказывающаяся освободить место в автобусе, станет зачинщицей Движения за гражданские права или крошечная, но злая банда тинейджеров, собирающаяся у лотка с хот-догами по соседству, в нужный момент начнет полномасштабное восстание. Хаос может спутать карты даже самым важным динозаврам. В динамичной обстановке, такой как демонстрация, кажущиеся непоследовательными события зачастую могут изменить тон или направление всей «системы», приводя к хаосу в самом положительном смысле этого слова.

Политики мира едва ли предвидели, что убийство принца Фердинанда в каком-то закоулке Австро-Венгерской империи приведет к развалу трех самых обширных империй меньше, чем за одно десятилетие. Очевидно, что политические разногласия тех дней существовали независимо от мертвого принца, но покушение на него подожгло фитиль, который вызвал взрыв, разрушивший политические и экономические реальности империй. Аналогичным образом бабочка, взмахивающая крыльями в сельской местности где-нибудь в Западной Виржинии, обладает потенциалом вызвать ураган — или революцию — в Аргентине.

Скользя по фрактальным волнам революции

Хаос на самом деле более реален, чем мир, просто поделенный на дискретные объекты и линейные уравнения. Эти фантастические объекты слишком совершенны, чтобы быть реальными где-либо еще, кроме книг по математике. Настоящий мир беспорядочен, вздорен и подвержен постоянным изменениям, находящимся за гранью человеческого понимания. Абстракции могут иногда быть полезными — при планировании сражений с копами, зарисовке схем на следующий год и просмотре карт городов, где мы еще не бывали. Но многие абстракции оказывают дурную услугу реальному миру, пренебрегая ничтожными деталями. Мир хаотичен, и каждый раз,

когда кто-то считает, что может его контролировать, мир находит другой способ выбить у него почву из-под ног.

Фрактальная теория показала, что реальный мир менее «реален», чем мы вначале воображали. Во много обсуждавшемся эссе о побережье Англии было показано, что размер и вид единиц измерения самым драматическим образом влияет на конечный результат. Если мы используем прямую метровую линейку, мы получим более короткое побережье, чем если станем использовать маленькую изогнутую миллиметровую линейку. Побережье Англии, нравится вам это или нет, бесконечно растяжимо. Даже если у вас есть карта какого-либо города масштабом один к одному, она никогда не сможет полностью представить этот город. Существует много «городов» в каждом отдельном городе, и наш образ города зависит от того, как мы видим то, что нас окружает, и на чем мы предпочитаем концентрироваться. Преимущество этих борхесовых реальностей заключается в том, что анархисты имеют доступ к множеству линз, чтобы использовать и понимать мир. В царстве политического власти соглашаются с ограничением себя до одного «истинного» образа, в то время как мы держим глаза открытыми для хаотичных возможностей.

Анархисты могут использовать различные перспективы и линейки, чтобы определить, в каких проектах стоит принимать участие. С прямой и огромной линейкой Мировой Революции детали исчезают, а многие существенные проекты кажутся менее важными. Революция, как и побережье Англии, изменяется в зависимости от инструментов, которыми мы пользуемся. Мы можем использовать в своих интересах эту растяжимость наших линеек. Долг и Радость — только одна часть спектра нашей мотивации. Личное освобождение, классовая война, глобальная экология и борьба за политическую автономию — все являются различными формулами для измерения ценности акции или проекта. Примененная к ситуации, каждая даст другой результат.

Удача — союзник бунтаря

Мы должны стать союзниками удачи, если мы хотим преодолеть гигантские препятствия на пути наших предприятий. Мы не можем беспечно войти в казино политической революции, не понимая, что все козыри в руках наших врагов. Мы можем искать удачи там, где другие ее не нашли. Удача — это комбинация спонтанных совпадений, которые мы можем осознать и использовать для нашей выгоды. Эти события не могут быть запланированы или искусственно произведены. *К счастью* для нас, этот сложный мир заполнен доверху потенциально опасными совпадениями, доступными для любого бунтаря, достаточно смелого, чтобы разыскать их. Это означает — нужно сделать наши планы гибкими, чтобы быть в состоянии разобраться с этими возможностями, когда придет время. Обнаружение забытого мусорного бака рядом с маршрутом парада может запросто означать разницу между проникновением за полицейские кордоны и задержанием, особенно если бак используется как таран!

Как мы можем использовать хаос для достижения преимущества в нашем ежедневном сопротивлении? Когда ситуации непредсказуемы и последствия неизвестны, как можем мы надеяться использовать такого своенравного друга в качестве со-

юзника? Это вопросы для анархистских групп и мозговых центров по всему миру. Мы можем учиться на каждом опыте и не становиться столь заносчивыми, полагая, что можем спланировать каждое событие заранее. Жесткая иерархическая система боится хаоса, отвергает фракталы и теряет удачу. Высокомерие динозавров является большим благом для нашего сопротивления. Фрактальное сопротивление не может быть адекватно встречено спланированным менеджментом и стратегиями по пресечению массовых беспорядков. Важно осознать, что мы не первые, кто использует хаос в качестве тактики. Хаос был встроен в большое количество древних и не очень древних культур, от хопи до бушменов. Большое число сообществ не только прекрасно существует, унаследовав этот мировой хаос, но и нашло эффективный способ использовать его.

Культуры хаоса

Странствующие рома — также известные как цыгане — более ста лет были «проблемой» для антропологов. Относительно малые числом и лишенные какого-либо подобия экономической, военной или политической власти, они сопротивлялись ассимиляции более 600 лет. Цыгане обладают восхитительной и хаотичной системой взаимопомощи, основанной на мифе о «цыганском колесе». Материальная помощь бесплатно предоставляется другим путникам с той идеей, что она вернется к индивиду когда-нибудь в будущем, когда это будет необходимо. Только на дороге (традиционно пороговое пространство) помощь дается наугад тем, кто ее просит. Эта форма взаимовыручки зависит от сложной и постоянно меняющейся плеяды естественно возникающих знамений, которые непосвященными воспринимаются как причудливые суеверия. Так как эти знамения возникают случайно, никто не может сознательно ими манипулировать. Внешние наблюдатели просто начали рассматривать это как фундаментальную стратегию выживания, используемую рома против обществ, пытающихся их уничтожить или ассимилировать. Этот нелинейный подход к взаимной помощи может показаться сначала слишком случайным, чтобы он мог работать во всем обществе, но он остается поддерживающим фундаментом культуры рома. Наше собственное взаимодействие и щедрость к чужакам часто приносят нежданные выигрыши по ту сторону всяких расчетов и *всегда в нужный момент*.

Другой пример, из куда более обширной культуры: более тысячи лет назад Китайская империя создала Министерство неизвестности, призванное давать советы, если имперские планы терпели крах или приводили к нежданным результатам. Министерство неизвестности традиционно держалось в неведении касательно изначальных планов. Министерство затем консультировалось с И-Цзин (случайные бросания и конфигурации стеблей тысячелистника) для создания новых планов. Эта эффективная практика была остановлена, когда к власти пришел ориентированный на науку Чингисхан. По иронии судьбы, его сын Кублай-хан снова ввел и даже расширил Министерство неизвестности. Вместо рабского воспроизводства неудачных моделей и проектов нам не нужно бояться испытывать возмутительные и неиспробованные схемы.

В более специфичной революционной области хаос является инструментом, который может вырубить даже самых могучих гигантов. Саботажники знают, что самые простые предметы (вроде деревянного башмака) могут быть использованы, чтобы разрушить самые продуктивные и сложные системы. В самом деле, чем сложнее система, тем проще ее саботировать. Экономический эквивалент государственной слабости перед лицом хаоса — когда капиталисты становятся все более и более зависимы от технологии и бюрократии, увеличивается их уязвимость к таким хаотическими формам сопротивления, как хакерство.

Давайте же признаем хаос важной частью политических и общественных изменений. Мы можем интегрировать его как фактор в нашу повседневную жизнь. Хаос — это козырь, позволяющий маленькому сообществу вроде нашего достигать эффекта куда большего, чем предполагали эксперты. В самом деле, крупные группы обладают большей инерцией и редко извлекают выгоду из текучести мира. Пока мы будем не связаны жесткими тактиками и хрупкими моделями, мы в состоянии приспособиться к постоянно изменяющейся окружающей среде.

Со здоровой порцией подозрения к руководителям и экспертам, которые обладают верным видением, платформой или стратегией изменений, мы сможем всегда держать наши глаза открытыми для неожиданных возможностей хаоса.

Ячейка, группировка или аффинити-группа?

Термин «аффинити-группа»[1] часто употребляется в анархистских кругах. Однако существует несколько заблуждений относительно истинной природы аффинити-групп и того, как мы можем использовать их, чтобы создать радикальные изменения. Структуры аффинити-групп имеют схожие характеристики как с ячейками, так и с группировками[2], хотя они и существуют в разных контекстах. Для стороннего наблюдателя, может быть, очень трудно отличить, является ли отдельная группа людей ячейкой, группировкой или аффинити-группой, и это, несомненно, приводит к путанице. Все три группы состоят из нескольких индивидов, скажем, от трех до девяти, которые работают вместе, поддерживают друг друга и обладают структурой, обычно закрытой для окружающих. В зависимости от их целей они участвуют во множестве проектов, от обыденных до революционных, но на этом сходства заканчиваются.

Ячейка является частью более крупной организации или движения с единой политической идеологией. Зачастую ячейки получают указания от более крупного сообщества, частью которого они являются. В целом ячейки ориентированы на «работу» и не рассматривают социализацию как важнейшую цель. Отдельные ячейки соединены друг с другом (в одной и той же организации) общим видением, хотя могут пользоваться различными тактиками.

Группировка, с другой стороны, — это группа людей, которые оторвались от более крупного сообщества или организации. Социальные группировки повсеместны; хорошие примеры могут быть найдены в высших школах, в таких группах, как качки, мажоры, компьютерные фанаты или ботаники. Группировки стремятся к изоляции и предпочитают создавать неподвижные границы между собой и остальным сообществом, с которым ассоциируются. Группировки редко фокусируются на работе или проектах.

Аффинити-группа — это автономная группа индивидов, которые разделяют определенное видение. Хотя видение может и не быть идентичным у ее членов, аффинити-группа разделяет определенные общие ценности и ожидания. Аффинити-группы возникают из более крупных сообществ, будь то защитники окружающей среды в каком-либо био-регионе или члены хип-хоп-группы, выступающие вместе. Две любые аффинити-группы, возникшие из одного и того же сообщества, могут иметь абсолютно разные перспективы, интересы и тактику. Это разнообразие не распространено среди ячеек. Аффинити-группы поддерживают тесные отношения с родными сообществами и обычно ищут пути, чтобы связаться с другими аффинити-

[1] От *affinity* — сходство, близость. — *Примеч. ред.*

[2] В оригинале *clique* — клика, точный перевод не совсем адекватен. — *Примеч. ред.*

группами и организациями в этом сообществе. Таким образом, они отличаются от группировок, которые стремятся отделиться. Аффинити-группа может также тесно работать с другими группами вне своего родного сообщества.

Аффинити-группы имеют политическое преимущество, так как способны устанавливать связи, которые соединяют различные сообщества. Хотя аффинити-группы являются наиболее закрытыми структурами (распространенная критика, используемая динозаврами), большинство анархистов чувствуют себя комфортно, участвуя во множестве аффинити-групп. Эти кадровые взаимосвязи между аффинити-группами могут создать большую близость и взаимопонимание между различными сообществами и развить более крепкую солидарность. Это эффект «перекрестного опыления». К примеру, член аффинити-группы прямого действия, который оказывается членом феминистского медиа-коллектива, может создать новые возможности для обеих групп. Медиа-коллектив может стать более воинственным, в то время как группа прямого действия может стать более открытой для феминистской практики и идей. Вместо попыток смешать прямое действие, СМИ и радикальный феминизм в неуклюжую супергруппу, активист может воплощать свои разнообразные интересы в двух группах, которые фокусируются на своих основных целях. Парадоксальным образом эти закрытые аффинити-группы создают надежное и поддерживающее пространство для более прочного сближения, порождая широкую сеть взаимной помощи, понимания и поддержки.

В то время как важно признать контекстуальные ограничения моделей «ячейка» и «группировка», ошибочно описывать аффинити-группу как элитарную или закрытую. Аффинити-группы предоставляют шикарные возможности для увеличения количества связей между сообществами, одновременно обеспечивая людям благоприятную среду для реализации их особых интересов и склонностей.

Гордость, чистота и проекты

Анархическая гордость — это нечто, достойное пиара в наших проектах и ежедневной жизни. Это такой вид открытости, который позволяет нашим друзьям сразу же знать, во что мы верим и чем руководствуемся в поступках. В двух словах, речь идет о честности. Анархо-чистота есть мрачная тень анархо-гордости. Чистота требует, чтобы все, кто участвует в одном проекте, разделяли одни и те же политические взгляды, цели и стереотипы поведения — не только в течение какого-либо конкретного проекта, но и в течение всей своей жизни. Это создает дисфункциональное и ненужное давление политического пуританства, которое может разрушить сообщества и вызвать к жизни абсурдные дебаты в духе «я более крутой анархист, чем ты». Эти споры покалечили сообщества зоозащитников и веганов, не говоря уже о таких идеологиях динозавров, как христианство. Различия между гордостью и чистотой тонкие, но крайне важные. Эти различия влияют на манеру сотрудничества с другими людьми, на то, с кем мы решаем проводить время.

Анархо-гордость позволяет нам трудиться вместе с людьми, которые пусть не разделяют, но ценят наши организационные принципы, цели и мечты. Такой подход позволяет всем участникам проекта принимать решения, основываясь на полной информации, будь то благотворительная акция или уличный протест. В то же время многие анархисты очень щепетильны в том, чтобы публично заявлять о своих взглядах. Они боятся, что анархическая гордость отпугнет потенциальных союзников. К несчастью, стремление держать в тайне наши мотивы выглядит слишком патерналистски и снисходительно. Такой подход легко использовать для рационализации обмана. Сокрытие наших анархических взглядов предполагает, что другие люди недостаточно образованны или умны, чтобы самостоятельно принять решение о сотрудничестве или несотрудничестве с анархистами. Политическая открытость позволяет всем группам разделять истинные цели и интересы. Открытость в этом вопросе — это прививка коалициям и партнерским отношениям от непонимания и неприязни. Если группы или отдельные личности принимают решение не сотрудничать с нами только потому, что мы — анархисты, следует уважать такое решение. Это лучше, чем пытаться ввести их в заблуждение, будто мы являемся кем-то иным, только для того, чтобы «вывалить» на них правду «после революции» или очередной уличной акции, как иногда случается. Попытка вести откровенный и открытый диалог с коллективами и отдельными личностями, с которыми мы хотим сотрудничать, — наш лучший шанс на создание искренней солидарности.

На пороге анархического сообщества

С момента своего появления анархизм (как и многие другие международные политические движения) определялся политикой. Куда уж от этого деться, мы — существа политические. У анархистов есть очень четкий список врагов: государство, капитализм, иерархия. У нас также имеется четкий список желаемого: взаимопомощь, автономность, децентрализация. Хоть мы и ставим на то, что анархия позволит организовать лучшую жизнь, чем при динозаврах, мало что может предотвратить анархизм от превращения в очередную ортодоксию, такую же плохую, как коммунизм, социализм, либерализм, реформизм, капитализм, мормонизм или любой другой «изм». Развитие событий в Северной Америке в последние годы демонстрирует, что фиксация на какой-то тенденции или узкий бренд анархической политики оказываются не столь важными, как смешанные анархические коммьюнити, создаваемые вне такой политики. Эти сообщества поддерживаются совместной деятельностью, тактикой, культурой. Мы не должны становится монокультурой. Вместо этого думайте об анархии как об экологии культур — вроде микробов в чашке Петри или уличного протеста. Это нечто, подпитываемое разнообразием.

Подобно любой группе друзей, которые трудятся и живут вместе, мы развиваем нашу общую культуру, несмотря на различное происхождение каждого из нас. Каждая группа анархистов (в том числе даже такие, которые живут по анархистским принципам, ни разу не открыв Кропоткина, Гольдман или даже CrimethInc) создает свой уникальный набор практик и культуру. Мы с тревогой относимся к появлению любой новой ортодоксии, хотя это именно то, к чему приучены люди, родившиеся на Западе, — к Новой Большой Идее. Будь то новый писатель, телешоу, общественное движение или что-либо другое, на что мы тратим свое время. Поскольку культура может быть очень текучей, легко передаваемой и постоянно меняющейся, до сей поры это работало нам на руку. Вместо анархии «сверху вниз», о которой нам рассказали бы медиа или эксперты, существуют дюжины соревнующихся, плодящихся, видоизменяющихся видов анархии. В фундаментальном смысле это прекрасное развитие ситуации. Большая часть анархистов только рада свободе и разнообразию. Монокультуру динозавров можно отвергнуть ради разнообразных видов ярких народных анархий.

Сообщество — это нечто, признаваемое анархистами как очень важное. К созданию сообщества стремимся все мы. Но вопрос о том, чем именно должны заниматься эти сообщества, порождает множество ожесточенных споров. В зависимости от того, кого вы спрашиваете, вы услышите в ответ: «пиратское радио с вещанием на квартал», «городская партизанщина», «коллективный дом», «поджоги лыжных курортов», «джазовое шоу» или «гигантская демонстрация». Эти различия в целях приводят к банальным спорам, редко приносящим пользу нашей культуре или сообществам, которые критики так хотят увидеть в действии. Вместо того чтобы попусту тратить

время на пустословие с трибуны, мы можем все вместе посвятить его созданию некоего образа анархистского сообщества внутри той отсталой культуры, в которой все мы вынуждены существовать. Эти сообщества сопротивления зарождаются по всему свету посредством создания полупрозрачных автономных зон, подобных инфоцентрам и общественным садам, бесплатным клиникам и органическим фермам, коллективным домам и творческим пространствам. Мы видим отблески лучшего мира во временных автономных зонах, вроде общественных протестов или собраний, триситов и сквотов, захватов деревьев, уличных концертов, раздачи бесплатной еды. Поскольку задача создания сообщества — не из легких, наше время лучше потратить на формулирование и выражение наших страстей в интересующих нас областях, а не на споры.

Автономные зоны — физическое воплощение тех идей, которые получили столь широкое распространение в последние годы, даже если они кажутся лишь крошечными книжными лавочками, подвальными библиотечками, миниатюрными складами, разбросанными по Северной Америке. Это — лаборатории и мастерские анархии. По мере расширения наших сетей расширяется и наша способность общаться между собой. Мы достаточно успешно и плодотворно пользовались этим в прошедшие годы: музыка, публицистика, изобразительное искусство. Дюжины газет, тысячи зинов, несколько книг создали целую среду для самовыражения и несогласия. То, что есть у нас сейчас, лишь капля по сравнению с капиталистическими медиа, но нам и не нужно состязаться с ними. Отказ от массы не означает, что анархисты обречены на то, чтобы быть маленьким незначительным меньшинством до конца наших дней. Сотни и тысячи коллективов и аффинити-групп могут сотрудничать вместе в солидарности и уважении к различиям друг друга.

Нельзя взорвать социального эколога

Анархия основана на предположении, что в лидерах нет необходимости и они нежелательны. В то же время этот девиз оказал крайне незначительное влияние на авторитарное крыло антиавторитарного движения! Отдельные личности (практически всегда это стариканы с бородой) порождают вокруг себя культы последователей, которые продолжают существовать долго после смерти объекта поклонения, то есть уже в совершенно ином историческом контексте. Очень грустно, что многие анархисты идентифицируют себя с той или иной группировкой, читают исключительно те или иные журналы, тщетно пытаются убедить окружающих в том, что именно их версия анархо-чистоты есть Истинный Путь. Эта жалкая грызня нанесла анархии столько вреда, что никакие количества возможных «обращенных» в веру сектантов не оправдают содеянного. Если анархисты способны только на оскорбления друг друга в ходе заумных теоретических дебатов, то, конечно, очень мало людей вовне анархистского гетто всерьез отнесутся к нашим идеям. Анархисты не должны относиться друг к другу как к потенциальным противникам и соперникам за какое-то политическое или культурное пространство, но думать друг о друге как о потенциальных друзьях и товарищах. Всем нам нужны новые друзья с идеями и стратегиями, отличными от наших.

Мы не идеальны, и, подобно любому человеку, пытающемуся избежать такого травматического опыта, как современное западное общество, многие из нас все еще сохраняют дурные привычки вроде догматизма, сексизма, патернализма. Толика милости к самим себе была бы очень кстати. Последнее, на что должно походить наше сообщество, — это политическая партия с чистками и борьбой за власть; лучше стать племенем, которое заботится о своих. Выживание, будь то африканские саванны или моллы в США, — это когда люди заботятся друг о друге. Прежде чем мы сосредоточимся на налаживании контактов со сторонними организациями, аполитичными рабочими, вообще кем-либо вовне анархистского сообщества, стоит для начала на учиться относиться друг к другу, основываясь на понятиях солидарности, взаимопомощи и уважения. Эмпатия, которую мы развиваем в себе, заботясь друг о друге, — одно из тех творческих средств, которые мы можем применить в этом мире.

Интеллектуальные придирки по пустякам ясно дают нам понять, что соперничающие фракции никогда не смогли бы провести культурные дебаты за чашечкой кофе, не говоря уже о том, чтобы сообща работать над каким-либо проектом, верно? Вместе с тем именно совместной работой над каким-либо проектом и занимаются анархисты из различных слоев общества, стран и континентов. Нам не нужно единство в теории. Нам нужна солидарность на практике. Как только мы признаем и примем наши коллективные различия, мы сможем распространить практику анархии по всем нашим сообществам в мире. Выйти за рамки мультяшной политики (добавь зеленого к черной звезде — и вот уже анархизм редуцирован до спасения

деревьев; добавь красного к черной звезде — и вот уже анархизм посвящен исключительно классовой войне) для нас крайне важно. Сектантство ведет прямиком в сторону авторитаризма, ведь как только кто-то идентифицирует себя с «правильной» анархо-сектой, все остальное становится «неправильным». Основатель «правильной» идеологии неизбежно получает больше власти, чем его или ее последователи (нынешние и будущие), и секта собирает силы, чтобы пойти святой войной на все другие оттенки анархистской радуги. Давайте не будем повторять провалов левых. Нам намного проще нападать друг на друга, чем уничтожать государство. У людей различные взгляды на освобождение, и любое анархистское общество будет пользоваться разнообразием тактик и создавать различные проекты. В наши дни нам нужны радикальные анархистские профсоюзы, способные остановить беспрестанную работу государственной машины, радикальные писатели, которые вдохновляют людей и распространяют знания, нужны люди, готовые биться с копами на улицах, триситтеры, чтобы спасти остатки дикой природы. Другими словами, нам надо больше анархии!

Вся жизнь — кампания протеста

Итак, мы можем изменить мир. С чего начнем? Перед нами — целый шведский стол проблем и кампаний, все они требуют немедленного внимания. Займемся спасением последних древних лесов? Поможем коммуне нищих, живущих вниз по улице? Будем защищать права бездомных? Бороться с белой гордостью? Сражаться с полицейской жестокостью? Останавливать потогонные предприятия? Может, поможем Движению безземельных фермеров в Бразилии? Эти проблемы кажутся много большими, чем может взять на себя любая отдельная группа или человек. Мир страдает от такого огромного числа несправедливостей и боли, которые ни один человек не в состоянии излечить. Нам нужно справиться со всем этим и даже большим.

Повсюду вокруг нас пышным цветом цветут идеологии с готовыми ответами на любые вопросы, будь то последняя секта отщепенцев-коммунистов или общество сознания Харе Кришны. Для тех из нас, кто вот уже много лет «меняет мир к лучшему», очень легко быть циничным в отношении этого супермаркета идей, где могут отовариваться современные активисты. Следует найти некий способ спасения нашего мира, избегая при этом простых ответов и лживых коротких путей.

Сосредоточенность на определенной протестной кампании — это типичный закоулок для активистов, чтобы попасть в западню. Каждая кампания преподносится как очередная Решающая Битва против Патриархального Общества, где *наконец-то* будут достигнуты результаты. Конкретный враг в каждой отдельной кампании обычно представляется в виде этакого кукловода, ответственного за все мирские страдания, а враги других кампаний протеста — исключительно в виде марионеток. Каждая кампания борется за участников из ограниченного числа активистов, отнимая время не только у других целей, но и у повседневной жизни активистов, приводя к перегоранию. Каждая кампания хочет, чтобы мы на нее купились. Может ли быть какой-то способ борьбы за перемены в мире без того, чтобы рассматривать активизм как рынок справедливости?

Сосредоточенность на кампании, посвященной некоему частному вопросу, граничащая с помешательством, может привести нас к тому, что в конечном счете мы забудем про свои цели и начнем относиться друг к другу, как к объектам с определенной ценностью, которые можно выставлять на обозрение и потреблять. Практически каждая кампания связана с другими, и все они необходимы. И надо одержать победу в каждой из них, чтобы достичь хоть чего-нибудь — победить такими методами, которые и не снились правительствам и корпорациям. Анархия обладает гибкостью, которая позволяет преодолевать множество традиционных проблем активизма путем отношения к революции не как к «еще одному делу», но как к философии жизни. Эта философия не менее ощутима, чем кирпич, летящий в витрину, или цветы, растущие в саду. Революционизируя нашу повседневную жизнь, мы уничтожаем искусственное разделение между революцией и повседневной жизнью. Зачем до-

вольствоваться товарищами и спутниками по движению, когда можно получить друзей и возлюбленных?

Долой аутрич!

Радикалов США уже долгое время пугает и ставит в неловкое положение вопрос расы. Современные белые анархисты особенно обескуражены недостатком расового разнообразия, особенно недостатком черных среди людей, присоединяющихся к ним на улицах и для совместной деятельности. Белые анархисты потратили безумное количество часов на попытки понять, «куда девался цвет», будь то на антиглобалистской демонстрации или в местном инфошопе. Большая часть анархистов на земном шаре небелые. За последние годы анархистское сообщество в США стало больше походить на остальной мир: стало более разнообразным в этническом и культурном плане. Растущее число латиносов, азиатов, арабов и представителей других небелых народностей самоидентифицировались как анархисты. В то же время это не избавляет нас от чувства, что чего-то не хватает. Нет никакой ошибки: анархистов беспокоит не отсутствие латиносов или азиатов — их беспокоит отсутствие черных. Может быть, это следствие уникальной расистской истории США. Раса — основной аспект государственного угнетения и опора капиталистической эксплуатации. Ни один серьезный революционный вызов, брошенный государству или капитализму в США, не может игнорировать важность расизма в сохранении существующего порядка. И анархисты не должны это игнорировать. К несчастью, чисто символический отказ от эксплуатации и требования интенсивных аутрич-программ[1] вкупе с другим провальным наследием левых не сделали анархические сообщества гостеприимной средой для черных.

Несмотря на растущее расовое и этническое разнообразие, до сих пор существует этот устойчивый белый фантом анархического движения. Белые анархисты очень часто настолько раздражены нехваткой ощутимого присутствия черных ребят и девчонок, что легко поддаются на манипуляции отдельных личностей — неважно, анархистов или нет, — якобы выступающих от лица черных общин. Нередки случаи, когда активист (обычно это белый специалист по антирасизму) срывает собрание, обвиняя участников в расизме. Из страха быть заклейменными столь позорным ярлыком целые коллективы могут быть парализованы в результате своей неспособности привлечь (хотя было бы лучше сказать на марксистском жаргоне *рекрутировать*) черных к участию в своих проектах. В других случаях вопросы расы и заботы о разнообразии культур превращались в крикливые обвинения, влекущие самоуничижительное чувство белой вины. Белые коллективы даже избавлялись от подобного чувства вины посредством поиска сочувствующих из числа членов местного черного сообщества и попыток включить их в свой коллектив в приступах токенизма[2], который не приносит никакой пользы.

---

[1] *Аутрич* — продвижение идей, практик и социальных услуг в целевое сообщество; в данном случае программа помощи нуждающимся. — *Примеч. ред.*

[2] Символическая практика предотвращения обвинений в дискриминации в отношении пола или

Бессчетные часы и тонны макулатуры были посвящены попыткам налаживания эффективных аутрич-связей с черными общинами. Несмотря на существенное количество дискуссий о том, что анархисты в США преимущественно все же являются белыми, на удивление мало прогресса в том, чтобы привлечь черных к анархии. Некоторые группы стали настоящими политическими Свидетелями Иеговы: белые активисты ходят от двери к двери по черным общинам, проповедуя преимущества анархизма. Это наихудшее проявление патернализма, ведь предполагается, что задача подъема всех черных на благородную борьбу за анархические идеи является «ношей белых анархистов». Подобное поведение становится особенно лицемерным, когда белые анархисты, проживающие в нищих черных районах, обвиняют других белых анархистов в расизме, в то же время способствуя джентрификации целого района. Некоторыми людьми высказывалось предложение снизить накал анархистской риторики и поступиться нашими принципами, изменить стиль одежды или музыкальные пристрастия ради того, чтобы не отторгать черных. Как если бы их сообщество менее толерантно или более конформистски настроено, чем любые другие.

Выдвигались даже предложения организовать взаимодействие с авторитарными организациями внутри черных сообществ, с тем чтобы убедить их примкнуть к нашему анархистскому делу. Такая постановка вопроса предполагает, что для черных сообществ типично авторитарное устройство. Неявным образом полагается, что только белые могут по достоинству оценить неиерархические подходы к организации взаимодействия и что черных могут отпугнуть столь радикальные идеи. Такие попытки, хоть зачастую и искренние, опять же являются патерналистскими, в них сокрыто неуважение к черным общинам. Игнорируется продолжительный период черного антиавторитарного движения, начиная с бунтов рабов Нэта Тернера и вплоть до движения «За черную автономию» 1980-х. Подобный патернализм демонстрирует потрясающее незнание того факта, что существенная часть авторитарных белых институтов прочно закрепилась в американских черных общинах, начиная с евангелистического христианства и заканчивая партией демократов.

Абсурдно верить в то, что черные сообщества, особенно те из них, которые существуют под сапогом полицейского насилия, являются настолько нежными, что наш внешний вид и музыкальные предпочтения вмиг отвратят их. Например, после бунтов в Цинциннати в 2002-м анархисты, планировавшие захватить улицы, обсуждали вопрос о том, насколько тактика «черного блока» смутит местных чернокожих жителей и спровоцирует сильные репрессии против местной общины. Страхи оказались беспочвенными. Когда на марше показались анархисты в масках, местный черный проповедник заметил, что поражен тем, что (по его словам) «ребята и девчонки из Сиэтла» маршируют плечом к плечу вместе с местными жителями на митинге против ментовского беспредела. Он даже попросил визитку (!), чтобы потом связаться с анархистами для будущего сотрудничества. Анархисты также показали нескольким группам черных подростков, как превращать футболки в маски, с тем чтобы избежать полицейских репрессий в результате опознания. Этот небольшой

расизме, когда создается видимость присутствия члена так называемой угнетаемой группы. — *Примеч. ред.*

пример показывает, что черные сообщества потенциально рады альянсам с людьми, использующими иные тактики, надевающими иные одежды и демонстрирующими принадлежность к другой культуре. Если, конечно, получившееся сотрудничество основано на солидарности. Поэтому не должно вызывать удивления, что черное сообщество Цинциннати положительно отреагировало на белых анархистов.

Вместе с тем Цинциннати — всего лишь один город. И много других регионов еще не были свидетелями столь позитивного взаимодействия. Некоторые белые активисты оказались настолько разочарованы неудачными попытками аутрича, что они теперь отрицают саму мысль о привлекательности анархических идей для любящих свободу цветных обитателей нашей планеты. Они утверждают, что анархизм — это западная идеология, не имеющая ничего общего с проблемами цветных общин, таким образом, анархизм никогда не будет принят цветными. Люди, делающие подобные заявления, на свой страх и риск игнорируют ту привлекательность, которой обладает анархизм для огромного количества небелых и незападных культур по всему миру. Большинство современных анархистов — небелые и незападные, и анархизм был цветным в течение всего своего существования. Анархические сообщества современности необычайно разнообразны: технологически продвинутые коллективы в Южной Корее, вооруженные повстанцы в Уганде, туземные племена в Боливии, Бразилии и Эквадоре. К сожалению, для многих в США представление об анархии ограничено Европой и Северной Америкой. Североамериканцам есть чему поучиться у этих многочисленных и разнообразных проявлений анархии по всему миру, особенно в том, как каждая из них адаптирует базовые идеалы анархизма к местным насущным потребностям. Анархия имеет не меньшее отношение к защите земли предков туземными племенами или к бунтам в черных общинах после случаев ментовского произвола, чем к более понятным нам антиглобализационным и антиправительственным демонстрациям.

Существует множество способов, как анархисты могут достичь большего разнообразия. Один из них создать лучшие и более открытые для посторонних анархистские проекты. Не надо менять наши девизы, одежды и идеалы — в любом случае, они не привязаны к конкретному классу, расе или типу личности. Следует сосредоточиться на создании успешных проектов, открытых для всех людей. Некоторые из ресурсов для успешного запуска таких проектов можно получить в менее угнетаемых сообществах, вроде белых активистов и черных из среднего класса. Это не делает такие проекты неправильными, расистскими или недальновидными; это всего лишь отражает исторические и культурные реалии государства и капиталистического угнетения. Тем не менее анархисты способны создавать контрструктуры, которые могут использовать и другие люди (включая тех, кто подвергается угнетению). Между различными сообществами возможно создать отношения доверия, которые добавят разнообразия нашим проектам.

Три ключевых элемента для успешных проектов — быть открытыми, построенными на истинной близости и эффективными для вовлеченных сообществ. Под открытыми проектами подразумевается, что независимо от того, какой коллектив начинает проект, любая группа может использовать его, если находит проект полезным. Открытость облегчает использование этих структур различными сообществами, добавляющими свой собственный голос сопротивления к хору. Чем более

успешен и открыт для товарищей наш проект, тем больше в нем внутреннего разнообразия. Люди, страдающие от сильного угнетения, или те, у кого проблемы с ресурсами, вроде денег или времени, более склонны присоединиться к уже существующему успешному проекту. Различные сообщества смогут присоединиться только к достаточно открытым проектам (в плане ресурсов и потенциальных возможностей), которые позволят им использовать их в собственных интересах.

Так как же сделать проект открытым? Есть ряд проверенных способов, которыми можно сделать проект более открытым для других сообществ. Первый — прозрачность. Это касается не только принятия решений, но и всех других аспектов проекта: кто вовлечен, почему, с какой целью. Проект должен быть настолько доступен, насколько это возможно, включая привлечение людей, говорящих на разных языках, — это касается и информации, и пропаганды. Последнее и самое трудное условие — позволить другим коллективам пользоваться проектом без подозрений и мелочного контролирования. Это возможно только при взаимном доверии.

Инфошоп может пригласить черных подростков, заинтересованных в хип-хопе, использовать свое пространство для открытых слэмов. Если проект действительно открытый, то участие хип-хоперов позволит инфошопу расти и развиваться новыми способами по сравнению с первоначальными намерениями его инициаторов. Основатели радикального инфошопа, вероятно, были бы не в состоянии развивать хип-хоп пространство, но когда хип-хоп «детки» используют это пространство для своих целей, оно расширяется и «перекрестно опыляет» обе группы. Когда коллективы доверяют друг другу и уважают друг друга, инфошоп может стать местом межгруппового диалога. В нем могут зародиться основы взаимного доверия.

Хип-хоперы с нехваткой концертного пространства могут захотеть использовать инфошоп на более регулярной основе. Если коллектив инфошопа хочет быть открытым по отношению к другим группам, ему следует обеспечить прозрачность своей деятельности, дав ребятам и девчонкам понять, для чего используется это пространство, как оно появилось, каковы его цели. Эта прозрачность позволит подросткам принять осознанное решение, совместимы ли цели инфошопа и их собственные. И снова, явно анархистским коллективам следует быть честными в том, что касается их взгляда на политику, чтобы избежать непонимания во время своей деятельности. Ни одна из групп не должна прибегать к сокрытию своих намерений или политических целей ради того, чтобы нормально взаимодействовать с другой группой. Инфошопу в нашем примере имеет смысл продумать простой и легко реализуемый способ использования уличными подростками своего пространства. Большинство групп полагается на плохо разрекламированные тайные встречи для принятия решений. Люди, не входящие в сообщество, могут быть смущены и запуганы такого рода обстановкой. Для того чтобы быть действительно открытым, инфошоп может предложить что-то простое, типа листка с объявлением на окне. Ожидания обеих групп, пользующихся этим пространством, должны быть ясно и четко изложены, чтобы не было недопонимания и конфузов в будущем. Тщательная проверка ястребоподобными защитниками инфоцентра во время проведения музыкального события всегда неприятна и ведет только к возмущению. Коллектив инфошопа должен доверять ребятам настолько, чтобы позволять проводить их мероприятия с минимальным вмешательством со стороны участников коллектива. Это позволит музыкантам отно-

ситься к пространству и мероприятию как к своим собственным. Что, в свою очередь, придаст дополнительную ценность всему проекту. Хип-хоп событие — лишь один из примеров; в различных городах живут разные люди с разными нуждами, будь то рабочие завода, пытающиеся организовать профсоюз, или студенты, собирающиеся бойкотировать занятия.

Открытость способствует истинному сближению. Как и людям, группам и проектам присущи естественные сходства. Например, Движение американских индейцев (AIM) организовывает свои ежегодные антиколумбовские Дни протеста в Денвере при помощи особенно радикально настроенных анархистов из Колорадо. Эти два коллектива имеют общую историю участия в прямом действии. Эти группы независимо развивали свою собственную политику, но они сходны в том, что касается решения конкретных проблем и тактики, и это делает их сильными союзниками. Иногда подобные союзы органически образуются сами собой, как, например, когда преимущественно белые, молодые и анархично настроенные люди из Антирасистского действия (ARA) объединились с местными выходцами из Сомали в Льюистоне, штат Мэн. Появление наци-молодчиков обусловило рождение столь маловероятного союза. Для многих анархистов это было первым опытом солидарной деятельности бок о бок с сомалийцами. Многие люди в сообществе выходцев из Сомали никогда не думали, что у них может быть что-то общее с анархистами. Возникшая близость (в данном случае основанная на изгнании наци) — куда более крепкая связь, нежели стандартный аутрич, когда союзы создаются в основном с оглядкой на расу.

Наши проекты должны быть еще и эффективными, а это может потребовать больше времени и усилий, чем открытость и сближение. Нельзя ожидать появления разнообразных проектов за одну ночь. В середине восьмидесятых в плавучем доме в Милуоки компьютерные фанаты и панки замутили пиратскую радиостанцию. Они начали со смеси панк-музыки и связанных с панк-сценой политических новостей и отчетов. Когда активисты из Университета Милуоки узнали, что все больше студентов слушает нелегальную радиостанцию, они присоединились к проекту. Студенты использовали этот проект для пропаганды своего университетского активизма и привнесли больше политической составляющей в эфир. Пять лет спустя, в 1991-м, группа матерей из общества социальной поддержки, организовывавших протесты против тогдашней системы труда, решили воспользоваться радиоволнами для распространения информации о проблеме. До того как FCC[3] смогла прикрыть лавочку, станция обрела необычный формат панк-рок музыки, политики студенческого кампуса и организации протестных сообществ. Этот эффективный союз создавался очень медленно и долго. Студенты и социальные активистки решили использовать станцию потому, что она была открытым ресурсом и отвечала их сходным целям, но главное — потому, что она оказалась эффективным средством, чтобы сделать их голоса услышанными. Многие пиратские радиостанции появляются в результате деятельности отдельных людей с достаточным количеством времени, ресурсов и технических знаний. Поскольку пиратские радиостанции нелегальны, их использование влечет определенные риски. Сообщество, испытывающее угнетение, которое к тому же не обладает достаточными ресурсами, может быть, еще несколько раз подумает, прежде

[3] Федеральная комиссия связи. — *Примеч. перев.*

чем тратить время и силы на проект со столь высоким риском подвергнуться аресту, когда есть более неотложные проблемы, требующие решения. Открытая пиратская радиостанция, вроде этой из Милуоки, позволяет людям с ограниченными запасами времени и ресурсов пользоваться ее преимуществами. Можно придумать новую передачу, и, если радиостанция пользуется успехом в качестве средства распространения информации, ее начнут использовать и другие коллективы для пропаганды своих собственных целей. Более широкое использование радиостанции отшлифует ее облик и усилит голос, безусловно, сделав ее более разнообразной и эффективной.

Существуют другие примеры, обратные примеру с пиратским радио. Равно как белые анархисты в состоянии создать проект, который небелые товарищи могут использовать, так и цветные жители планеты начинают проект, который позже привлечет белых анархистов. Общественные сады Нижнего Ист-Сайда и Бронкса — это пример проектов, организованных рабочими-латиносами. Сады оказались одновременно и успешным, и открытым для новых участников действом, они стали привлекать белых активистов, помогавших сделать проект более крепким и защищенным. Эти два коллектива тоже имели сходные черты: желание зеленых пространств в городе и автономия сообществ. За последние десять лет сотни садов были разбиты, захвачены, засквотированы и защищены радикальными активистами из различных социальных слоев. И пусть в Нью-Йорке было уничтожено несколько дюжин таких садов в погоне за джентрификацией городского пространства, борьба за общественные сады продолжает оставаться ярким примером разнообразия и открытости.

Если мы серьезно относимся к тому, чтобы сделать наши сообщества, культуры и коллективы более разнообразными в расовом плане, нам следует более серьезно отнестись и к нашим проектам. Их стоит реализовывать со всей возможной страстью и тратить на них все то время, которое необходимо. Нужно бдительно следить за тем, чтобы они оставались открытыми для других участников и сохраняли возможность развиваться по мере того, как в них оказываются вовлечены новые участники с похожими целями. Если мы вернем себе бесполезно затрачиваемые на аутрич часы и силы, то сможем обогатить нашу деятельность и усилить коллективы. Это время можно потратить на то, чтобы узнать что-нибудь о других культурах и наладить здоровое взаимоотношение с их представителями. Когда цветные люди приглашают нас, белые анархисты могут поддержать их инициативы. Анархисты всех цветов могут превратить парализующий комплекс белой вины в страстную приверженность открытым проектам, в которых могут свободно участвовать и быть вовлеченными представители любой расы, этноса или социальной прослойки. Анархистам стоило бы отказаться от заплесневелого стереотипа рекрутинга новых адептов ради создания полезных и воодушевляющих проектов, открытых для всех и каждого. Честность в вопросах расы поможет нам создать более здоровые и разнообразные сообщества сопротивления.

Отвага заразительна

Среди некоторых анархистов циркулирует священный миф о том, что панки, путешественники и тому подобные нефоры отпугивают от нас широкие массы. Некоторые искренне верят, что если только явиться на митинг с гладко выбритым лицом, то века антианархистской пропаганды сами собой испарятся под светом наших цветущих улыбок. Нашивки, тату, пирсинг, маски, черные одежды, даже само слово «анархия» обвинялись не раз в том, что именно они являются причиной явной апатии, испытываемой большинством американцев в отношении тех идеалов, за которые мы боремся. Некоторые утверждают, что в наших сообществах слишком много «индивидуализма». Эта критика игнорирует ту силу, которой на самом деле обладает анархистское сообщество.

Если мы надеемся оказать ощутимое воздействие на жизнь наших сообществ и мир вокруг, то следует сосредоточиться на воодушевлении, а не волноваться об отчуждении. Достижение наших целей (свержение власти государства и уничтожение капитализма) невозможно без вызовов традициям и привычкам обывательского стиля жизни; не стоит себя обманывать и верить в то, что внедорожники или рыночные опционы будут частью нашей жизни в мире, за который мы сражаемся. Анархия всегда представляла собой азартную игру с высокими ставками и ничтожными шансами на выигрыш. И для того чтобы оставаться в активе год за годом, требуются ум, преданность делу и отвага. Не все из нас настолько смелы, чтобы в одиночку бороться с мощью динозавров. Личная отвага не создает культуру сопротивления. Нам следует взращивать совместную отвагу и создавать настоящие героические сообщества. Мы должны быть варварами у ворот, а не ордой безобидных клонов.

Героические сообщества

Весьма иронично, что с точки зрения общественного мнения величайшее преимущество анархической организации в США за последние несколько десятилетий — это тактика Черного Блока. Те самые люди — панки, путешественники, радикальные экологи и прочие вшивые нефоры, которые, по словам некоторых идеалистов от анархизма, ослабляют Движение, вызвали небывалый всплеск анархической деятельности в Штатах. Черные блоки Сиэтла, Вашингтона, Квебека (и других мест) вдохновили людей; они обладали отвагой, их солидарность была героической. Деятельность этих блоков нашла отклик не только в сердцах молодежи, но и среди представителей многих других слоев общества: от обездоленных представителей черных общин в Сиэтле до безработных подростков Квебека. В то время как нам непрестанно твердят о том, что мейнстримовые американцы боятся насилия, разочарованные и отторгнутые обществом понимают желание уничтожать частную собственность, даже если это воплощается в том, что трактор таранит Макдональдс!

Может, нам стоит попробовать горизонтальные структуры?

В прошлом существовало бессчетное число героических сообществ, подобных тем, которые мы пытаемся создать на Земле в наши дни, в деятельности которых можно искать вдохновение. Мы предлагаем эти примеры не с целью восхвалять прошлое, но для того, чтобы показать, что *это было сделано раньше и будет сделано снова*. Эти героические сообщества достаточно уникальны каждое само по себе, но их объединяют практические результаты деятельности и страсть, с которой люди

посвящали себя общему делу. Каждое из этих сообществ высвобождало воображение соответствующей эпохи и таким образом подталкивало неактивные элементы общества присоединиться к борьбе.

Хотя сейчас стало модным попинывать путешествующих ребят и девчонок, эти современные бродяги — социополитические потомки тех людей, которые поставили США на грань полноценной народной революции, а именно IWW (Индустриальных рабочих мира). Эти радикалы скакали с поезда на поезд, добираясь с одного побережья на другое, организовывая каждую встреченную этническую группу и каждый поперечный промышленный коллектив в автономную взаимосвязанную сеть взаимопомощи. Хоть они и носились с идеей создания Единого Большого Профсоюза, концепции, в победе над капиталистами полагающейся на чистую массу, именно их индивидуальные и коллективные акты солидарности воодушевляли современников и продолжают вдохновлять нас по сей день. Когда каждый(ая) участвует в организации активистской деятельности, децентрализация и взаимопомощь приходят сами собой. IWW не заламывали руки в истериках по поводу насилия; они смело отстаивали свои убеждения перед лицом Национальной гвардии, пинкертонов, Американского легиона, мафии, даже виселицы. Теперь, когда большая часть индустрии перебралась за море и люди заняты на временных работах в сфере услуг, возможно, возникла нужда в Постиндустриальных Бывших Рабочих Всех Миров.

Величайшая из всех партизанских войн происходила не на Кубе, не в Китае и не в матушке-России, а в крайне не приспособленном для этого краю шампанского и гусиного паштета. Анархисты не уделили должного внимания Французскому сопротивлению, предпочтя героическую Испанию и партизанские движения в странах третьего мира. Французские *маки*[1], наряду с антифашистским сопротивлением фактически в каждой другой стране, находившейся под гнетом наци, смогли вдохновить тысячи домохозяек, молочников, учителей, интеллектуалов, художников и представителей практически любого иного сегмента общества. Завораживающим моментом в героическом сообществе французских *маки* является то, насколько обыденными были жизни героев по сравнению с их тайной деятельностью. Союзная разведка официально отвергала *маки* как «неэффективную, неорганизованную группу политических хулиганов», в то время как коллаборационисты вишистской Франции с трудом пытались объяснить рейху, как это военное производство и внутренний порядок оказались «под серьезной угрозой» в результате деятельности «торговцев рыбой и бывших студентов». Эти сообщества сопротивления, организованные в автономные секции во Франции (и других странах), полагались на «воодушевление» для распространения своего социального послания, поскольку все каналы пропаганды находились под контролем наци. Эти сообщества смогли вдохнуть новую жизнь в старый девиз «пропаганда действием».

На каждого саботажника в *маки* приходились дюжины товарищей, обеспечивающих безопасные убежища, еду, деньги, оружие. При этом сами эти люди и их семьи подвергались значительному риску. Эти тайные помощники распространяли идеи сопротивления во время приглушенных бесед в кафе и у заборов соседей. Все это

[1] От *фр.* «маки» — кусты; так называли «прятавшихся в кустах» французских партизан во время Второй мировой войны. — *Примеч. ред.*

делалось под пятой самой эффективной репрессивной полицейской силы в истории — гестапо. Героические акты саботажа *маки*, которые они называли «свободными актами», зажгли пламя неповиновения в народе, сделав многих простых французов участниками пятой колонны в тылу фашистов. Каждый свободный акт заражал воодушевлением граждан Франции, и даже гестапо сообщало: «Практически невозможно воспрепятствовать обсуждению крестьянами этой темы [свободных актов] в барах. Похоже, что они создают атмосферу сопротивления в неожиданных местах».

Сегодня у нас есть краткосрочные коалиции вроде «Черепах и водителей Сиэтла»[2], но ничего подобного такому маловероятному союзу между беглыми рабами, живущими на болотах индейцами и мексиканскими крестьянами, как Нация семинолов. Неправильно относиться к Нации семинолов как к коалиции в современном смысле этого слова. Вместо коалиционного объединения произошло культурное слияние, в основу которого были положены лингвистические, социальные и политические аспекты всех трех групп, вошедших в сообщество. Было создано уникальное сообщество сопротивления, чье существование началось до создания США и длилось долго после окончания Гражданской войны. Семинолы сеяли страх в сердцах британских солдат, федерального правительства США, работорговцев, техасских рейнджеров, иерархичных североамериканских индейцев, мексиканских военных. Они не только добились успеха в срыве замыслов своих врагов, они еще и стали источником надежды для тех, кто бежал из авторитарных племен или от ужасов рабства. Как это оказалось возможным во времена до появления СМИ? Ответ прост: героическая деятельность семинолов и их непоколебимое вооруженное сопротивление сделали их легендами при жизни. Их репутация мотивировала угнетенных принимать участие в не менее героических действиях, подобно побегу от рабовладельцев и путешествиям на сотни миль в качестве беженцев, с тем чтобы присоединиться к сообществу. Удивительной чертой этого уникального племени является то, что они смогли сопротивляться много дольше большинства других туземных племен обеих Америк, и, пожалуй, сопротивляться с большим успехом, чем даже индейцы Великих равнин. Они мечтали об обретении собственной земли и сражались, защищая свои земли от многих врагов.

Это лишь некоторые из примеров героических сообществ, которые избежали внимания анархистов, и подобных сообществ достаточно много. Можно привести в пример французских дезертиров и бунтовщиков времен Первой мировой, пиратов Карибского моря и Северной Африки, бунты рабов в Новом Свете, английских диггеров, пламенных матросов ледяного Кронштадта, и многих других, повести о ком вырваны из учебников истории. Несмотря на географические и исторические отличия, у этих коллективов много общих черт, хотя ни один из них не может похвастать всеми чертами сразу. Во-первых, эти сообщества делали акцент на всем сообществе в противовес личности спикера. Во-вторых, сообщества были открытыми для людей извне, новых идей и инновационных тактик. В-третьих, сообщество развивало собственную смешанную, уникальную культуру децентрализованного сопротивления. И, наконец, эти сообщества сделали желание радикальных перемен источником своих тактических решений, социальных посланий и самой культуры.

[2] Союз между профсоюзными работниками и защитниками окружающей среды, одетыми в ко-

Крайне сложно определить лидеров в подобных культурах сопротивления, от *маки* до семинолов. Правительства не понимают сопротивления без лидеров, они склонны прибегать к смешным попыткам создания мнимых лидеров и кукловодов. Как широко известно, правительства Мексики и США попытались сделать из Дикой Кошки, талантливого воина и стратега, лидера семинолов. Он отверг подобные предположения о статусе и заявил: «Я говорю за себя, потому что я свободен. Каждый из других тоже говорит сам за себя. Мы — это хор свободных голосов, который заглушит вашу ложь». Аналогично французские *маки* отказались отправить лидеров на переговоры с вишистской Францией или союзниками. В раздражении и те и другие власти назначили Де Голля «лидером», несмотря на тот факт, что он бежал из Франции в Англию. Сопротивление без лидеров было и тактической, и политической необходимостью для этих героических сообществ и остается таковой необходимостью для сообществ, которые мы создаем сегодня.

Героические коммьюнити не склонны создавать жесткие границы между собой и окружающим миром — вместо этого они открыты для людей и идей извне. При сравнении с обществами, в оппозиции к которым находятся такие коммьюнити, бросается в глаза гибкая природа последних. Благодаря постоянному притоку людей различного социального происхождения с различными идеями касательно того, чего они хотят от жизни, героические сообщества и создают устойчивые и плодотворные культуры. Эти смешанные группы обладают эгалитарной открытостью, позволяющей быстро создавать пространства для новых идей и развивать новые тактики. Они пытались создать новое и свободное общество и были готовы эффективно сражаться ради своей мечты. Они отказались от тактической централизации, отвергли приглашение выстроить свои силы на поле боя против численно превосходящих и лучше экипированных правительственных войск. Вместо этого они использовали гибкость и инновации автономных аффинити-групп (ячеек, команд, банд), действовавших сообща. Эти сообщества отказывались размывать свои идеи или снижать накал борьбы ради привлечения поддержки широких народных масс. Их послание должно было сеять страх в сердцах противников, а не поощрять приток новобранцев. Они привлекали людей именно своей искренностью. Они предлагали реальные и значимые перемены.

Мы уже слышим выкрики критиков: «Но все они потерпели поражение!» И, к сожалению, критики отчасти правы. Ни одно из этих сообществ не продолжает свою деятельность сегодня в каком-либо узнаваемом виде: семинолы нынче известны благодаря своим казино, а уоббли[3] в наши дни — лишь тень своих предков. Тем не менее в прошлом эти героические сообщества смогли создать такие отношения и организовать сопротивление такого характера, к которым мы стремимся в наше время. Вместо того, чтобы выбросить их в корзину истории в качестве интересных провалов, или же вместо того, чтобы поклоняться им, мы могли бы учиться их методам и на их ошибках. Отвага заразительна. Перед нами стоит задача стать достаточно уверенными в себе, чтобы создать героические сообщества здесь и сейчас,

стюмы морских черепах. — *Примеч. ред.*

[3] Члены организации «Индустриальные рабочие мира». — *Примеч. ред.*

потому что свобода универсальна, как и мир, в котором все мы живем. И так же уникальна, как и каждый из нас.

Пропаганда нуждой,
Пропаганда действием!

Народная сказка «Даже у ангелов и собак есть маски» (Рассказано наемником CrimeThinc Регином де Брэй)

«И тогда маленькая мышка увидела маленький кусочек сыра, молоко и маленькую рыбку: все, что она хотела, лежало на маленькой кухне. Но мышка не могла попасть туда, потому что маленькая кошечка не пускала ее. И тогда маленькая мышка сказала: 'Довольно!' — схватила пулемет и застрелила маленькую кошечку».

«История о маленькой мышке и маленькой кошке»,
сапатистская детская сказка

Будьте реалистами

По своей сути анархия — это помощь друзьям исключительно из дружеских побуждений. Среди нас, анархистов, это называется взаимопомощью. Хотя на первый взгляд все просто, все власти в этом мире сделают все возможное, чтобы мы не помогали своим друзьям. Если бы у капиталистов это получилось, мир стал бы очень холодным и пустым. Получился бы мир, где все относятся друг к другу как к потенциальным соперникам и врагам, потому что *всего вокруг не хватает*. Нехватка абсолютно всего: денег, времени, еды, любви, — и вскоре недостаточно уже чистого воздуха и чистой воды. Кто может позволить себе иметь друзей в таком мире? Единственный способ избавиться от такого извращенного мышления — выйти в мир и опровергнуть это своей собственной жизнью. Это именно то, что мы вознамерились сделать.

Требуйте невозможного!

Иногда мы лично даже не встречаем наших друзей. Мы только слышим о них, слушаем их музыку, и неважно, как далеко они от нас, мы ощущаем связь с ними, которая чудесным образом соединяет нас в пространстве и времени. В один прекрасный день соседка сказала мне, что сапатисты, вооруженные туземные повстанцы, ворвавшиеся на страницы международных новостей в день ратификации Договора о свободной торговле в Северной Америке (NAFTA) в 1994 году, нуждаются в компьютерах и другой помощи. Я посмотрела ей прямо в глаза и сказала: «Я буду там так быстро, как смогу». Я говорила всерьез. Восстание сапатистов воодушевило людей

по всему миру, и хоть я никогда лично не встречалась с ними, не была в Чьяпасе, если они нуждались в чем-то, что я и мои друзья могли достать, мы, конечно, попытаемся сделать это. Как понимает большинство американцев, западное общество настолько расточительно, что ежедневно можно находить на помойках кучу вещей в прекрасном состоянии. Многие из наших друзей решили воспользоваться преимуществами этой расточительности и заняться дампстер-дайвингом[1]. Обычно в цели дампстер-дайвинга входит исключительно добыча еды — ее едва хватает, чтобы наполнить наши вечно голодные животы и поделиться с Food Not Bombs. Тем не менее оказалось, что богатые выбрасывают компьютеры, как затвердевший хлеб, — немедленно после появления более новой модели. И это несмотря на то, что миллионы людей с радостью пользовались бы старой моделью. Поэтому мы решили нарыть немного компьютеров и как-то добраться до Чьяпаса. *Что может быть проще!*

Перед нами стояло всего несколько проблем. Первая — сильная нехватка компьютеров. Мы не относимся к тем, кого может выбить из колеи такая мелочь, как суровая реальность, поэтому немедленно начали молиться вечно изменчивым духам-покровителям воров и бродяг, прося их послать нам рабочие компьютеры. Вскоре после завершения темных ритуалов несколько компьютеров инкарнировались в ответ на наши молитвы. Оказалось, что соседняя группа активистов подумывала о том, чтобы передать кому-нибудь несколько старых компьютеров, полученных от некоммерческой организации. К сожалению, мы были в Бостоне, восстанавливали силы после очередного анархического уличного протеста, а компьютеры оказались на Западном побережье! Не знающая страха дружная банда товарищей пустилась в путь, чтобы доставить нужное оборудование и послание доброй воли в Мексику.

Практически без личных вещей и, как всегда, без денег, мы передвигались товарняками через Арктический Север, до Западного побережья добрались исключительно на огромном тюке овса (его мы отдали встреченной по пути семье индейцев, которые стопили до Сиэтла). Забрав компьютеры у дружелюбных прихиппованных активистов с Западного побережья, мы, к своему разочарованию, осознали, что без машины мы не сможем даже вниз по улице переместить наш груз, не говоря уж о том, чтобы доставить его в Чьяпас. И снова, казалось, недостаток планирования роковым образом сказался на нашей миссии! Мы не могли стопить или сигать по товарнякам с компами, а наш проверенный временем автофургон стоял на приколе в Бостоне.

К счастью, небольшая орда примитивистов ехала в Аризону с туром, пропагандирующим уничтожение цивилизации. Хотя мы понимали, что компьютеры, безусловно, подпадают под категорию «цивилизация», после того как мы объяснили свой замысел, они предложили свою помощь. Несмотря на иронию ситуации, банда анархо-примитивистов сгорала от желания помочь нам и, таким образом, косвенно помочь сапатистам. Поэтому компьютеры были привязаны к крыше минивэна, и мы перевезли их еще чуточку ближе к цели нашего путешествия.

В поисках нашего давно утерянного минивэна мы прокатились через всю Калифорнию и Аризону, финансируя поездку за счет оргий расхищения бензина и прочих наебок. В это время другие участники нашей банды оборванцев смогли добраться до

[1] Исследование содержиимого мусорных контейнеров. — *Примеч. ред.*

фургона, загрузить его еще большим числом компьютеров (обретенных в результате мутной инсайдерской операции в одной широко известной корпорации со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия), доставить все это в наш тайный оплот в пригороде Атланты и подготовиться к поездке. Фургон, до отказа набитый анархистами, начал свое медленное путешествие с того, что сломал ось и практически перевернулся из-за веса компьютеров. По пути один из компьютеров был обменян на новую ось в автомастерской Миссисипи, и одиссея продолжилась.

Мы добрались до Аризоны, подобрали еще компьютеры у зеленых анархистов и наткнулись на еще одно препятствие. Граница казалась непреодолимой. В конце концов, вы же не собираетесь перегнать минивэн, груженный компьютерами, в соседнюю страну без того, чтобы вам не пришлось отвечать на вопросы пограничников! К счастью, местная группа квакеров в сотрудничестве с анархо-синдикалистским профсоюзом мексиканских работников потогонных предприятий переправила наш товар через границу без проблем. Подарив несколько компьютеров профсоюзу, мы с триумфом въехали в Чьяпас. Самым замечательным достижением было то, что мы совершили все это практически без каких-либо ресурсов, за исключением нашей маниакальной безработности и легенды о сапатистах. Это случилось только благодаря молодым анархо-примитивистам в масках, недовольному менеджеру среднего звена из округа Колумбия, механику из Миссисипи, работникам потогонных предприятий Мексики и престарелым пацифистам — целой сети друзей, способных совершить невозможное ради вооруженного восстания индейцев. Посредством взаимопомощи мы помогли создать сеть друзей, которая раскинулась по всему континенту. Единственный вопрос теперь: что дальше?

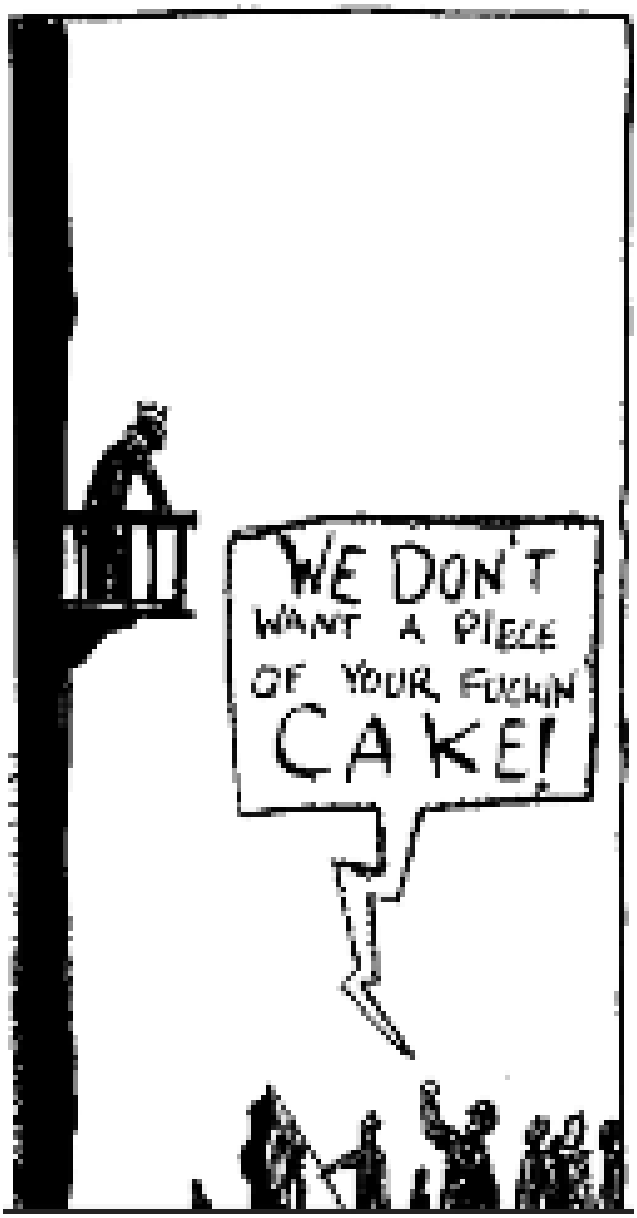
> После путешествия я сидела с блокнотиком, записывала номера полицейских и военных машин, проезжающих мимо сапатистской деревни. Надо мной высилось что-то, что когда-то было церковью, но сейчас являлось чем-то совершенно иным. В то время как церковь полна изображениями ангелов, эти ангелы с кожей цвета какао скрывали свои лица за банданами. А на месте, где обычно изображают Христа, ну или хотя бы Деву Марию, была Дева Гваделупская в маске, сжимающая пулемет, как новорожденного. Я спросила Мануэля, плотного сапатиста, в чьи задачи входило пропускать в ворота деревни исключительно друзей и который был столь добр, чтобы мучиться с моим ломаным испанским, почему у этих ангелов маски. Он сказал: «Даже у ангелов есть маски — ведь это сапатистские ангелы». Подобно всем автономным сообществам, где я бывала, на окраине поселка носилась стая бродячих собак, всем своим видом они показывали, что ничего доброго не замышляют. «А… — я решила пошутить, — а собаки чьи?» Мануэль ответил: «Это перро автономо, даже собаки у нас сапатисты». Я спросила, где же тогда их маски. «Мы все носим маски. Ангелы, собаки, маис, Дева Мария, дети, старики — у всех у нас есть маски. Иногда мы их не надеваем, но они всегда есть».

Инфраструктура, ради всего святого!

За последнее десятилетие среди анархистов было много страстных дискуссий на тему того, нужна ли инфраструктура в Северной Америке. Несмотря на искреннее желание четкой анархистской инфраструктуры, не возникло никакой коллективной деятельности, да и ясного представления того, как она могла бы выглядеть.

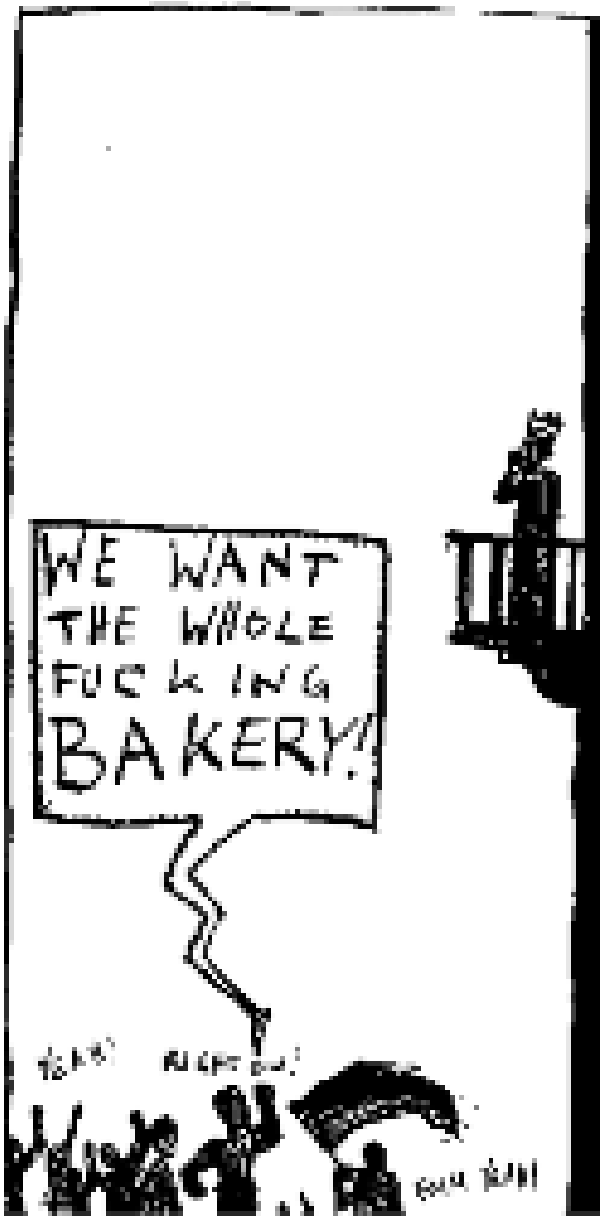
Инфраструктура сообщества кажется штукой чертовски огромной, чтобы даже задуматься о ней, не говоря уж о том, чтобы воплотить ее в жизнь. Когда мы думаем об инфраструктуре, на ум приходят такие вещи, как транспорт, сети связи, электроэнергия, канализация, жилье. Или же мы представляем огромные общественные проекты бюджетом в несколько миллионов долларов, с тысячами задействованных людей, которые требуют десятилетия и более для завершения. Не удивительно, что мысли об инфраструктуре лишают нас воли! Что еще хуже, так это то, что паралич вызывает существенный рост скептицизма в отношении шансов анархического сообщества на процветание. Тем не менее существует иной вид инфраструктуры, которая является маленькой по масштабу, бесплатной и праздничной по характеру реализации — нечто совсем чуждое массивному динозавру инфраструктуры, окружающему нас сегодня. Мы пытаемся создать контрструктуру, которая позволила бы нам жить не только вовне, но и против существующей инфраструктуры.

Контрструктура случается, даже если ее не собираются создавать. Она неприметна и пробирается в наши проекты на мягких лапах. Контрструктура органически образуется в результате реакции на непосредственное физическое окружение и текущие события. Поэтому инициатива Food Not Bombs так популярна в Америке и так мало распространена в Шотландии, где многие бесплатные кухни работают в соответствии с программами правительственной помощи. FNB в особенности обладает качествами народной анархии, потому что это нечто большее, чем просто инфраструктура для решения насущных проблем; эта инициатива вдохновляет всех, кто принимает участие в этих искренних отношениях, основанных на взаимопомощи. Бездомная (или свободная от дома, в зависимости от перспективы) женщина, которая приходит к стэнду Food Not Bombs ради бесплатной еды, имеет возможность начать готовить еду вместе с людьми из коллектива, и это может придать ей силы. Спустя короткий период времени она и вовсе может втянуться в эту деятельность или принять участие в других проектах. Этот процесс есть прямая противоположность правительственным (или церковным) раздачам пищи, которые парализуют голодных, превращая их в пассивных потребителей, получающих свои чашки с едой из рук людей, которые действуют как специализированные производители. Food Not Bombs — только одно из многих контрструктурных образований в нашей культуре сегодня: инфоцентры, свободные пространства, Индимедиа, интернет-службы, коллективы ухода за здоровьем и оказания медицинской помощи, кооперативное выращивание пищи. Хоть существующая анархическая инфраструктура далека от идеальной (очевидно, нам



«Нам не нужен кусок твоего ебаного пирога!»

крайне нужна пара хороших хирургов-анархистов!), тем не менее, она существует за пределом учебников и мечтаний. В отличие от инфраструктуры угнетения, созданной динозаврами, настоящая сила анархистской контрструктуры заключается в ее способности воодушевлять других на воспроизведение и расширение существующих проектов.



«Мы хотим всю ебаную пекарню!»

Не существует тайного заговора, руководящего деятельностью более чем трехсот коллективов Food Not Bombs, или сумасшедшего гения, организующего работу

дюжин групп Индимедиа по всему земному шару. Мы все можем быть Джонни и Джейн Яблочное Зернышко от анархистской контрструктуры. Это возможно, если мы собираем информацию о хороших идеях и стратегиях со всего света и воспроизводим их на локальном уровне. И в то время как наши страсти и идеи должны быть смелыми, вдохновение разумно черпать в ежедневных маленьких победах. Люди должны ощущать поощрение, чтобы начать с малого, понимая, что малая инфраструктура порождает большую инфраструктуру.

Если в вашем районе есть голодные люди, не мучайтесь, чтобы получить лицензию на некоммерческую деятельность у системы, не бросайтесь искать площадь под аренду и не ломайте голову, как запустить ларек с едой. Начните с малого. Соберите друзей, найдите еду, которая вам не нужна или которую можно легко заменить, и приготовьте поесть. Устройте вечеринку с бесплатной хавкой для любого желающего: возьмите с собой в парк или метро пакет с бутербродами и раздайте их. Может быть, любого вокруг вас уже тошнит от корпоративных новостей. Отправляйтесь в Инди медиа-центр или инфошоп, найдите новость вам по душе, распечатайте листовки и распространите информацию во время раздачи пищи. Обсудите ее. Если места для встречи нет, пригласите людей к себе домой, захватите стол в библиотеке или зависните в парке.

Децентрализованные инфраструктуры могут быть не менее эффективны (и, пожалуй, даже более), чем громадные и неповоротливые централизованные. Существует множество примеров децентрализованных структур, которые оказали влияние на сотни тысяч жизней. Ирригация в Бали децентрализована, но обеспечивает водой тысячи ферм и является ключевым элементом в обеспечении острова продовольствием. В Боливии общественные колодцы копаются небольшими группами низкоквалифицированных рабочих. Они обеспечивают до 15% питьевой воды, получаемой во всей стране. Эти колодцы обслуживаются и ремонтируются чаще, чем принадлежащие государству водные компании. И вода в них бесплатна! Общественные сады и Поддерживаемое сообществом сельское хозяйство малого масштаба (CSA — Community Supported Agriculture) — это новые способы для центральных городов и небогатых фермеров и садоводов наладить взаимодействие вне эксплуататорской сельскохозяйственной промышленности. Рикши, дешевые маршрутные такси, частные перевозчики, предоставляющие быстрый, дешевый транспорт для простого народа, вновь и вновь оказываются более эффективными в решении задач транспортных перевозок для бедных сообществ вроде Бруклина и Бронкса, нежели огромные, распухшие муниципальные транспортные системы.

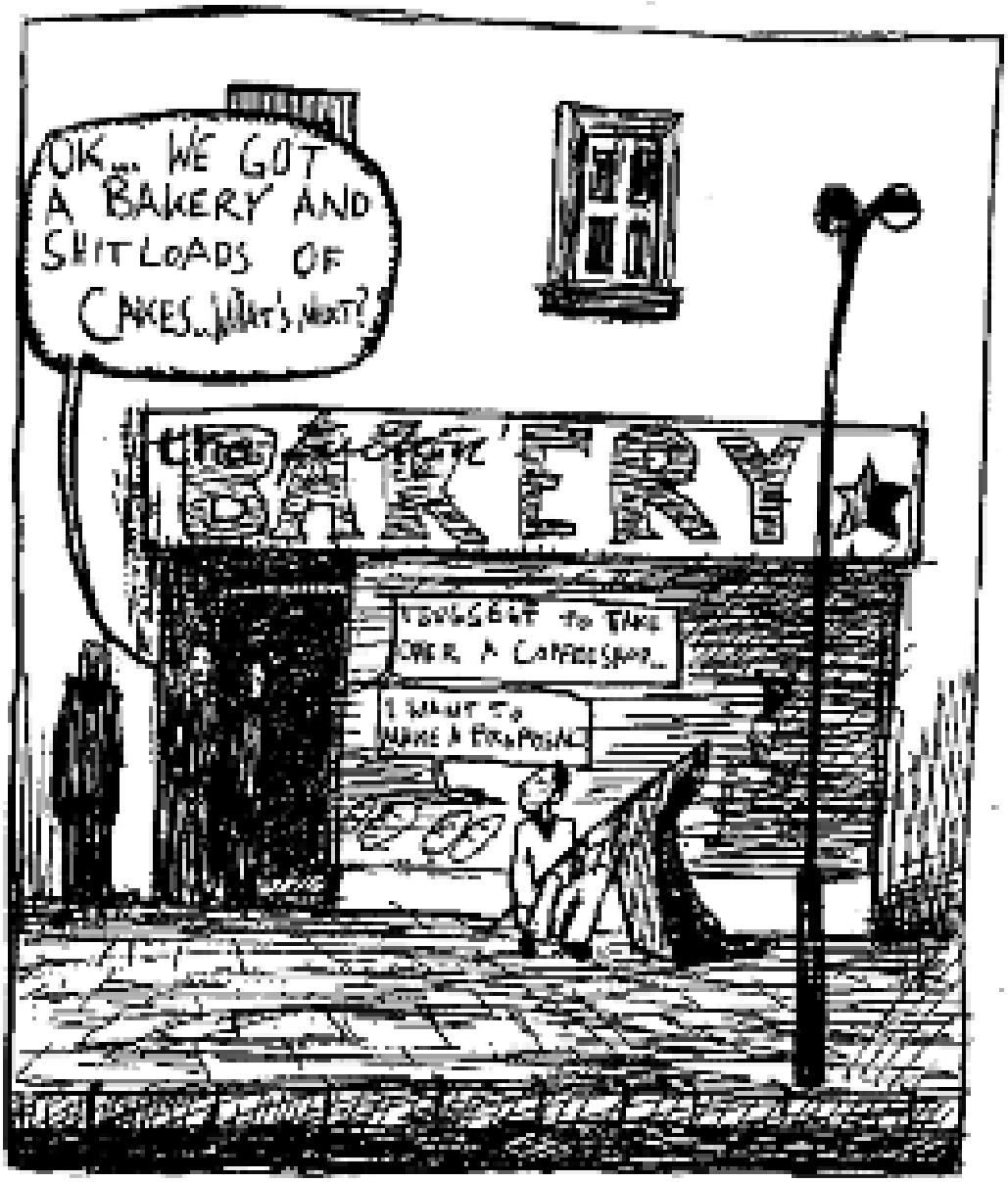
Красота инфраструктуры малого масштаба в том, что она коллективна. Не только потому, что она предоставляет необходимую услугу (еду, пространство для жилья, воду, транспорт и т.п.), но она также ответственна перед сообществом, которое она обслуживает, и позволяет людям набираться опыта друг у друга. Такая структура удовлетворяет нужды сообщества, используя уже существующие локальные ресурсы и людские навыки. В этом заключается основное преимущество децентрализованной инфраструктуры: она объединяет этики взаимопомощи и DIY таким образом, что и участники, и жертвователи только выигрывают, а грань между производителем и потребителем стирается. Вместо того чтобы выступать исключительно в качестве «услуги», децентрализованная инфраструктура на самом деле укрепляет тех, кто

ею пользуется. В то же время сохраняется способность быстрого реагирования на изменения в нуждах сообщества.

Почему анархисты должны тратить свои ограниченные ресурсы и энергию, создавая инфраструктуру, когда полным-полно других проектов, требующих воплощения? Зачем создавать контрструктуры, когда надо организовывать протесты, готовить арт-инсталляции, гонять на канцы, писать манифесты? В чем политическая ценность катания на разбитом минивэне по улицам города, в перевозке старушек к ближайшему CSA, чтобы они купили мешок тыкв? Зачем открывать бесплатную службу сиделок, когда нация на всех парах несется к очередной безумной войне? Какой может быть политический мотив для открытия и обустройства сквота на несколько семей, когда более тридцати пяти тысяч человек спит на улицах города? Кому есть дело до аляповато отксерокопированного зина, когда большинство американцев получают новости телевизионными порциями? Разве анархисты не должны заниматься чем-то более важным?

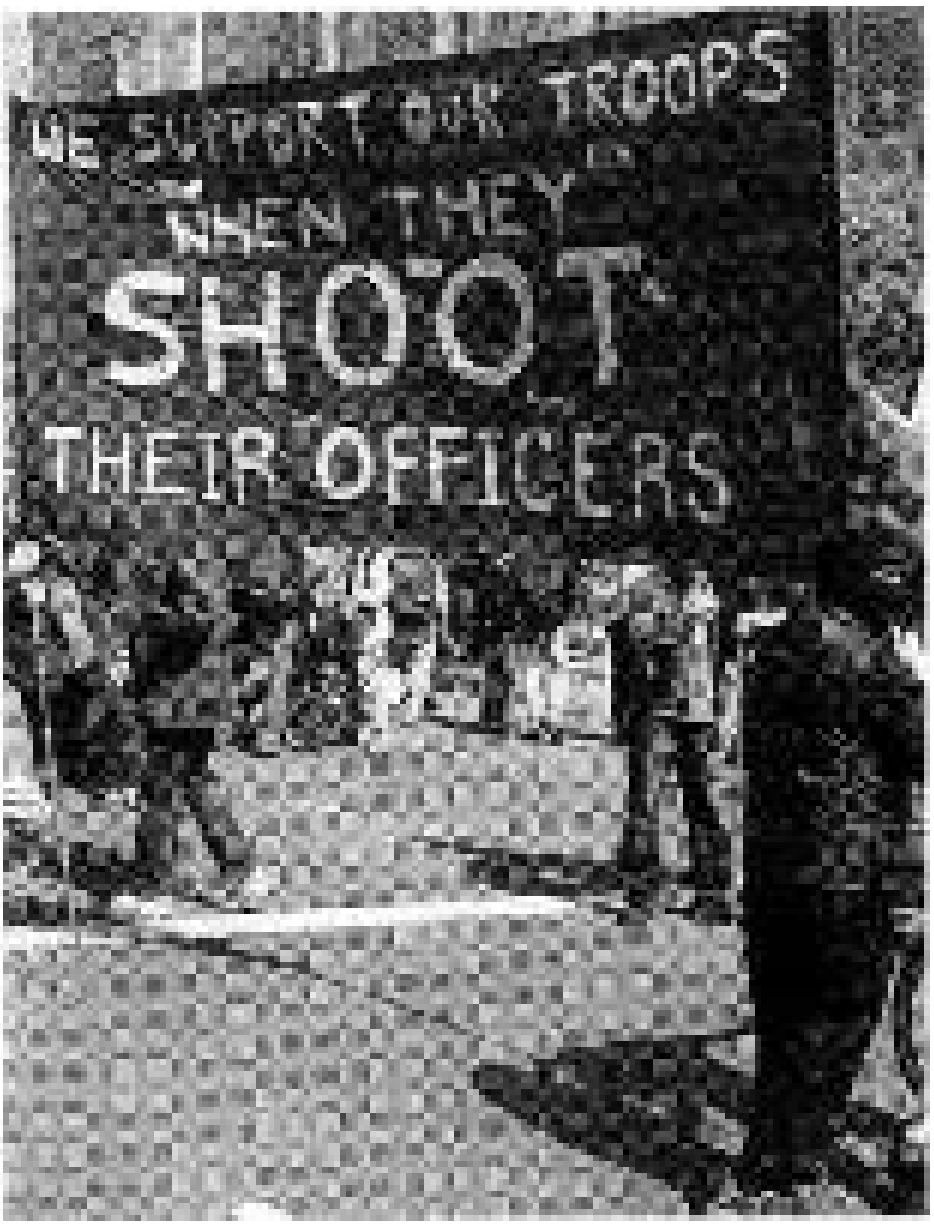
В двух словах, ответ — оглушительное «Нет!». Эти «более важные» дела невозможны без жизнеспособной анархистской инфраструктуры. Нельзя остановить войну, сорвать встречу МВФ или создать свободное эгалитарное общество без эффективных децентрализованных структур. Хорошие новости — это то, что такие инфраструктуры позволяют более эффективно действовать в борьбе с войной, государством, со всей капиталистической системой. Чтобы звать людей на улицы, надо обеспечить на этих улицах убежища, еду, связь, юридическую и медицинскую поддержку. Мы не только политические существа, но и животные из плоти и крови, нам нужны еда, вода, место, где преклонить голову, нам нужно здоровье, чтобы участвовать в социальной и политической деятельности.

Инфраструктура — это не только нечто, что могут обеспечить исключительно крупные бюрократии. Большую часть документированной истории человечества люди решали проблемы своих сообществ, не прибегая к иерархичным институтам или институтам принуждения. Общество сложно по своему составу. Но в основном это результат склонности властей к накоплению мощи и богатства. Чем более открытая анархическая инфраструктура у нас будет, тем большим временем, энергией и ресурсами мы будем обладать, чтобы вести серьезную борьбу. По этим самым причинам создание инфраструктуры — значимая политическая и культурная задача. Существует множество неиспользованных навыков, материалов, идей — все они есть в наших сообществах, надо только иметь желание их отыскать.



«— Отлично… Теперь у нас есть пекарня и до хуя пирогов. Что дальше?
— Давайте захватим кофешоп… Хочу сделать предложение».
Надпись на пекарне: «Ебаная пекарня»

Господа офицеры, граната!



Надпись на транспаранте:
«Мы поддерживаем наших солдат, когда они расстреливают своих офицеров»

«Бунт — это сознание войны».

Распространенное граффити в окопах Первой мировой

Наше будущее еще не закончилось, а для многих из нас еще и настоящее-то не началось. Если мы будем принимать только официальную историю университетских учебников, то нет причин относиться к прошлому как-то иначе, нежели как к очередному мертвому грузу. Но история может быть живой памятью для целой культуры, ее можно вспоминать, переживать заново. Можно бросать ей вызовы на новых фронтах и, когда уже действительно от нее не будет проку, отложить ее в сторону.

Какого рода истории пытаются раскопать анархисты? Те, которые спрятаны в странных местах. История не более чем сумма коллективного опыта населенного мира. И мы — такая же его часть, как и что-либо, записанное в учебнике. Если мы можем откопать голоса, зачищенные официальной историографией, читая позади и между строк официальные тексты, мы все вместе сможем обнаружить историю, достойную того, чтобы ее помнили. Наш местный исследовательский отряд обнаружил историю сопротивления в одном весьма авторитарном и неожиданном месте — в армии.

«Бунтовать: (глагол) поднимать восстание против законной власти».

Словарь Вебстера

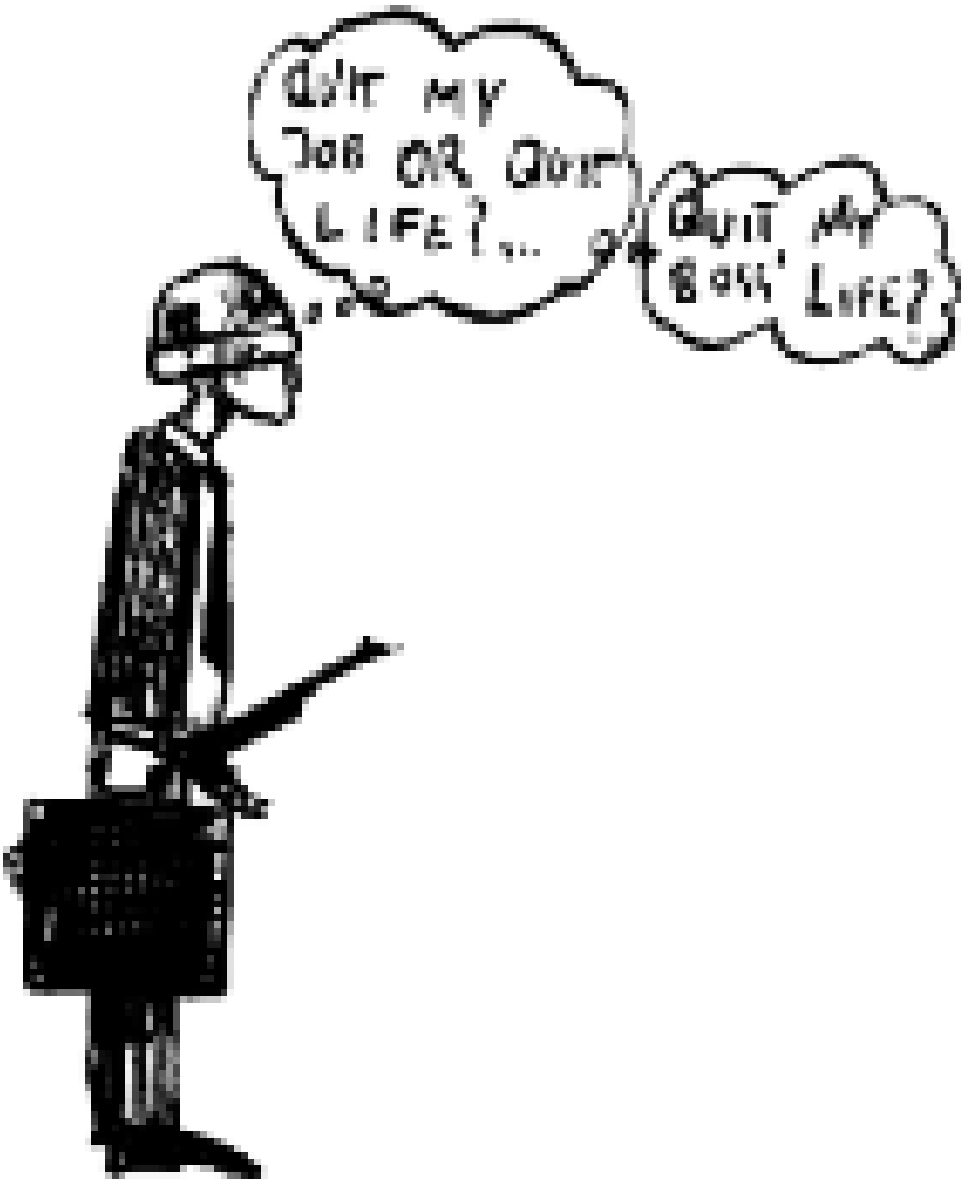
История мятежа — это история сознательного восстания против военной иерархии. Изучение мятежей оказывается более поучительным, чем история утомительных имперских побед государств и их армий наемных убийц. Со времен первого документированного мятежа призывников-галлов против Юлия Цезаря (более двух тысяч лет назад), мятежники сыграли важную роль в сдерживании абсолютистских и милитаристских амбиций людей, алчущих императорского титула. Мятежи случались в ходе любой крупной войны на каждом континенте. Между мятежниками в прошлом и нашей современной борьбой существует бесспорная связь — это отрицание тоталитарной власти и страстное желание свободы.

Мятежи — это не случайные поступки недовольных солдат, мятежи — это политические восстания. Это может быть отрицание британского культурного империализма мусульманами во времена бунта сипаев, действия черных солдат, сражающихся со своим расистским начальством на борту USS Чикаго или поднявшихся на борьбу с Союзом во время Гражданской войны иммигрантов, выступление моряков-анархистов, отвергших коммунистическую тиранию во время широко известного кронштадтского восстания, или же поджоги казарм недовольными солдатами во время бунтов в Папуа — Новой Гвинее в 1999 и 2002 годах.

Каждый сам за себя

«Дисциплина — душа армии».

Джордж Вашингтон



Уйти с работы или из жизни?
Может, «уйти» босса из жизни?

Большая часть представлений о мятежах основана на официальных военных отчетах и протоколах заседаний трибуналов. Несмотря на эти ангажированные источники, власти не могут отрицать или пытаться сокрыть ту причину, по которой столь долго мятежи не давали генералам спать спокойно. Вьетнамский «конфликт» был отмечен полномасштабными бунтами против армии США. Когда американский солдат во Вьетнаме убил вышестоящего офицера, термин fragging вошел в употребление[1]. Хотя сам термин первоначально обозначал, что офицера убивали посредством гранаты, позже его стали применять ко всему разнообразию подобных действий. Сотни или даже тысячи «фраггингов» имели место во время войны во Вьетнаме, но точное их число до сих пор неизвестно. Доктор Терри Андерсон из Техасского университета A&M написал: «Армия США сама не знает, сколько именно… офицеров были убиты. Но известно, что, по крайней мере, 600 были убиты и еще 1400 погибли при таинственных обстоятельствах. Следовательно, к началу 1970-х армия воевала не столько с врагом, сколько сама с собой». Многие пацифисты призвали бы к тому, чтобы остаться в стороне от службы в армии, но действия отважных активистов, готовых распространить свои идеи в рядах вооруженных сил и готовых пустить пулю офицеру в голову, могут потенциально оказаться не менее эффективными, чем очередная антивоенная демонстрация в Вашингтоне, округ Колумбия. Вот уж действительно разнообразие тактик.

Бунтовщики периода Вьетнамской войны были более искушенными, нежели их предшественники. И в использовании СМИ, и в распространении неиерархических структур с целью вскармливания бунтов. Есть сведения о примерно 144 различных подпольных газетах, печатавшихся или распространявшихся на территории военных баз США, в самих США и за рубежом. Эти издания не были каким-то набором комиксов с антиофицерским юмором в стиле «Жука Бейли», но являлись обоснованными и страстными призывами к сопротивлению. «Во Вьетнаме, — пишет 'Свободная газета Форта Льюис-Маккорд', — кадровики, офицерство — вот кто настоящие враги. Не Вьетконг». Еще одна газета с Западного побережья советует читателям: «Не дезертируйте. Отправляйтесь во Вьетнам и убейте своего офицера». Прямо на военных базах США, на территории страны и за рубежом, были созданы прото-инфошопы. К 1971 году существовало, по крайней мере, 11 (некоторые военные историки говорят о 26) таких антивоенных «кофеен», которые могли предложить джи-ай[2] рок-музыку, дешевый кофе, антивоенную литературу, советы и подсказки по дезертирству и прочие подобные подрывные советы. В то же время велась постоянная работа по созданию более серьезного сопротивления в действующих воинских частях.

Вся эта агитация и организация имели своим следствием не только газеты, инфошопы и частый фраггинг офицеров, но также серьезный саботаж возможностей США продолжать войну во Вьетнаме. В 1970 году армия США насчитывала 65 643 дезертира, что соответствует примерно четырем пехотным дивизиям, и имела 12%-ный рост DRR[3]. Несмотря на то что армия США могла похвастаться одними из самых репрессивных законов против дезертиров, несмотря на распространенность казней

---

[1] *Fragmentation grenade* — осколочная граната.— *Примеч. перев.*

[2] *GI* — сленговое обозначение американских солдат. — *Примеч. перев.*

[3] *Desertion/Refusal Rate* — коэффициент дезертирства/отказничества от службы. — *Примеч. перев.*

и готовность военных судов прибегать к этой мере, несмотря на 230%-ное увеличение численности офицеров военной полиции, — несмотря на все это, справиться с первоначальным распространением мятежей в рядах армии не удалось. В одном известном эпизоде моряки настолько повредили авианосец (залив компьютеры морской водой, открутив все болты, какие было возможно, и под конец открыв все кингстоны), что судно пришлось поставить в сухой док еще до того, как оно покинуло Сан-Франциско.

Чтобы предупредить полномасштабное восстание, в дело вмешались отделы разведки и пропаганды Министерства обороны США, открывшие «культурный фронт» в 1971 году. Они заставили офицеров отрастить баки, начали преподавать современную поп-музыку, наладили производство глянцевых «контркультурных» журналов, открыли патриотические клубы, которые не только продавали дешевые кофе и алкоголь, но еще и героин. Части, расположенные во Вьетнаме (эту когда-то плодоносную почву сопротивления власти армейской верхушки), удалось вернуть под контроль при помощи отупляющих наркотиков и так называемой альтернативной культуры. Бунтовщики потеряли силу, и война закончилась на спаде DRR, фраггинга и саботажа. Военные усвоили урок. Теперь США полагается на добровольную армию, превосходящие технологии, иностранных союзников, которых легко заставить сотрудничать и которых не надо будет везти в мешках американским матерям. Военные поняли, что культура является более сильным инструментом, чем расстрельные команды. Как армия учится на своих ошибках, так и анархистам следовало бы учиться, чтобы когда-нибудь уничтожить армию раз и навсегда.

RAND Corp.[4], один из наиболее смышленых нейронов в мозгу современных динозавров, предполагает, что неотъемлемой сильной стороной современных мятежей является «сила, свойственная всем децентрализованным структурам. Бунтовщики обладают иммунитетом к традиционным структурам управления массами, поскольку лишены лидеров и осязаемых целей, за исключением реализации своего глубокого возмущения армией». Отчет, основанный на недавних мятежах в Грузии и мятежах в ограниченном воинском контингенте советской армии в Афганистане, продолжает анализ словами, что бунтовщики обладают иммунитетом к традиционной патриотической пропаганде и призывам к гражданскому долгу. В отчете есть предположение, что бунтовщики способны «заразить» гражданское население понятиями «фальшивой храбрости» и «побежденной стороны», которые «провоцируют широкомасштабные выступления против местных [невоенных] администраций». RAND предлагает расширить инициативы на манер «Культурного фронта» Минобороны в 1971 го ду, чтобы они включали в себя «базы рекрутинга [в гражданских сообществах]… где должную дисциплину можно насадить еще до того, как рекрут подпишет какие-либо бумаги в соседнем офисе рекрутинга».

Чего не хватает в отчете RAND, так это того, что бунтовщики на самом деле не отличаются от гражданского населения. По большей части бунтовщики — это призывники, цветные и бедные. Это те самые люди, которые видятся правящей элите расходным материалом. Все мятежи были посвящены вопросам выживания и осуществления правосудия — вопросам, находящим живой отклик в сердцах всех тех,

[4] Американский стратегический исследовательский центр. — *Примеч. ред.*

Бунт на фондовом рынке, 2019

кто ощутил на себе всю тяжесть угнетения, независимо от их конкретной роли в армии.

Поприветствуем босса?

Бунт — это не революция. Это поступок, несколько поступков, которые используют прямое действие против угнетения с целью *избавления от командира*. Для несолдат любая форма легальной власти может сойти за *командира*, будь то мент, противный учитель или деспотичный начальник на работе. В отличие от образов Прекрасной Революции бунты происходят непосредственно в окружающем про-

странстве небольшого масштаба и, как правило, без оглядки на последствия. Там, где угнетение зашкаливает, как это бывает на полях сражений, выступления бунтовщиков оппортунистичны и спонтанны, без каких-либо особых политических мотивов, кроме самого важного — выживания. Эти восстания анархичны по самой своей природе: они отвергают власть самым решительным и конкретным образом. Бунты также являются микросредами, где люди отвергают правила, назначенных сверху лидеров и любого, кто захватил или пытается захватить власть.

Одно существенное отличие обычных людей от бунтовщиков — это то, что бунтовщики являются тяжеловооруженной силой, которая по идее до бунта служила сохранению государственной власти. Если в таких важных прибежищах государства, как армия, возможны восстания, значит, они возможны повсеместно. Если серьезно отнестись к разнообразию тактик, то в следующий раз, когда государство начнет войну, помимо разгуливаний с пацификом и антивоенной пропаганды, может, стоит всерьез подумать о том, чтобы вступить в армию!

Бунт как революция против власти в повседневной жизни

В наши дни очень мало людей в США на самом деле заставляют идти в армию. Вместо призывников государство использует наемников, привлекаемых из самых бедных и угнетаемых слоев общества в нашей стране, цветных и нищих. Это те самые люди, которые при иных условиях были бы нашими братьями и сестрами в борьбе с государством. Вооруженные силы США тратят на яркую рекламу, рекрутинг в школах и другие утонченные формы манипуляции с целью завлечь беднейших и наименее образованных наших сограждан в армию более миллиарда долларов каждый год. Наши товарищи должны пожертвовать своими свободами и жизнями, чтобы способствовать усилению имперского порядка.

Еще до Второй мировой войны государство изощрялось в использовании культуры против народа для контроля над его жизнью. Как заметили в RAND и других структурах, в том, чтобы использовать многочисленные вооруженные силы для контроля над населением, есть большой риск: у потенциальных бунтовщиков и инсургентов в руках оказывается оружие. Сегодня те, кто не служит в армии, не испытывают на себе воздействие штыка (которым заставляли солдат подчиняться во время Первой мировой): штык заменен боссом и профсоюзным лидером, которые должны держать рабочий народ в подчинении. Но до сих пор бунт живет в народном сопротивлении принудительной работе в Соединенных Штатах, даже если это сопротивление пока еще рассеяно или закипает под поверхностью. Дни рабочей воинственности не обязательно застряли в прошлом. Вместо того чтобы полагаться на карманные профсоюзы, рабочий народ снова возвращается к борьбе. Рабочее место стало средоточием целого набора практик каждодневного бунта против работы, начиная от спонтанных забастовок, экспроприаций оборудования и материалов, саботажа и заканчивая массовым дезертирством (таким, как добровольный уход с работы). Когда эти действия совершаются из солидарности с борьбой других людей, как, например, акции докеров, заблокировавших работу всех доков Западного побережья во время

протестов против ВТО, бунт становится мощным оружием в борьбе с капиталистами и государством.

Где еще можно бунтовать? Наши школы почти не утруждают себя сокрытием своей программы по индоктринации учеников с целью создания из них хороших сотрудников и пассивных потребителей. Разжалование как способ наказания в армии в высшей школе заменено занесением выговора в личное дело. Но студенты плывут против течения, находясь в состоянии бунта с начала 1960-х, когда студенты Беркли вышвырнули вон своих преподавателей и превратили три школы в автономные пространства. В 2002-м более двадцати тысяч студентов из Нью-Йорка, в основном черные и латиносы из трущоб, покинули университетские и школьные классы, чтобы выплеснуть свое недовольство на улицы. Во время второй войны в Персидском заливе студенты со всей Британии решили бастовать: они блокировали дороги и разными другими способами (прямым действием и требованиями истинной автономии) пристыдили своих более старших соотечественников. Сегодня тысячи подпольных газет и зинов призваны насытить умы бунтовщиков. Когда очередная волна мятежей поднимется в школах и университетах планеты — всего лишь вопрос времени.

Карцер заменен уголовной системой. То, что называется американской мечтой, может с трудом обеспечиваться различными видами тюрем, будь то социальные учреждения или мысленные конструкты. Бунт заключенных в Аттике — лишь одно из самых известных тюремных восстаний; в новейшей истории нашей страны их были сотни. Повсюду в ГУЛАГах Америки заключенные вооружаются книгами, дискуссионными кружками, страстью к свободной жизни в рамках тоталитарного окружения. За прошедшие годы заключенные сильно радикализировались, они организовываются в кружки самообразования и группы взаимопомощи. Несмотря на жуткие тюремные условия, в этой среде можно видеть признаки зарождающегося сопротивления. Это видно по попыткам заключенных создавать профсоюзы и заниматься самообразованием.

Не надо делать ошибку и думать, будто законная власть — даже в своих наиболее «гражданских» обличиях — не столь репрессивна и опасна, как военный авторитаризм. Мятежи никогда не прекращались. Нам следует быть готовыми бросить вызов любой власти, которая горит желанием пожертвовать нашими жизнями и желаниями во имя империализма, консюмеризма, патриотизма. Раз бесконечная оруэлловская «Война с террором» милитаризировала ежедневную жизнь в городах и пригородах, значит, мы все можем быть бунтовщиками. Люди уже бегут с рабочих мест, из школ, торговых центров. Их число все растет. Когда нельзя дезертировать, нужно устраивать саботаж.

Мы можем игнорировать приказы политических лидеров и корпоративных бонз с Уолл-стрит. Вместо выполнения их указаний давайте сосредоточимся на создании новых форм коммуникации, выпуске еще более страстных пропагандистских призывов, создании инфраструктуры и автономных пространств. Мы, рабочий люд, студенты, безработные, зэки, — лучшие эксперты в своем угнетении. Мы можем дезертировать из магазинов, которые за бесценок продают наши жизни, можем саботировать рабочие места, порабощающие не только наши тела, но и разум, можем взорвать умертвляющую догму системы образования. Цельтесь не только в NCO

(Non-Comissioned Officer, сержант), но и в CEO (Chief Executive Officer, генеральный директор), MBA (Master of Business Administration, магистр делового администрирования), FCC (Federal Communications Comission, Федеральная комиссия связи), ADA (Atomic Developement Authority, Агентство по атомной энергетике) и любого другого, кто хочет подчинить себе вашу жизнь! Мы должны быть достаточно смелыми, чтобы восставать против элит, подчинивших себе культуру, будь то MTV, Starbucks или альтернативная мода. В прошлом мятежники были вооружены гранатами, штыкножами и штурмовыми винтовками; сегодня мы вооружаемся нашими желаниями, умом, полным карманом камней и… может быть, чем-то большим.

Да здравствует мятеж!

Кто-то всегда быстрее… капитализм, знаете ли!

RECIPE FOR AFFINITY GROUPS

FROM ANARCHIST COOKBOOK

NO EXCUSES FOR BAD ARTS

STEAL ME

AFFINITY GROUPS ARE EXCELLENT FORM FOR ALL OCCASIONS: LOCAL PROJECT, INTERNATIONAL CAMPAIGN, SOCIAL GATHERINGS, DIRECT ACTIONS, ETC. THEY COME IN MANY VARIETIES AND SIZES, FROM ON-THE-STREET-DIRECT ACTION (POPULAR IN SEATTLE, PRAGUE AND QUEBEC CITY) TO MANAGING AN INFOSHOP. REGARDLESS OF THE FINAL DISH, THESE AFFINITY GROUPS HAVE SEVERAL TRAITS IN COMMON WHICH HAVE MADE THEM SO POPULAR: WITH THE CIRCLE A CROWD. HERE ARE A FEW THINGS THAT YOU SHOULDN'T FORGET WHEN PUTTING TOGETHER YOUR OWN AFFINITY GROUP..

FROM AN ACTUAL ANARCHIST'S COOKBOOK..

Конец самонадеянности

Децентрализация организации анархистов

Долгое время анархистские проекты дезорганизовывались самонадеянным представлением о массовости. Бессознательно мы поверили принципу динозавров (государственных деятелей, капиталистов, сторонников авторитарной власти), который можно охарактеризовать как «больше — значит лучше», поверили и тому, что нужно взять курс в этом направлении. Несмотря на интуитивное понимание того, что большие организации реже достигают своих целей в сравнении с мелкими сплоченными группами, желание большого веса остается сильным. Стоит пересмотреть то, как мы выстраиваем планы, для того чтобы пробудиться от кошмара бюрократии, централизации и безуспешных проектов. Отрицание массовых организаций, как и пристрастия к созданию организаций вообще, жизненно необходимо, чтобы разработать и переоткрыть возможности нашего усиления и эффективной анархистской работы.

Деспотизм организации

Большинство массовых организаций являются результатом привычки, инертности и нехватки конструктивной критики. «Общим принципом» считается желание обрести вес, так же как очевидным кажется то, что группы должны иметь лидеров, или то, что решения должны приниматься на основе голосования. Даже анархисты были ослеплены уверенностью в необходимости создания специальных структур и больших организаций для продуктивности, массивности и сплоченности. Эти специальные структуры стали символом легитимности, и чаще всего они оказываются единственным каналом, по которому посторонние лица, будь то СМИ, полиция или традиционные левые, могут судить о нас. Результатом этого является мешанина из букв-имен всяких медиа-групп, которые существуют по большей части для того, чтобы пиарить сами себя, едва ли занимаясь чем-то еще. К несчастью, мы были не просто впутаны в принятие суперструктур как основного места нашей деятельности, — многие из нас поддержали их с большой готовностью, так как обещание массовости весьма соблазнительно.

Огромные объединения и суперструктуры стали образом действия не только для левых групп в целом, но и для анархистских инициатив. Они апеллируют к самонадеянным мечтам активистов о массовости. Даже наши лучшие усилия и самые необузданные мечты часто вытесняются видениями толпы в черном, штурмующей Бастилию или штаб Международного валютного фонда.

Цена самонадеянной мечты о массе ужасающе высока, и обещанной прибыли никогда не увидеть. Суперструктуры, такие как федерации, централизованные сети и массовые организации, требуют затрат энергии и ресурсов, чтобы выжить. Они — не вечные двигатели, которые вырабатывают больше энергии, чем в них вкладывают. В таком сообществе с ограниченными ресурсами и запасом энергии, как наше, суперструктуры могут израсходовать большую часть всех возможных ресурсов, делая всю группу неэффективной. Основные некоммерческие организации недавно проиллюстрировали эту тенденцию.

Большие организации, такие как Армия Спасения[1], обычно тратят две трети своих денег (и даже большую часть расходов) только на поддержание собственного существования: сотрудников, расширение связей, проведение собраний и публичных выступлений. В лучшем случае только одна треть их вкладов в действительности идет на поставленные цели. Тот же тренд повторяется в наших политических организациях.

Все мы знаем, что самые большие объединения и суперструктуры проводят чрезвычайно длительные совещания. Вот полезное упражнение: в следующий раз, когда вы заметите, что скучаете на слишком долгом собрании, посчитайте количество людей в аудитории. Затем умножьте это число на то, сколько времени длится собрание, — и получите количество человекочасов, посвященных тому, чтобы не дать угаснуть этой организации. Учтите время, необходимое на дорогу, информационную работу и пропаганду, затраченное на рекламирование собрания, и вы получите грубую оценку количества часов, поглощенных ненасытной утробой суперструктуры. После этого кошмарного видения остановитесь и представьте, как много вы успели бы сделать, если бы колоссальное количество времени, ресурсов и энергии было действительно затрачено на имеющийся под рукой проект вместо того, что так наивно называют активизмом.

Влечения или провал

Суперструктуры не только расточительны, они также призывают нас заложить свои идеалы и влечения. По определению, коалиции стремятся создать и усилить *план действий*. Это не только план конкретного собрания, но и обозначение приоритетов в выборе того, какой тип работы следует считать важным. Среди неанархистских групп это выстраивание приоритетов часто ведет к организационной иерархии, для того чтобы гарантировать, что все члены группы будут полностью содействовать всему плану.

Элементарный пример — роль сотрудника пресссслужбы или спикера (почти всегда это мужчина), чьи комментарии принимаются за мнение десятков, сотен и иногда тысяч людей. В группах без партийной линии или политической платформы мы, несомненно, не должны допускать ни одного другого человека, говорящего за нас — индивидов, аффинити-группы или коллективы. В то время как обман медиа-звезд и пресс-секретарей попросту раздражает, суперструктуры могут привести к развитию

[1] Международная миссионерская и благотворительная организация. — *Примеч. ред.*

событий с более тяжелыми последствиями. В массовых подготовках к действиям или в акциях тактика целого объединения зачастую разрабатывается небольшой кучкой людей. Причины многих неудач недавних начинаний заключаются в сосредоточении информации и полномочий принимать тактические решения в руках крохотной группы лиц в рамках большого объединения (которое может включать десятки коллективов и аффинити-групп). Для анархистов такая концентрация влияния и власти в руках немногих просто неприемлема, но в то же время очень часто мы миримся с этим ради создания союзов.

Долгое время ведущим принципом анархистской философии было то, что люди должны заниматься деятельностью, основанной на их влечениях, и то, что наша работа должна быть значимой, продуктивной и приносящей удовлетворение. Это замаскированное преимущество добровольного объединения. Самонадеянно верить тому, что все члены большой организации, которая насчитывает сотни или тысячи людей, имеют идентичные влечения и идеалы. Самонадеянно верить и тому, что путем дискуссий и дебатов какая-либо группа убедит другие в том, что их личный план действий будет значимым, продуктивным и приятным для всех.

Свобода, доверие и подлинная солидарность

«Полная свобода основана на взаимодоверии».

Сэм Адамс

Если мы пытаемся создать действительно свободное процветающее общество, мы должны прежде создать общество, построенное на доверии. Менты, армия, законы, органы государственного управления и власти, религиозные представители и все остальные иерархические лестницы, по существу, основываются на недоверии. Суперструктуры и организации пародируют это первичное недоверие, которое пышно расцвело и приносит ущерб всему обществу. По старой традиции левых, большие организации ощущают сегодня, что в соответствии со своим размером или миссией они обладают правом мелочно контролировать решения и действия всех своих членов. У многих активистов ощущение того, что они являются чем-то большим, чем есть сами по себе, воспитывает преданность организации, к которой они принадлежат. Теми же чувствами питаются национализм и патриотизм. Вместо того чтобы потрудиться и самим создать инициативные группы, расположенные в наших сообществах, мы работаем на большие организации с размытыми целями, надеясь убедить других присоединиться к нам. Это капкан, поставленный партией, группой, название которой является аббревиатурой из трех букв, и большой коалицией.

В больших группах власть часто централизована, контролируема чиновниками (или определенными рабочими группами) и разделяется по такому же принципу, как и в любой бюрократической организации. На самом деле большая часть этой энергии направлена на сохранение власти внутри организации в одних руках. В группах, которые пытаются привлечь анархистов (например, антиглобализационное и антивоенное движения), эта концентрация власти перемещается в конкретные

высокопоставленные рабочие группы, такие как медийная или тактическая, хотя даже жилищная, пищевая, медицинская и юридическая группы занимаются более полезной работой. Независимо от того, как это проявляется внешне, суперструктуры порождают климат, в котором незначительное меньшинство имеет непропорциональное влияние на остальных членов организации.

Как анархисты мы по обыкновению отрицаем идеи централизованной власти и накопления власти. Мы должны критично относиться ко всему, что требует отказа от наших влечений и страстей во благо организации или абстрактного принципа типа пресловутого термина «единство». Мы должны отстаивать свою автономность со всей той силой, с которой суперструктуры хотят лишить нас ее.

Взаимопомощь долгое время была ведущим принципом, по которому анархисты работали вместе. Парадокс взаимопомощи заключается в том, что мы можем защитить нашу собственную автономию, только позволяя другим быть автономными. Суперструктуры делают противоположное и пытаются ограничить наши автономию и работу, основанную на близости, подменяя их игрой на наших самонадеянных фантазиях и скупой выдачей доли власти. Децентрализация — основа не только автономии (которая является признаком свободы), но также и основа доверия. Чтобы иметь подлинную свободу, мы должны позволить другим заниматься тем, что им нравится, и тем, что они умеют, в то же время занимаясь тем же самым. Мы не должны как-либо зависеть от них и заставлять их придерживаться нашей программы. Успех, одерживаемый нами на улицах и в наших местных сообществах, практически всегда зависит от групп, которые действуют сообща: не потому что они действуют по принуждению или по долгу службы, но потому, что их деятельность держится на истинной взаимопомощи и солидарности.

Мы должны продолжать воодушевлять остальных людей на деятельность, согласованную с нашей. В анархистских сообществах мы должны действовать вместе на равных — решать для себя, с кем мы хотим создать аффинити-группу или коллектив. Согласно этому принципу каждая аффинити-группа должна быть в состоянии свободно выбирать, с какими группами работать. Эти объединения, состоящие из двух групп или двух сотен, могут просуществовать недели или годы, на время проведения одной акции или длительной кампании. Наше падение произойдет тогда, когда будет взят курс на расширение организации, а не на ту работу, ради которой она создавалась. Мы должны работать вместе, но имея при этом одинаковый статус и без какого-либо вмешательства со стороны внешней силы, будь то государство, Бог или другие организации, определяющие направление или форму нашей работы. Взаимодоверие позволяет нам не скупиться на взаимопомощь. Доверие способствует сближению, в то время как бюрократия, официальные процедуры и большие собрания порождают отчуждение и разобщение. Мы можем щедро делиться скромным запасом энергии и ресурсов, сотрудничая с другими группами, потому что эти взаимоотношения добровольны и основаны на принципе равенства. Ни одна группа не должна жертвовать своими влечениями, автономией или страстями ради права работать с другими. Так же как мы очень осторожны в выборе того, с кем мы собираемся сотрудничать в аффинити-группе, мы не должны предлагать объединяться с теми группами, с которыми у нас нет взаимодоверия.

Если я не могу под это танцевать, это — не моя революция!

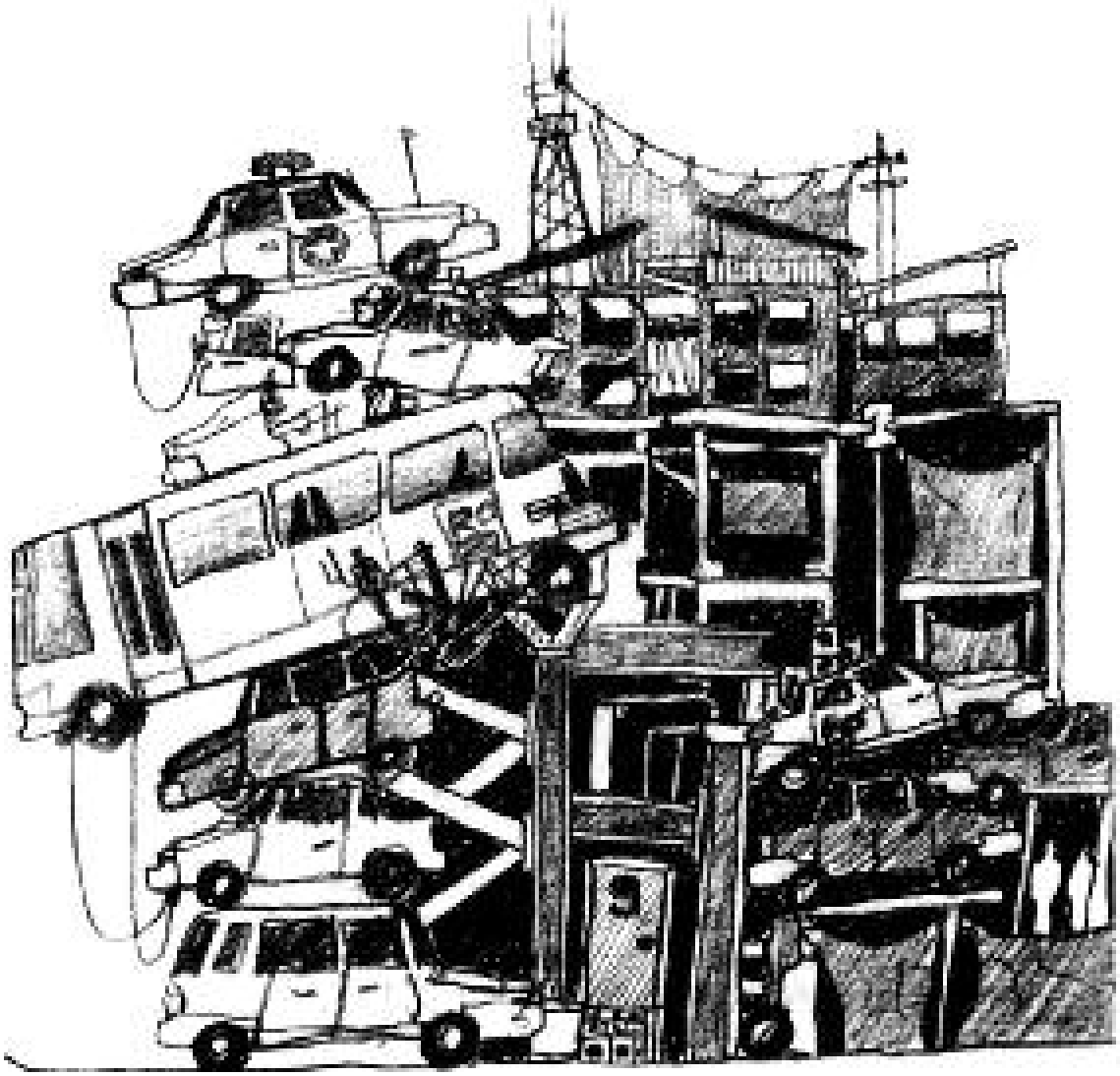
Мы можем и должны сотрудничать с другими группами и коллективами, но только по принципу независимости и доверия. Неблагоразумно и нежелательно требовать от конкретной группы согласия с решениями, принятыми другой. Во время шествий этот принцип является основой философии «многообразия тактических приемов». Ненормально то, что анархисты требуют многообразия тактических приемов на улицах, но затем откликаются на призывы к объединению и созданию этих больших коалиций. Разве мы не можем с этим справиться? К счастью, можем.

Радикальная децентрализация: новое начало

Давайте начнем действовать не в больших организациях и суперструктурах, а в маленьких аффинити-группах, состоящих из друзей. В рамках наших сообществ радикальная децентрализация сотрудничества, проектов и ответственности укрепляет способность анархистских групп расцветать и выполнять ту работу, которая наилучшим образом соответствует их определенным умениям и интересам. Мы отрицаем безрезультатные, деспотичные суперструктуры как единственный способ сотрудничества. Мы можем следовать намеченной цели путем укрепления и поддержки существующих аффинити-групп и коллективов. Почему бы не относиться с такой же критической позиции к необходимости создания больших федераций, коалиций и других суперструктур, с какой мы относимся к государству, религии, бюрократии и корпорациям? В то время как ни одна стратегия не должна быть ведущей для остальных, наш недавний успех бросил вызов устоявшемуся убеждению в том, что мы должны быть частью какой-либо огромной организации, чтобы чего-то добиться. Отнеситесь серьезно к тысячам DIY-проектов, созданных по всему миру, вне каких-либо суперструктур. Мы можем приходить на собрания как равные и сотрудничать друг с другом, основываясь на страстях и идеалах, и затем найти тех, кто разделяет эти идеалы. Вместе мы можем отстоять свою автономию и продолжить бороться за свободу, доверие и подлинную солидарность.

DIY-метрополии

Анархистские модели городов



«Возможно, это романтично — искать лекарства от болезней общества в медленных деревенских ландшафтах или среди невинных, неиспорченных провинциалов, но это лишь трата времени. Кто полагает, что в реальной

жизни ответы на любые из великих вопросов, которые нас сегодня беспокоят, могут быть найдены в однородных поселениях?»

Джейн Джейкобс

Многие анархисты вместе с почти половиной мирового населения живут в городах. Если быть реалистичным, то многие анархисты организуются в городах, работают в городах, занимаются любовью в городах — и любят наши города. Вот только до сих пор было мало реальных исследований того, как могли бы выглядеть антиавторитарные города, если бы такая вещь вообще могла быть возможной, и как бы они могли функционировать. Многие анархисты считают, что города неизбежно иерархичны и, следовательно, с ними нужно покончить, но они мало размышляют над тем, как можно было бы переместить миллиарды людей без принудительных иерархий или какое влияние этот массовый исход оказал бы на сельские местности.

Другие, как Мюррей Букчин или его коммунитарные последователи, считают, что поселения, смоделированные по принципу средневекового города, — или еще хуже, модель, основанная на рабовладельческих городах древних греков, — создали бы оптимальную анархистскую среду. Эта концепция маленьких общин подхватывалась множество раз за историю анархистской мысли. Эти поборники моделей маленького города желают контролировать размер и характер города, чтобы создать городские пространства, похожие на кукольные домики, с поделенными на отсеки секторами и обособленными местами проживания. Похожие идеи уже были применены на практике Эбенезером Говардом[1] в английских городах-садах или более недавно — в модели нового урбанизма. Они обычно выливаются в стерильные, раздельные, однородные, псевдоурбанистические ландшафты, такие как Селебрейшн во Флориде и Кентлэндс в Мэрилэнде.

В то время как критика пасторалистов, коммунитаристов, примитивистов, фурьеристов и прочих зачастую верна в своих частностях, они упускают причину, по которой более половины населения мира притягивается городскими пространствами. Они не обращают внимания на динамичную жизнь города и хаотичную природу городского существования, которые создают не только проблемы, но и новые формы опыта. Они не замечают тех возможностей, возбуждения и свободы, что дает жизнь в городе. Даже если некоторые анархисты списали город со счетов, половина мира — отнюдь нет.

За последние два века в дискуссии о будущем городов доминировали специалисты, которые исподволь ненавидели города. Множество городских и политических теоретиков (всего политического спектра) переосмысливали город, нейтрализуя его. Видение Ле Корбюзье чистой, избавленной от заболеваний, прекрасно регулируемой городской среды, мечта Ленина об индустриальной кооперативной метрополии, где рабочие жили бы совместно, поблизости от своей работы, в монотонном и функциональном ритме, и сотворенный Гитлером и Альбертом Шпеером план Берлина как этнически вычищенной, совершенно покорной столицы не являются одним и тем же; но различия не так велики, как может показаться. Пьер Шарль Л'Энфан,

[1] Английский социолог, в конце XIX века создавший теорию «города-сада». — *Примеч. ред.*

планировщик Вашингтонского округа, говорил, что дизайн столицы со столь геометрически правильным планом может хорошо выглядеть на бумаге, но в реальности станет «утомительным и бесцветным». Даже анархистские реформаторы XIX столетия, вроде Шарля Фурье, страдали манией контроля, пусть у них и было несколько забавных фантазий (в фурьеристском городе должно было быть по одному мужчине и одной женщине каждого типа: 1620 человек разгуливали бы по округе в униформе с кисточками и эполетами, которые он придумал, чтобы обозначить различные человеческие страсти). Утопическое городское планирование воображало себя великим мотором социальных изменений: изменяя физические условия несовершенной вещи, города, оно могло бы создать совершенных людей. Их бумажные теории превратили несколько величайших городов в мире в бетонный кошмар. Они отказывались ставить вопрос о власти, так как никто не может планировать или создавать что-либо собственноручно, не принимая позицию власти. Иерархическая власть и архитектурная власть суть одно и то же и должны бы одинаково отпугнуть влюбленных в город анархистов, как и влюбленных в анархию горожан.

Анархистами было довольно мало написано об альтернативах иерархии городов. Есть лишь несколько книг и немного статей, написанных североамериканскими и европейскими сквоттерами, но их недостаточно. Мы считаем, что существует больше анархистских городских моделей, инновационных и опробованных, которые уже появились в разных местах. Это трущобы по краям наших самых больших и наиболее динамичных городских центров.

Город уже был переделан не иерархическими способами, не легионами городских планировщиков или политических теоретиков или даже горсткой сквоттеров, но миллионами самых обычных мужчин и женщин Глобального Юга. Катализированная необходимостью и желанием, DIY-этика развилась в самых обширных и наиболее обнищавших центрах мировых метрополий. Жители этих трущобных поселений, *favelas* или *borgate*, как их, бывает, называют, являются одной из самых быстро растущих групп населения в мире. Отчет ООН о человеческих жилищах от 1986 года указывал на то, что от одной трети и до более половины жителей наиболее больших городов в развивающихся странах живет в этих типах неформальных поселений. Нам нужно многому научиться у этих органично организованных моделей городской жизни, которые уже существуют.

Верно и то, что примерно миллиард человек, проживающих в неформальных поселениях, окружены большим числом опасных для жизни проблем, таких как плохая санитария, нехватка медицинской помощи, недостаточный доступ к основным ресурсам и скудное питание, но большая часть этих проблем возникает из-за сокрушающей нищеты, наложенной на них неолиберальной политикой «развивающегося» мира. Несмотря на эти почти непреодолимые экономические и политические препятствия, все больше и больше людей предпочитают перестраивать города мира. Что впечатляет еще более, так это то, что они используют многие принципы, которые поддерживаются анархистами, включая добровольное объединение, децентрализацию, экологичность, прямую демократию, взаимопомощь, обмен подарками и этику do-it-yourself. Они делают это, органично и хаотично развиваясь, что во многих местах ведет к эффективному политическому активизму и активному сопротивлению власти государства и капитализма.

Фавелы

Наша информация поступает из множества источников, включая отчеты НКО, антропологов, городских планировщиков, политических активистов, наши собственные посещения этих мест и, что самое важное, от самих людей, живущих в трущобах. Миф, что трущобы являются набитыми под завязку, опасными и мрачными местами, где люди живут не лучше животных в переполненных клетках, просто не выдерживает сравнения с опытом исследователей и людей, живущих в этих местах. Давайте же углубимся в улицы *favelas* и войдем в их DIY-дома; мы увидим иной способ обновления города — такой, который похож на анархию.

Добровольное объединение

Самым долговечным мифом о трущобном поселении является то, что его жители вынуждены жить там из-за экономической нужды. Это правда, что семьи перебираются в трущобные поселения в надежде повысить свой экономический статус, но для многих это не единственная причина или даже не главная причина. Антропологи выяснили в самом крупном borgatas Лимы, что люди выбрали жизнь в нищих районах, так как скучали в своих маленьких деревнях и стремились сбежать от ограничивающих культурных и общественных традиций жизни в высокогорье. Подобные чувства были обнаружены и среди обитателей трущоб в Гане, утверждавших, что там было больше возможностей избежать устроенных по расчету свадеб, убогого образования и ограниченных карьерных шансов провинции. Рома (цыгане) в Болгарии перебрались из сельских областей в трущобные городки в крупных городах, чтобы избежать предрассудков своих деревенских соседей. Или как выразился один сквоттер в трущобном городе на окраине Гонконга: «В городе больше свободы. Я могу быть собой».

Люди не собираются в городах лишь по экономическим причинам; в городской жизни действительно есть свобода, возможность для индивидов изобрести себя заново. В больших городах существует зачастую культурная терпимость, которой нет в маленьких городах, сельских местностях или пригородах. Некоторые собираются в городах в достаточно большие группы, чтобы гарантировать себе безопасность. Другие стекаются в густоту городов ради экономических или образовательных возможностей. Утверждать, что жители лачуг являются просто пассивными жертвами экономического гнета, было бы чрезмерным упрощением, в большинстве случаев просто неверным. Жители лачуг часто являются активными агентами, предпочитая покинуть провинции по различным причинам и собираясь в неформальные поселения для того, чтобы создать лучший мир. Причины их исхода не сильно отличаются от причин анархистов из Соединенных Штатах сегодня, которые бегут от умерщвляющих пригородов и маленьких городишек своей молодости, чтобы собраться в сквотах или дешевых квартирах в бедных и забытых кварталах наших больших городов.

Децентрализация

Существует много аспектов децентрализации в неформальных поселениях. Основные городские инфраструктуры и услуги децентрализованы, несомненно, благодаря тому, что лачуги отключены от централизованных услуг, но и по другим причинам. Ограниченные ресурсы, малый объем, самоорганизация и желание прямого участия и контроля — часть причин, по которым трущобные поселки применяют децентрализацию. Несмотря на свой недостаток ресурсов, многие из этих децентрализованных услуг оказываются более эффективными, чем централизованные модели.

К примеру, использование коммунальных мини-автобусов в поселениях на юге Стамбула очень популярно. Автобусы ходят более регулярно и более безопасны, чем их централизованные коммерческие конкуренты. Децентрализованные колодцы в трущобных гетто Боливии оказались столь успешными в снабжении жителей водой, что великие и могущественные планировщики ООН решили исследовать эту модель на предмет использования в других регионах.

Даже образование и забота о детях являются зачастую децентрализованными. В Лиме децентрализованное образование предоставляется «странствующими» учителями, которые передвигаются от одной крошечной соседской школы к другой — иногда до четырех школ за один день. Порой учителя выстраивают отношения с несколькими школами и соглашаются на компенсацию за свои услуги. Это обычное дело для школы в квартале — заполучить четверых или пятерых учителей с основательным высшим образованием и опытом, которые бродят туда-сюда в течение одного школьного дня. Без этой организации для одной крошечной школы было бы невозможным найти постоянный персонал такого калибра. Забота о детях в большинстве трущобных городков, где многие матери работают, тоже децентрализована. Люди (мужчины, женщины, сводные братья и сестры постарше, пожилые и инвалиды), не занятые на работе, заботятся о детях работающих родителей. Это позволяет детям иметь более широкую сеть социальных контактов, чем в традиционной системе в западном стиле. Исследователь из Cooperative Housing Foundation обнаружил, что дети в лачугах на окраине Боготы создали долгосрочные связи с более чем двадцатью пятью взрослыми вне своих семей в течение недели посредством ротируемого неформального присмотра.

Экологичность

Когда политические зануды, представители ООН по городским вопросам или иные специалисты, говорят о населении и росте города, они обычно ссылаются на ужасы разрастающихся трущобных городков в «развивающихся» странах. Этим так называемым экспертам удалось создать имидж неформальных поселений как нестабильной и взрывной чертовой дыры, постоянно находящегося на грани саморазрушения. В то время как жизнь в этих поселках действительно полна трудностей, идея, что они все нестабильны, несостоятельны и готовы взорваться, просто неверна. Есть поселения, которые возникли за ночь, и есть временные поселения, но это просто не касается всех поселений. Неформальные поселения, такие как в Рио-де-Жанейро или

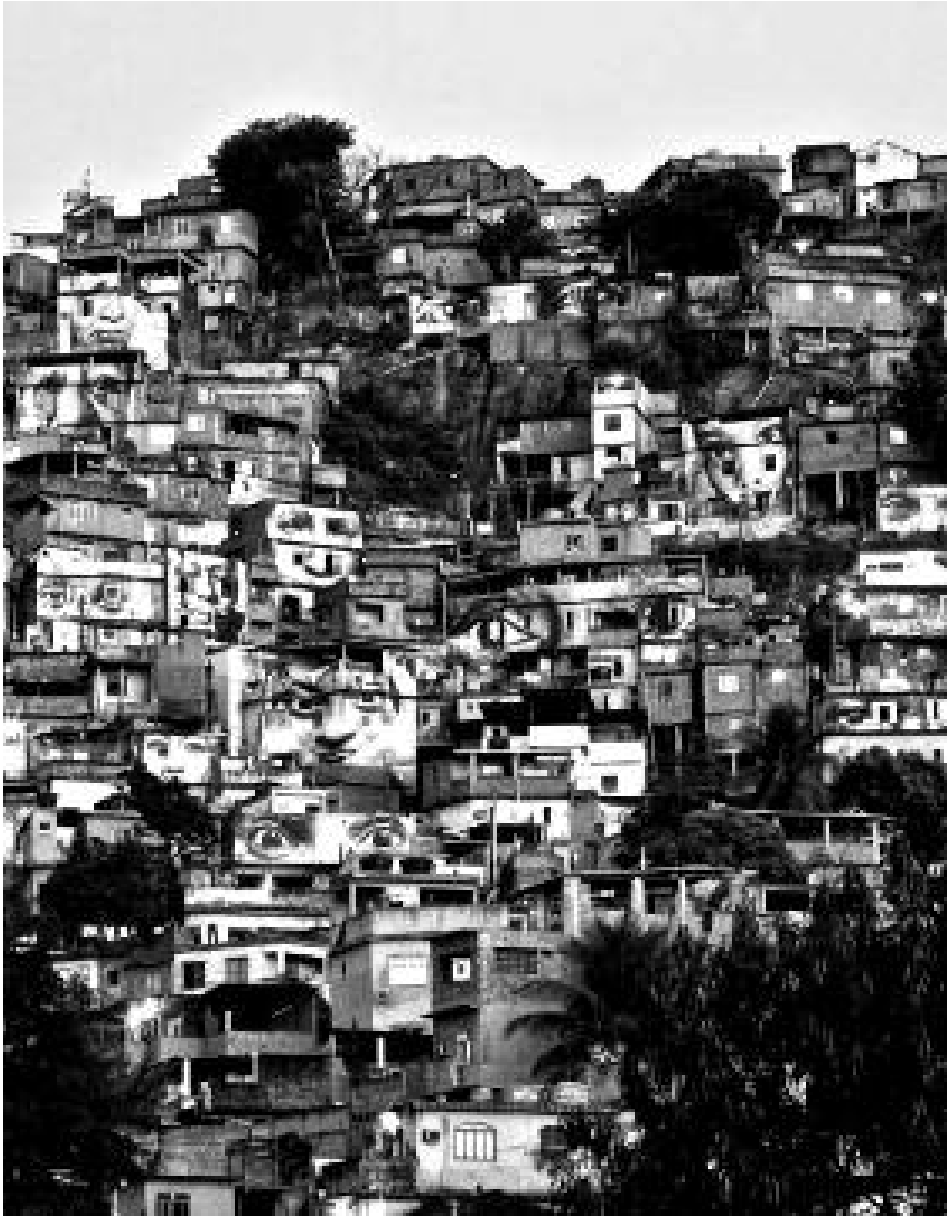
в Мехико, постепенно перестают быть временными. Многие существовали долгое время (веками, как в Бразилии) и выдержали отчаянную нищету, рост населения и правительственные репрессии. Сущность неформальных поселений по всему миру сменилась с временной и переходной на постоянную и устойчивую.

Несмотря на тот факт, что большинство лачуг располагаются в бедных городах, плохо приспособленных для человеческой жизни, — на свалках, мусорных кучах, зонах эрозии, областях наводнений и на захоронениях токсичных отходов, — они выживают. Более того, во многих местах их жители значительно поправили окружающую среду, создав более пригодные для жизни общины. В Турции жители лачуг недавно защитили окружающий их участок земли от эрозии, посадив и вырастив общинные оливковые деревья. Эти деревья, с их обширной корневой системой, были более полезны, чем бетонные конструкции, используемые правительством города. В двух самых крупных и наиболее политически активных поселениях в Мехико жители трущоб развили (вместе со студентами близлежащих университетов) инновационный способ защиты исчезающего зеленого пояса вокруг Мехико. Движение Ecologica Productiva заявило, что при использовании децентрализованных и творческих аспектов трущобных поселков подвергающийся опасности «зеленый пояс» Мехико мог бы быть трансформирован в цветущий и разнообразный биологический резервуар, создающий экономические возможности для местных жителей. План настаивал на экологической технике (вроде наружных туалетов на солнечной энергии, которые перерабатывают органические отходы в полностью пригодное удобрение) и коммунальном управлении природными ресурсами — ничего удивительного, что мексиканские власти запороли план. Несмотря на свою непопулярность у правительств, эти идеи теперь начали с успехом использоваться в других странах Латинской Америки и Африки.

В целом в неформальных поселениях нет никаких лишних построек, никаких излишеств в жилых помещениях или в стиле, а тотальная переработка является способом выживания. Недавние исследования в Мехико и Гонконге показали, что средний житель трущоб производит полпроцента от тех отходов, которые производятся средним обитателем города. К тому же большинство крупных городов в развивающемся мире не имеют формализованных программ по переработке мусора, поэтому жители трущоб играют важную роль в переработке и сокращении годового объема мусора в тех метрополиях. А так как и общественные места, и жилье мультифункциональны, ничто не остается незадействованным. Даже если поселки невероятно тесны, в них зачастую больше общественных пространств, чем в некоторых городских районах в развивающемся мире. Они показали, как обычные люди сохраняют публичные пространства, в то же время создавая новые ареалы, которые могут быть использованы и для частных, и для общественных мероприятий.

Прямая демократия

Жители трущоб всегда политически маргинализированы и обычно являются жертвами государственных репрессий. Явка на выборы в поселках низка, но жители компенсируют это творческими низовыми акциями. Трущобы были лаборатория-



Фавелы

ми пространственной и социальной организации и политических экспериментов. Наиболее успешно трущобы разделяют приверженность прямой демократии в ее разнообразных формах. Эти успехи простираются от создания новых школ до воровства доступа к государственным коммунальным услугам.

Чтобы прямая демократия работала в трущобах, жителям нужен доступ к информации о политической сцене. Жители лачуг изобретательны в решении этой задачи. К примеру, несмотря на высокий уровень безграмотности, почти каждый мексиканский трущобный поселок располагает, по меньшей мере, одной do-it-yourself-газетой, которую читают вслух в общественных местах. Поселок в Катманду регулярно выпускает книжку комиксов, иллюстрирующую политическую ситуацию в своих общинах и в стране.

Трущобные общины использовали разнообразные тактики, чтобы достичь своих политических целей. Движение Ecologica Productiva в Мехико использовало марши, коалиции со студентами университетов, с защитниками окружающей среды и международными некоммерческими организациями, чтобы оказать давление на правительство для большей автономии и прав для своих домов. Неформальные поселения на краю Гонконга — активные захваты правительственных зданий, чтобы получить доступ к основным коммунальным услугам. Жители трущоб Катманду собирали и складывали весь свой мусор на центральной рыночной площади и заставили правительство возобновить вывоз отходов из их общин. Все эти акции были проведены без участия формальной репрезентативной организации. В Мехико попытка сформировать такую организацию даже привела к распаду движения Ecologica Productiva и вылилась в разрушение участвующих неформальных поселений. То, что случилось в Мехико, было повторено в общинах США. Когда мы пытаемся стать «легальными», будь то получение лицензий на наши сквоты или разрешения на наши демонстрации, мы рискуем совершить ту же фатальную ошибку, что и сквоттеры Мехико.

Взаимная помощь и обмен подарками

Одним из самых очевидных аспектов трущоб является их сокрушающая нищета. Трущобы обладают немногими внутренними ресурсами, и их доступ к достатку города скуден и в лучшем случае основан на паразитизме. Это привело творческих жителей трущоб к применению нескольких альтернативных экономических моделей, чтобы обеспечить свое выживание. Откровенное воровство, паразитизм и неформальная экономика может быть обнаружена почти в каждом трущобном городке и бедном городском районе, но это не основные пути, которыми они получают нужные ресурсы.

Взаимовыручка — важный аспект каждого успешного трущобного поселения и отличает его от блеклых городских районов. Повсюду, начиная со строительства домов, обмена рабочими инструментами и работы в общинных садах до подвоза друг друга на работу, на нужду отвечают, используя взаимопомощь. Дарение тоже важно. Один антрополог, который провел пять лет в поселке в Гане, подсчитал, что примерно одна треть всех ресурсов отдается в подарок. Дарение является важным путем усилить

дружбу и построить новые социальные сети. Оно также создает «сеть защищенности» для тех, кто не может работать. Вращающиеся кредиты и долги — также общая черта трущобных городов. Беспроцентный долг — это способ, которым жители лачуг справляются с неизбежной нестабильностью своего окружения. Получение большого количества капитала зачастую происходит неформально, посредством лотерейной системы. Семьи и индивиды складывают деньги в общественный пул, который выдается каждый месяц одному участнику. Это позволяет этой персоне иметь достаточно ресурсов, чтобы сделать большую покупку, например строительных материалов, или начать свое дело.

Накопление богатства не пользуется славой в трущобах, оно и непрактично — владение проявляется в пользовании или в присвоении. Более надежно отдать свои ресурсы и расширить свою социальную сеть, чем копить ресурсы. Анархисты могут учиться этой щедрости на наших конференциях, демонстрациях и собраниях.

Общественная и пространственная организации

«Улица — это река жизни».

В неформальных поселениях организация и создание пространства, расположение и взаимосвязь домов, ширина и направление улиц, формирование общественных мест зависят напрямую от того, как жители организованы социально. Эта организация основывается на близости. Близость может питаться различными силами, такими как география, семейные узы и союзы, дружба и профессиональные связи, так же как и политическими и культурными объединениями.

В целом близость крепится чувством *соседства*. В отличие от традиционного западного обитателя городов на поддержание и усиление социальных связей жертвуется значительное количество времени и ресурсов. В трущобах Ганы большая часть годовых экономических доходов семьи тратится на общинную активность вроде праздников, свадеб, вечеринок и крещений. В Лиме мужчины проводят половину дня, общаясь в больших группах, в то время как женщины проводят еще больше времени, тусуясь в подобных группах. Дети в почти всех неформальных поселениях находятся большую часть своего времени для прогулок в больших смешанных группах из взрослых и детей.

Социализация — это ключ к физическому, политическому и экономическому выживанию внутри трущобных общин. Благодаря широко распространенному предубеждению против жителей трущоб и необходимости для них попадать во враждебные территории для работы, они нуждаются в широкой сети, чтобы защищаться от нападений извне. Им также нужны сплоченные социальные сети, чтобы защищаться физически от регулярных нападений полиции, армии, военизированных формирований и прочих правительственных агентов в трущобных кварталах. Социальные сети — это тот клей, который держит временные коалиции сквоттеров вместе, чтобы начать широкомасштабные политические кампании и сделать их стойкими к кооптивной и разъединительной тактикам властей. Эти альянсы также эффективны при контроле разрушительных сил внутри поселения. Использование слухов, бойкотов

и других форм социального контроля ограничивает разрушительное поведение в тесно переплетенных районах.

Индивиды зависят от сложной и обширной паутины экономических связей. Эти паутины широки и поддерживаются дружбой и другими формами сосуществования. Например, отдельным семьям было бы невозможно получить материалы и обеспечить необходимый труд, чтобы построить адекватный кров без помощи этих социальных сетей. Даже образование, здравоохранение и основные услуги зависят от неформальных общественных отношений.

Постоянная нужда в социализации влияет на способ, которым используются пространства. В неформальных поселениях общественные пространства зачастую подчеркиваются тем, что переопределяются заново. Границы между общественным и частным, так любимые урбанистами, стираются, а иногда и не существуют в этих общинах. Большинство пространств аккумулируют множество использований: улица может быть местом, чтобы играть в футбол, торговать, тусоваться, красоваться, и транспортным коридором в одно и то же время. Частный дом является не просто жилым помещением, но еще и торговой лавкой, центром медицинской помощи и местом общественных собраний. Далее, пространство внутри дома не специализировано так же, как западное жилое помещение. В течение дня отдельная комната может использоваться как спальня, гостиная, столовая, детская и место для работы — иногда все одновременно. Все это увеличивает силу социализации в этом типе общин.

Те же самые принципы социализации могут быть применены к нашим инфошопам, автономным зонам и собраниям. Мы должны быть готовы уделить время и создать пространство для значимой социализации.

Do-it-yourself-архитектура

DIY-этика — это больше, чем стратегический способ использования ограниченных ресурсов; это также некоторое количество важных преимуществ над коммерческими и профессиональными предприятиями. DIY создает большее (со)участие, чем потребительские отношения профессиональных встреч. Оно также позволяет индивидам приспосабливать свои проекты к своим желаниям и навыкам, поощряет обмен навыками, в отличие от накопления навыков, предпочитаемого экспертами. Совместная работа вне традиционной капиталистической модели создает осмысленные взаимоотношения среди участников. Коммунальные проекты, вроде «постройки амбаров», традиционно были важны для сохранения сильных социальных связей внутри общины. Этика DIY вознаграждает самостоятельных: навыками, ресурсами и помощниками. Возможно, самое главное в том, что она дает силу индивидам и создает по-настоящему общий вклад в общину. Эти проекты процветают в каждой трущобной общине, варьируясь от сложных санитарных систем до простых футбольных полей. Наиболее распространенный проект — это архитектура: строительство домов и прочих структур. В капиталистическом мире господство архитекторов, строительных инспекторов, инженеров и других экспертов столь абсолютно, что мы едва ли можем представить себе людей, конструирующих для себя жилища. Экспертам

сегодня удалось скрыть тот факт, что до прошлого столетия большинство домов были DIY. Если уж на то пошло, с новыми технологиями и ресурсами было бы легче построить экологический DIY-дом… и так оно и есть. Трущобы доказывают это.

Трущобная DIY-архитектура органична по природе — она уважает естественные характеристики местности. Этот органический характер отражается в способе, каким обращаются с землей: обычно не происходит значительных раскопок, переноса почвы, создания или разрушения холмов или долин.

В большинстве трущобных строений форма следует за функцией независимо от имеющихся ресурсов. Ведь неформальные структуры не имеют ни отчуждающей монотонности, ни обезличенного размаха модернистской архитектуры. Даже самые бедные DIY-структуры не лишены полностью орнаментов или украшений, они отражают не только возможности, но и характер, и вкус тех, кто там проживает.

В отличие от того, что можно было бы ожидать, неформальная архитектура не означает примитивной архитектуры. Многие трущобные структуры построены из прочных материалов, таких как кирпич, бетон и штукатурка, следуя традиционным строительным технологиям и стилям декорации. Переработка строительных материалов — распространенная практика, как и обмен материалами, инструментами и навыками. Большинство трущобных домов никогда не были «завершены», форма строения текуча, комнаты добавляются, если надо. Построить чей-то дом — это работа в процессе, никогда не заканчивающийся проект.

Использование неформальных структур обычно основывается на нужде. Обитатели неформальных поселений «владеют» структурой, если живут там и если прикладывают усилия для ее улучшения, подобно западным сквотам. В большинстве трущоб нет пустующих или неиспользуемых домов: если семья выезжает из постройки, въезжает другая.

«Городской воздух делает тебя свободным!»

Средневековая поговорка

Мы не утверждаем, что трущобные общины совершенны или хотя бы что все трущобы обладают вышеперечисленными анархическими качествами. Вместо этого мы чувствуем, что трущобы предлагают настоящую жизненную (и смертельную?) модель того, как мы можем изменить и восстановить город. Мы можем сделать это, не отступаясь от наших анархистских идеалов. Трущобы являются гигантским продолжающимся социальным экспериментом. Они являются проверкой эффективности добровольного объединения, децентрализации, экологичности, прямой демократии, взаимной помощи и этики DIY в наиболее сложных городских условиях. Если у них получается, то и мы сможем!

Давайте признаем и отметим привлекательность, которой обладают города в нашем воображении и в нашем желании воли и общности. В отличие от наших предшественников последнее, чего мы хотим — это контролировать и регулировать город, оставить его без органической природы и лишить его спонтанности. Мы хотим, чтобы город вышел *из-под контроля*. Мы не создаем бумажных городов теоретиков, но усваиваем то, что уже было создано миллионами. Мы предлагаем неформальный поход к городам и поселениям: отметая необходимость в высокоспециализированных

профессионалах и заменяя их содружеством с общими навыками. Мы замещаем девелоперов, землевладельцев и спекулянтов недвижимостью творческими строителями и жильцами, существующими не за счет вкладов, прав собственности или капитала, а просто за счет использования своих жилищ.

Мы хотим освободить город, придать ему облик, основанный на нуждах его жителей и сбалансированных взаимоотношениях с окружающей его экосистемой. Нам нужны города, которые живут и эволюционируют, а не спланированные кошмары прямых линий, дорожные развязки и мрачные кварталы. Мы отвергаем обособленность пригородов, дорогих комплексов и деревенских хижин и принимаем бурлящие, сложные анархистские общины. Нам нужно быть достаточно уверенными в себе и в наших соседях, чтобы позволить хаосу вернуться в наши города — принося новые проблемы, которые требуют решения, и создавая новый опыт, недоступный нигде, кроме живого города.

Ни один город не спасется от анархии!

Непродуктивная утопия или как консенсус изменит мир

Раз за разом анархисты подвергались критике, их арестовывали и убивали «попутчики» на пути к революции, так как их считали непродуктивными. Троцкий жаловался своему соратнику Ленину, что анархисты, управляющие железными дорогами, были «…непродуктивными чертями. Отсутствие у них пунктуальности пустит нашу революцию под откос». Ленин согласился, и в 1919-м анархистская штаб-квартира Северных железных дорог подверглась штурму Красной гвардии и анархистов «лишили их обязанностей». Обвинения в непродуктивности были не только поводом к увольнению анархистов с работы, но и оправданием для убийств анархистов властями. Даже сегодня анархистские принципы проклинают практически все левые за то, что они *недостаточно продуктивны*. Над нами насмехаются, потому что мы скорее устроим сквот или сварим еду для голодных, чем станем продавать газеты. Эта критика со всей активистской сцены производит эффект травли. Что еще более раздражает, чем эти атаки извне, анархисты начали впитывать эту критику и повторять ее. Некоторые пытались добиться продуктивности такими средствами, как служащие, федерации и выборы. Все это было сделано, чтобы отпугнуть гоблина непродуктивности, который преследовал анархизм так долго.

Не верь в наебку

Вместо этого возрадуемся непродуктивности и откажемся от идолопоклонничества фордистской фабрики политических изменений. Продуктивность — это знак современной жизни в Северной Америке: от придорожных ресторанов с фаст-фудом до хорошо отрегулированного полицейского государства. Продуктивность есть монета в царстве обездушенных структур вроде Международного валютного фонда и разрушающей Землю сельскохозяйственной индустрии. Желание сделать «больше за меньшее время» не является нейтральной силой в нашей культуре; это помощница хреновых экспертов, специалистов и лидеров.

Не все ринулись становиться продуктивными. Кое-что еще существует на периферии: непродуктивная утопия, культура консенсуса, коллективы и этика DIY. Место, где время не куплено, не продано или взято в долг и где не часы являются главным судьей нашей ценности. Для многих людей Северной Америки проблема заключается не просто в бедности, но в отсутствии времени, чтобы заниматься вещами действительно значимыми. Это не симптом личной неспособности, но следствие одержимого временем общества. Сегодня желание продуктивности происходит из модели недостаточности, которая является основанием капитализма. Время рассмат-

ривается как ограниченный ресурс, когда мы оказываемся пойманными бессмысленной работой, массовой продукцией развлечений и — частая жалоба активистов — скучными собраниями. Давайте же выжмем все возможное из нашего времени!

В нашей политике и наших проектах анархисты по праву пытались найти смысл в самом пути, а не просто в поставленных целях. Непродуктивность дает нам шанс выявить наши склонности и заняться осмысленным делом без песочных часов, погребающих наши идеалы. Несмотря на советы университетских педагогов и компьютерные тесты, нужно время, чтобы понять, чем ты действительно хочешь заниматься в своей жизни.

В продуктивной дистопии по имени Северная Америка, «время — деньги». Но ни времени, ни денег никогда не хватает на то, чего мы действительно хотим. Наши сообщества сопротивления совершенно верно подчеркивают традиции обмена навыками и знаниями на DIY-воркшопах, тренингах, рандеву и собраниях. В противоположность корпоративным или академическим моделям DIY-обмен навыками требует занимающих много времени встреч, которые создают истинные отношения, основанные на дружбе и взаимном доверии. В погоне за продуктивностью важные отношения вроде этих замещаются профессионализацией и зависимостью от специалистов. Нужны ли нам действительно «профессиональные» ведущие, чтобы проводить наши встречи? В отличие от обмена умениями профессионализированные отношения оставляют всех участвующих равнодушными и неудовлетворенными, идет ли речь о ведении дел, касающихся ремонта твоей машины или получения крайне необходимой медицинской помощи. Оба, потребитель и специалист, лишают себя возможности приобрести новые навыки и подружиться с новыми людьми. Специалистка оказывается пойманной в ловушку тем, что она делает хорошо или на чем специализируется, и редко делая то, что она действительно хочет.

Так же пойманная в ловушку, потребительница теряет свою независимость, когда отношения низводятся до продуктивного денежного обмена. Эта отчужденная потребительница работает против своих же интересов: она мало знает о том, кого финансирует. Может быть, она хранит деньги в банке, который дает их в долг владельцам недвижимости, разрушающим ее район и повышающим ей квартирную плату. Зачастую мы повторяем эти капиталистические взаимодействия в наших сообществах сопротивления, отдавая наши деньги и время организациям, о которых мы почти ничего не знаем. Одного хитрого участника «Бригады любопытного Джорджа» недавно попросила о пожертвовании участница гигантской антивоенной коалиции, которая таскала с собой огромный мусорный мешок по улицам во время демонстрации! Когда ее спросили, где эта большая сумка с деньгами окажется в конечном итоге, активистка пожала плечами и невинно ответила: «Вы знаете, если быть честной, я не знаю, я лишь следую инструкциям». Не стоит и говорить, что мы продолжили вместо этого жертвовать свои деньги фонду помощи заключенным. В жизни и в активизме мы должны знать, с кем работаем; в противном случае добровольное объединение — это просто лозунг. Все это требует времени.

Непродуктивность подтачивает идеологические основания современного капиталистического государства. Рабочие знают, что политически мотивированная непродуктивность (например, снижение темпа работы) — это важный инструмент для получения власти на рабочем месте. Представьте себе проникновение замедления

темпа работы в политические процессы и во все аспекты общества. Политическая непродуктивность может быть важным инструментом для выявления авторитарных тенденций в крупных группах. Например, на неличной, деловой встрече вы можете отказаться от предопределенного плана акций организаторов и потребовать времени и места для обсуждения реальных альтернатив. Слишком часто активисты давали себя впутать в плохо проработанные, близорукие планы, разработанные крошечными группами и самозваными лидерами. Необходимо отказаться от заготовленной политики таким же образом, каким мы отказываемся от готовой еды в пользу готовки дома, с друзьями.

Политическая непродуктивность

Консенсус может отнять больше времени, чем голосование, но голосование в таком случае не более продуктивно по времени, чем тоталитаризм. То немногое, что выигрывается продуктивностью, выигрывается за счет настоящего участия и автономии. В самой своей сути консенсус требует участия и вклада от всего сообщества. В контексте взаимного доверия консенсус является одной из немногих моделей принятия решений, которые действительно противостоят власти, защищая автономию индивидов и малых групп. Если консенсус работает, все могут принять участие и все желания принимаются в расчет. И так как нет магической формулы для создания хорошего собрания или общественного взаимодействия, мы никогда не должны приносить свои идеалы и политику в жертву фальшивому единству.

> Одной из наименее продуктивных утопий, которые я когда-либо видела, была скромная сапатистская деревня в горах на юго-востоке Мексики. Я не шучу, вся деревня садится и днями дискутирует об одном-единственном решении! Каждый имеет шанс услышать и быть услышанным, а некоторые вопросы занимают эоны времени, но все терпеливы и исполнены уважения. Дела действительно делаются. Это как будто время вдруг превращается из тиканья ньютоновских часов в нечто вращающееся вокруг самых обыкновенных людей.
>
> Мексиканские крестьяне, живущие под постоянной угрозой быть уничтоженными правительством, находят время, чтобы решить все консенсусом. Для них не чуждо обсуждать проблемы и темы, пока все не согласятся с решением. Я надеюсь жить в обществе, где мы сможем овладеть временем, чтобы показать друг другу, что мы все важны. Вместо того чтобы отправляться на встречу с тысячами людей в США, мы можем воспроизвести этот процесс в маленькой группе людей. Консенсус — это не двухчасовая встреча, где все решено заранее! Это время, потраченное на дискуссию и понимание тем действительно важных, тактический метод для построения сетей более сильных, чем может предложить любая иерархия. Если будет достаточно времени, мы выполним свои дела «деревнями» по сотне, даже по тысяче человек. Это создаст консенсус, который не пытается при-

нудить к однообразности, но поддержит и сотворит союзы, празднующие свои отличия. Я могу только представить эти возможности.

Регина де Брэй, анархистская путешественница и профессиональная любительница

Мы говорим о сохранении биологического разнообразия и этнического разнообразия, но что же с политическим и тактическим разнообразием? Когда голос каждого меньшинства, фракции или индивида принесен в жертву во имя продуктивности, горизонт нашей политики сужается. Когда люди отказываются в стороне, мы все терпим поражение. Никогда не путайте продуктивность с эффективностью.

Непродуктивная организация

Аффинити-группы (АГ) оказываются менее продуктивными, чем армии, иерархические организации и прочие основанные на массовом фундаменте организационные модели. По самой своей структуре АГ воспринимают серьезно мнение каждого индивида. Это куда менее продуктивный принцип организации, чем партия, чьи лидеры принимают решения в одностороннем порядке. Чего не хватает в АГ — это размера, продуктивности и мобилизации ресурсов, они созданы для участия, искреннего опыта и солидарности. Динозавры левых говорят нам, что нам нужны армии, захват правительственной власти и, более того, нужно уподобиться государству, чтобы «победить». Почему мы вообще позволяем государству ставить условия для нашего сопротивления? Анархисты могут ответить более гибкими стратегиями. Наши сети охотно отказываются от точной принципиальной платформы и беспрерывных митингов. Вместо этого у нас есть нерегулярные собрания, встречи для определенных проектов, разнообразные навыки, надежная дружба и неограниченные амбиции, не сдерживаемые организационными иерархиями. Через эти сети доверия люди могут чувствовать себя комфортно на наиболее диких акциях, получая заботу и тепло, необходимые, чтобы не останавливаться. Может быть, они и не вечны и не постоянны, но эти модели редко переживают свою полезность подобно формальным партиям и прочим продуктивным организациям, которые влачат существование до полной бесполезности.

Нам не нужно планировать заранее каждую случайность в попытках стать сверхчеловечески продуктивными. Анархисты заботятся друг о друге и о своих друзьях. Несколько команд собираются вместе, чтобы отыграть концерт поддержки локальной стачечной группы и передвигаются дальше, после того как деньги будут переданы тем, кто в них нуждается. Эти отношения могут быть отношениями взаимной поддержки, может быть, тем музыкантам понадобятся забастовщики, чтобы защищать сквот на следующей неделе! Это сильно контрастирует со многими организациями, собирающими ежемесячные взносы, чтобы припрятать их в кассах, выжидая «правильного момента», чтобы потратить их. Непродуктивные организации позволяют каждому индивиду выразить себя полностью в соответствии со своими амбициями в кооперации с другими, в отличие от больших групп, где большинство людей — это

просто еще одно лицо в толпе. Наши сети не нуждаются в чиновниках, в манифесте или даже в имени. Могут ли такие сети предоставить значимую альтернативу устоявшейся политической системе? Всего лишь несколько лет назад любимчики армии из мозгового центра RAND Corp. писали о неразрешенных, незарегистрированных элементах на демонстрациях N30 (30 ноября) в Сиэтле:

> Анархисты, используя превосходные современные коммуникации, включая новостные интернет-фиды, были способны провести одновременные акции, используя тактики пульсации и роения, координируемые сетями лишенных лидеров «аффинити-групп». Это стало примером тех вызовов, с которыми встречаются иерархические организации, сталкиваясь с сетевыми врагами с более быстрыми циклами реагирования. Эта слабо организованная коалиция, используя сетевую организацию и тактику, расстроила попытки полиции добиться осведомленности о ситуации, необходимой, чтобы бороться с кажущимися хаотичными беспорядками в Сиэтле.

Непродуктивная пропаганда

Требование качественного опыта является важным инструментом пропаганды в обществе, производящем бессмысленное количество: миллиард телевизионных каналов с пустой программой. Один из вызовов, с которыми мы сталкиваемся, — это трансформация пассивных потребителей в активных и творческих участников своих собственных судеб всеми возможными средствами.

Открытие потоков коммуникации — это ключ к созданию анархии. Граффити, журналы, пиратское радио, пародии на рекламу, подмена биллбордов и интернет-страницы могут не достичь широкой публики СМИ, но их импульс более ощутим и для их создателей, и для их публики. Чем больше людей получают контроль над «посланием», тем больше голосов слышно. Эта децентрализация послания и средств создает культуру пропагандистов, неустанно пиратствующих и создающих информацию, дабы сформировать свои собственные послания. Разница между потребителем и производителем стирается, если каждый голос может быть услышан. Это центральная концепция, стоящая за Independent Media Centers. Возможно, вся дихотомия рухнет, когда медиа-навыки будут выучены и обменены. Это куда более впечатляет — тысячи различных голосов, каждый из которых выражает свой собственный взгляд на текущую ситуацию, чем одни и те же массово изготовленные щиты с «главной темой недели», раздаваемые организаторами на любой крупной демонстрации.

Анархисты не только пытаются увеличить свою публику, но еще и увеличить разнообразие средств и людей, у которых есть способность достигнуть публики. Создавая культуру пропагандистов, умеющих распространить свои послания, наши коммуникации становятся одновременно более честными и более сложными. Фокусы, используемые капиталистической рекламой, чтобы одурачить нас для покупки их новейшего продукта, могут быть трансформированы в оружие в наших руках для разрушения системы. Сексистский рекламный щит, продающий Coors, превращается

в призыв к веганству, изумляющий проезжающих мимо автомобилистов. Пропагандистские книги становятся более значительными, когда их страницы вырываются, копируются, похищаются, интерпретируются заново, публикуются и раздаются.

Тактическая непродуктивность

«Вы — толпа антиорганизаторов, а мы сражаемся для того, чтобы победить», это частая критика против тех, кто разделяет какую-то нашу тактику в активистском сообществе. Активисты, стремящиеся к продуктивности, хотят, чтобы мы поверили, что анархистские принципы могут быть хороши в идеальном мире или даже после удобно отдаленной революции, но сейчас они непрактичны, эгоистичны и опасны. Эти активисты нудно маршируют под выцветшими флагами политической дисциплины, продуктивности и чувствительности. Что в этом ироничного, так это то, что эти группы зачастую наименее эффективны на улицах, по крайней мере, что касается общественных и политических изменений. Тридцать с гаком лет демонстраций по округе с лозунгами на фанерных щитах принесли мало пользы против бойни капиталистической и государственной власти в Америке. Может, пришло время попробовать что-то новое? Легко наверняка не будет. Наши враги достаточно объединены, чтобы ставить нам на пути крупные препятствия. У них есть армии, СМИ, деньги, ресурсы, тюрьмы, религии и бессчетное количество других инструментов, чтобы остановить любое революционное изменение, рискующее сокрушить их нынешние властные позиции. Наши непродуктивные модели являются самым реальным шансом продолжать расширять возможности сопротивления. Консенсус позволяет нам использовать все идеи всех участников. Возможность дать нашим проектам наибольший шанс на успех, прислушиваясь к мнению каждого и воспринимая его всерьез, стоит затраченного времени. Нам потребуются все наши умения, ресурсы и творчество, чтобы сопротивляться им, воссоздавая наши жизни и общество.

Только в группах, где они чувствуют, что их ценят, им доверяют и защищают их, люди будут хотеть тратить время на презентацию непопулярных взглядов и предложений, что предопределит результат проекта. Ответственность должна быть основана на дружбе и автономии, а не на рабском следовании лидерам, платформам или абстрактным догмам. Каждая личность в АГ должна быть ответственна за свои действия, слова и поступки перед товарищами, которым она доверяет более всего. Мы отвергаем игру обвинений и упреков, столь распространенную в продуктивных группах. С каждой личностью, принимающей полную ответственность за свои дела, не будет никого, кто оказывался бы более виноват, чем остальные. Давайте все станем ответственными перед собой, так, чтобы мы смогли вырасти и научиться на своих собственных ошибках и были бы отмечены успехом. Понять людей, наладить дружеские и доверительные отношения все это требует времени. Наивно думать, что провозглашением платформы или общих пунктов мы можем добиться доверия и солидарности с незнакомыми людьми. Политика должна полагаться не на какой-то абстрактный график, предсказанный лидерами или заплесневелыми книгами, но на наши собственные инстинкты и желания! Требуйте времени подумать, формируйте значащие отношения и наслаждайтесь путешествием. Во имя всякого шанса на успех

Это только дело времени, как бы то ни было

мы должны любить друг друга больше, чем наш враг нас ненавидит. Ради этой цели непродуктивность — это наше оружие.

THIS IS FOLK ANARCHY!

Это — народная анархия!

О какой же анархии мы говорим? Какие нити объединяют эту анархию, состоящую из мятежей в больших городах, эту анархию, которая сегодня забирает то, что завтра уже никогда не вернет? Это — народная анархия; анархия, созданная для обычных людей руками таких же обычных людей, живущих необычной жизнью. Народная анархия требует мировой революции, поэтому, находясь в тени динозавров, эти люди энергично строят новый мир уже сегодня. Помочь людям понять, что они способны создать что-либо, наша цель, наш замысел и наша задача.

Народная анархия vs. псевдоанархии

Народная анархия — это больше, чем мечта; это способ описать то, что мы делаем уже сегодня: как наши проекты и страсти уживаются… с нашими недостатками и так далее.

Это не еще одна идеологическая фракция, которая слишком занята созданием теорий для внедрения их в анархизм, а скорее эволюционирующий подход, описывающий то, что уже создано нашими сообществами. Даже наши маленькие победы гораздо более значимы, чем думают динозавры или иногда даже мы сами.

Мы начали эту книгу со злобного осуждения динозавров и всех тех, кто впадает в благоговение перед власть предержащими, когда было бы гораздо разумнее сконцентрироваться на том, что позволяет сотворить анархию. В конце концов, динозавры явно обречены: их военная техника поставила под угрозу будущее человечества, а их промышленная инфраструктура может с легкостью разрушить экосистемы еще в течение нашей жизни. Вопреки волне разочарования народная анархия подает надежду на то, что если получше присмотреться, все не так уж и плохо.

Такой подход к анархии базируется на нескольких основных принципах, вращающихся вокруг понятия «обычные люди», которое противопоставляется мифической иллюзии о необычном «народе». Некоторые лицемерные критики могут быстро указать на то, что именно национал-социализм создал понятие народа. Однако мы используем термин «народный» в том смысле, как если бы говорили о фолк-музыке Вуди Гатри и народных сказках Зоры Нил Херстон, а не так, как над ним надругались нацисты в названии «Фолькс вагена». Фашизм требует централизации власти, расцвета иерархии и чистоты (неважно — этнической или идеологической). Очевидно, что народная анархия полностью противоположна фашизму: она создает децентрализованные сети, яро защищает нашу автономию и почитает разнообразие как личностей, так и их идей. Мы не хотим отказываться от образа народа, который забирает контроль над своей жизнью в свои собственные руки у прошлых и будущих фашистов; мы возвращаем себе эту идею, так как сегодня она значимая и вдохнов-

ляющая. В мире, где слова могут не значить ничего, «анархия» является словом, за которое стоит бороться.

Народ — это не новшество в анархии. Это не приставка, как в случае с зеленой анархией, не суффикс, как в анархо-коммунизме. Народная анархия противостоит ортодоксальности, включая анархо-ортодоксальность! Народ — это не фракция, не отделившаяся группа и не сопротивление другому направлению. У него нет своего цвета в анархистской радуге: он охватывает весь спектр. Настоящая анархия основывается на сети практик, которые, кажется, цветут в любом месте, не подверженном контролю динозавров. Народная анархия распространяется по фавелам и фермам, по сквотам и уличным демонстрациям, и везде она имеет разный вид. Люди могут применять народный подход к анархии и в то же время сохранять свои политические установки, такие необычные, как «транархия»[1], или включающую в себя понятие «большой палатки» анархию Чака0[2].

Слово «народ» описывает участников (в этом же смысле используется термин «народное творчество»), а не их идеологию. Не принимаются только те подходы, которые подразумевают под собой авторитаризм, профессионализм и элитизм.

Нет одного-единственного «Народного анархизма», и, будем надеяться, его никогда и не будет. В тот момент, когда анархия становится Анархизмом с большой буквы А со всеми необходимыми платформами и ограниченным историческим багажом, она превращается из деятельности людей в еще одну несвежую идеологию для продажи на рынке.

Культура как вызов

В то время как культура может быть кооптирована, народные подходы к анархии — нет. Как только что-либо кооптируется, становится чьей-то собственностью и создается корпорациями, можно считать это потерянным для народа. Уличный торговец может впарить тебе нашивку с А в круге, в магазине тебе могут продать книгу по теории анархизма (даже мы продали тебе эту книгу!), но никто и никогда не сможет продать тебе опыт жизни в анархии. Ты должен прожить это *сам*. Капиталист может продать тебе компьютерную игру, в которой по сценарию ты будешь участвовать в восстании, но он не может продать тебе те ощущения, когда ты бежишь по улицам в солидарности с другими людьми. Торговцы желанием могут продать тебе роман, но они не могут продать тебе нежные объятия нового любовника. Мы никогда не будем удовлетворены образами, теориями, манифестами, веб-страницами и книгами. Требуй реальных вещей — анархии в нашей собственной жизни — прямо здесь и прямо сейчас.

Дороги, которые ведут нас от того места, где мы сейчас, туда, куда мы хотим попасть, трудны, но союзники и орудия, в чьей помощи мы нуждаемся, уже доступны.

---

[1] Понятие, объединяющее под собой тех, кто считает себя трансгендером, транссексуалом, гендерквиром, интерсексуалом или человеком неопределенного гендера. — *Примеч. ред.*

[2] Веб-мастер популярного анархистского сайта infoshop.org, выдвинувший концепцию широкой коалиции анархистов, «анархизма без прилагательных», в противовес анархистскому сектантству. — *Примеч. ред.*

Народная анархия — это воровская культура, которая мотивирует нас красть самое лучшее от каждой идеологии, самый удачный опыт прошлых лет и творчески использовать их в настоящей борьбе, чтобы создать воодушевляющий опыт и вдохновляющий пример жизни. В этой жизни мы можем создать активизм, который будет по-настоящему революционным, если нам хватит смелости перешагнуть слабую организацию общества, основанного на стереотипах, фетишизации насилия, как и миллион других тупиков, в которые попались активисты, помешанные на динозаврах. В нашем стремлении распространить анархию не может быть никаких оправданий (какими бы подходящими они ни были) бездействию. Некоторые попытаются разубедить нас, указывая на то, что сейчас не время революции. Но нет никакого времени революции. Время не контролирует нас: мы сами создаем время, революционное или нет. Когда мы освобождаем себя от пут рутины и иерархии, то время революционно.

Капитализм учит нас, что мы — отметки на графиках: точки в демографических пирамидах, которые рождены ездить каждый день на работу, потреблять и в конце концов умереть. Каждая клеточка нашего тела знает, что существует что-то еще помимо этого гнетущего круговорота и что мы жаждем реальных связей с другими людьми. Анархия — это не только политическая стратегия или набор тактик; анархия — это сеть осознанных связей, которые сейчас осознанно глобальны. Каждое прямое и личное действие солидарности, которое осуществляют анархисты, строит и усиливает эту сеть. Когда ребята из Северной Америки путешествуют в Южную Америку и встречаются с местными анархистами, сеть растет точно так же, как когда мы встречаемся и общаемся с людьми, живущими ниже по улице и которые ни разу не слышали об анархии. Те люди, которые живут ниже по улице, могут задать нам жару в плане анархической деятельности! Как бы то ни было, может ли просто проживание жизни на пределе возможного быть революционной стратегией, которой стоит следовать? Заслуживает ли революция того, чтобы не только умереть за нее, но и жить ради нее?

Сообщества сопротивления сталкиваются с революцией повседневной жизни

> *«Ежедневная практическая активность жителей племен воспроизводит, или продолжает, племя. Воспроизводство заключает в себе не только биологический, но и социальный аспекты. Посредством ежедневных занятий жители племени не только воспроизводят группу людей, они воспроизводят племя, или особенную социальную форму, в рамках которой эта группа людей осуществляет специфическую деятельность в специфическом виде. Ежедневная деятельность рабов воспроизводит рабство. Если ежедневная жизнь капиталистов воспроизводит капитализм… что создаст ежедневная жизнь анархистов? Может ли это быть… анархией?»*

Преподаватель социологии Стэнфордского университета, который стал представителем Фронта освобождения Земли (ELF)

Революция ежедневной жизни служит основой наших сообществ сопротивления, и ни одно настоящее сообщество сопротивления не может существовать без революции ежедневной жизни. Следствием этого является тот факт, что, если наступит революция, она должна воодушевить людей на личное изменение, точно так же, как и спровоцировать формирование революционных сообществ.

Для достижения этих высоких целей нам нужны достаточно сильные люди, чтобы отказаться погибать за идеологию и ради личной выгоды, люди, которые могут не только разрушить существующую капиталистическую систему и ее институты, но которые на 100% предотвратят создание следующего динозавра. Очень легко будущим революционерам попасть в ловушку власти, став лидерами или президентами нового режима после какой-либо попытки революции. Единственный способ не пойти по стопам динозавров — отказаться от этих привычек в нашей повседневной жизни. Прошлый опыт революций показал нам, что жестокий отец, мелкий чиновник из захудалой коммунистической партии или авторитарный предводитель революционной ячейки — все они станут кончеными диктаторами, как только доберутся до власти. Мы думаем, что любящий свободу индивид, который постоянно бросает вызов власти, создавая революционные ситуации при каждом взаимодействии, с большей вероятностью действительно разрушает власть. Даже в одиночестве эти люди могут сделать столько всего. При работе в сообществе их потенциал растет экспоненциально. Анархист получает возможность в реальности практиковать анархию посредством жизни в такого рода сообществах.

Эти сообщества находятся в сопротивлении именно потому, что они распределяют власть между всеми, противостоя внутренним и внешним позывам к централизации власти. Аффинити-группы, децентрализованные сети, коллективы и консенсус — это все народные методы, которые используются в этих сообществах сегодня и потребуются в будущем. Это не просто средства для достижения цели, они сами по себе являются целью. Некоторые могут назвать это «утопичным». Только то, что анархистам удается использовать это на собраниях и в инфоцентрах (возразят критики), еще не значит, что возможно построить успешные сообщества, основываясь на таких же принципах. Однако невозможное существует вокруг нас, и критики увидят это, как только отключат свои телевизоры и компьютеры: женщины, создающие свои сообщества в Чьяпасе, панки, раздающие еду в Томпкинс-сквер-парке, триситтеры, рассказывающие истории в лагере Каскадии, — мы окружены народной анархией. Да, все эти примеры из радикально отличающихся сфер, но кто сказал, что у нас должна быть одна-единственная утопия? Как только обычные люди достигнут того места, куда, как нам говорили эксперты, мы не сможем никогда прийти, мы продолжим свой путь и придем в еще более невозможное место.

Народная анархия означает «просто быть собой». Давайте применим эту максиму не только к политике, но и к нашим собственным жизням. В конце концов, что может быть более утопичным, чем ожидание изменений после следующих выборов, или пока федерация будет на несколько членов больше, или пока теория будет усовер-

шенствована? Что может быть более реалистичным, чем требование революции в повседневной жизни, раздача бесплатной пищи, засквотированный дом, поэзия, которая воспламенит сердце, и пламя, которое необходимо для того, чтобы сжечь их банки дотла. Народная анархия одновременно утопична и реальна в лучшем смысле этих слов. «Быть собой» помогает предотвратить бессмысленные тусовки и пользующиеся чрезмерным спросом революционные понты, которые являются симптомом отсутствия сообщества, где люди могут по-настоящему выражать свои страхи и надежды в честном общении.

Такое общение — это краеугольный камень наших сообществ и наших жизней. Сообщества не должны быть временно или территориально определены, чтобы быть реальными и имеющими смысл. Слишком много людей живет в одном доме, но даже не знают друг друга. Сообщества могут существовать, будучи растянутыми во времени или пространстве. Подумайте только о постоянно растущем количестве интернет-сообществ, в которых большая часть участников никогда не встретится лицом к лицу. Однако, какими бы большими ни были расстояние или время, которые нас разделяют, людям необходимо встречаться лично. Народная анархия существует, когда люди встречаются и объединяются в одном и том же месте в одно и то же время, будь то на социальных форумах, мобилизациях, в домах, на музыкальных шоу или во время путешествий. Сообщества связаны друг с другом чем-то общим, и это, определенно, не только общие идеалы или общая платформа. Сообщества либо держатся вместе благодаря общему опыту, пролитой крови и поту, любви и битве… либо разваливаются.

Сообщества не только рождаются, они еще и умирают, и это также является источником силы. Привязанность к старым моделям часто ведет к удушению воображения… а нам нужен весь наш творческий потенциал. Давайте построим эти революционные сообщества, основанные на особенных и изменяющихся реалиях. Мы не должны бояться оставить наши старые сообщества; другие могут взять их и сделать их своими собственными точно так же, как мы когда-то унаследовали их от кого-то другого. Мы ночные воры, которые берут самое лучшее и используют это для наших целей, а затем продолжают двигаться. Мы освобождаем воображение. Анархия — не конец, анархия — это только начало.

Смерть чистоте! Да здравствует гибрид!

Гибриды выживают там, где умирают чистокровки. Как и динозавры, наиболее «чистые» создания слишком узко специализированы ценой их приспособляемости, и они не могут выжить, как только их среда вдруг неожиданно изменяется. Вечный поиск теоретической и практической чистоты изнуряет и в конце концов сам себя уничтожает. В каждой язвительной беседе, в каждом гневном письме, в каждом визге в письмах к редакторам анархо-журналов легко заметить, что теоретики становятся все более и более ограниченными. Некоторые из нас продолжают нападать друг на друга в угоду нашему любимому абсолютистскому мировоззрению с такой злобой и язвительностью, которую надо бы оставить для тех, кто нас притесняет. Слишком часто это отвлекает нас от необходимых обсуждений тактик и стратегий и застав-

ляет сконцентрироваться на своего рода конкурсах популярности, идеологическом мошенничестве и культе личности, что вызывает презрение у мейнстримовых политиков и левых. Вместо усовершенствования узкой анархо-ортодоксии пришло время отбросить поиски чистоты.

Несмотря на лучшие попытки групп, которые ищут специфичный, гомогенный, последовательный путь американского анархо-сообщества, его не существует: он разнообразен, подвижен, децентрализован, хаотичен и приспособляем. Распространение народной анархии очень просто. Индивидуальные социальные отношения — основа для гибридных сетей сопротивления. Когда кто-то из Виржинии и кто-то из Калифорнии встречается на конференции во Флориде, и там они работают вместе, играют вместе, влюбляются и поддерживают связь после того, как разъедутся по домам, они создают сеть. Когда они посещают друг друга и привозят с собой друзей, координируют их следующие поездки и помогают друг другу в пути, строится и укрепляется единственная важная мировая сеть. Завтра они могут драться с мусорами, стоя плечом друг к другу, засаживать растениями сады для поддержания сельского хозяйства своим сообществом или работать в коллективных пространствах.

Такие сети начинают свое существование с совместной работы отдельных личностей, затем они быстро превращаются в гибридные сообщества, которые могут влиять на нашу с вами повседневную жизнь. Эти осязаемые взаимоотношения между местной, региональной и глобальной борьбой были очень четко сформулированы такими группами, как сапатисты и пр. Осознавая, насколько связаны мировые репрессии и на что пойдут наши враги для сохранения власти, мы понимаем, что наше сопротивление должно быть еще более сильным и высокоорганизованным.

К примеру, угроза индейцев ува совершить массовое самоубийство в Колумбии мобилизовала активистов в США и Европе, начиная с безработных Earth First!-еров[3] и заканчивая обеспеченными либералами, чтобы оказать давление на Occidenal Petroleum. Посредством разнообразных тактик, включающих бойкоты и посещение собраний держателей акций этой компании, удалось заставить компанию расторгнуть договор о добыче нефти на земле ува. Мы поняли, что любое противостояние глобальным репрессиям должно быть настолько же разнообразным и сложным, если даже не больше. По этим причинам никакая платформа, никакая единая партийная линия не будет значимой и эффективной для всех сообществ сопротивления.

Успешные сети создаются через множество необычных каналов. Мы обмениваемся информацией через Индимедию, периодические анархо-издания, самодельные видео, книги, дискуссионные группы, семинары и опыт повседневной жизни. Мы — молодежь, феминистки, члены этнических меньшинств, ЛГБТ-сообществ, творческие люди, пропагандисты, студенты, преподаватели и уличные бунтари. Всякий и каждый может участвовать в мировом сопротивлении, и только посредством разнообразных схваток мы можем начать отвечать на те нелегкие вопросы, которые ставит перед нами жизнь.

[3] Радикальная организация по защите окружающей среды. — *Примеч. ред.*

DIY-политика

«Делай-делай-делай, давай-давай-давай».

Народная флоридская анархистская песня конца 1990-х

Делание-чего-либо-ради себя полезно не только потому, что нет денег на оплату работы специалиста, но и само по себе. Противопоставленная массовой культуре, этика DIY является дико успешной стратегией и философией. Для анархистов из народа подобный подход создает общее творческое пространство — для всех участников с различными материальными ресурсами. Это помогает нам обмениваться навыками, чтобы быть менее зависимыми от конкретной личности, помогает нам создавать культуры сопротивления.

Хорошими намерениями выстлана дорога в тоталитаризм. Как известно любому корпоративному CEO, реальное владение ресурсами и деньгами — простейшая и кратчайшая дорога к власти. По необходимости DIY-этика есть прямо противоположное: обычные люди оказываются вовлечены в совместное использование ресурсов, умений и собственного творческого потенциала с тем, чтобы в результате получить нечто экстраординарное.

Это вовсе не очередной повтор старого спора «ремесленник vs. массового производства». Наши анархии должны стремиться быть достаточно вместительными для того, чтобы у *каждого* имелась хотя бы возможность научиться делать *все*, что он хочет. Не является ли странной ситуация, когда люди, с радостью занимающиеся самостоятельным ремонтом велосипедов или diy-музыкальным творчеством, внезапно начинают цитировать мертвых теоретиков или слепо копируют государство и прочих динозавров, если речь заходит о политике? Нам следует быть достаточно смелыми, чтобы самостоятельно творить политику!

Во чреве зверя

«Сожжение американского флага стало чем-то вроде обряда инициации для молодых радикалов. По всему миру ясно разносятся призывы „Янки, гоу хоум“, но, когда это происходит внутри самой ожиревшей нации, сожжение собственного флага ведет к куда более зловещим последствиям. Интересно, какой феникс восстанет из пепла красно-бело-синего флага, почерневшего от огня?»

Записка участника черного блока
после сорванной инаугурации Буша в 2000-м

Для различных регионов и контекстов требуются различные модели и решения. Народной анархии столько же лет, как и сопротивлению любой форме господства, она — такая же неотъемлемая часть американской истории, как насилие и яблочный пирог. Именно сегодня мы начинаем видеть сознательное использование многих

этих неосознаваемых принципов анархистскими сообществами Северной Америки. Мы черпаем вдохновение в анархистской пропаганде последнего столетия, а также в успешных моделях, отличающихся от традиционно анархических, будь то эгалитарные трущобные поселения на захваченной городской земле в Южной Азии, сапатизм в Чьяпасе, бунты на полях сражений, комитеты жилых кварталов в Аргентине, жизнь кочевых этносов и так далее. Всякая борьба рождается в конкретном месте, в конкретных обстоятельствах, на основе конкретных ресурсов и местных идей. Наша борьба в США сливается с международной борьбой, создавая народную анархию без границ и рамок. Анархия — не синоним «одной революции». Анархия означает тысячу революций.

Привилегированным народам стран первого мира не помешает задуматься об их роли и деятельности в рамках глобальной борьбы. Мы — дети внутри огромной крепости, некоторые из нас — дети рабов, другие — дети господ. Мы выглядываем из-за парапета на стене. Смотрим на мир, исковерканный и искромсанный ради прихотей хозяев замка. Восстанем ли мы против наших сумасшедших лидеров или продолжим грызться между собой за объедки с их стола? Как рабочим, художникам, нищим и ворам, живущим внутри стен Крепости Америка, нам следует решить, каким будет наш следующий шаг. Как мы можем наладить сотрудничество с нашими друзьями за стенами замка. По всему миру люди борются ради народной анархии. Ради возможности жить так, как они сами хотят.

Когда анархисты в США соберутся наконец вместе для общей деятельности и попытаются воплотить в жизнь настоящую анархию, надежды для всех в этом мире станет чуточку больше.

Возможно ли черным цветам вырасти в едком чреве зверя? Обещания, которыми сыплют США, не дают нам надежды на пристанище или свой угол в этом мире; пустые обещания американской мечты никогда не наполнят наши желудки пищей, не дадут нам огня, чтобы согреться. В то же время наше движение растет. Растет в тени, вовне софитов СМИ. К сожалению, существующие сообщества сопротивления несовершенны. В то же время они постоянно меняются, сотканные вместе кусочки более древних и экзотических культур сопротивления. Тотемы путника, нашивки, велосипеды, бублики — все это, конечно, не бог весть что, но это вызов монокультуре и правлению динозавров. Некоторые анархисты в США откровенно отрицают свое прошлое, предпочитая жить в тени революционной Испании или в каменном Веке, до прихода технологии. В то же время многие из нас отказались от пораженческих настроений и принялись собирать осколки и потерянные игрушки. Анархия может создать убежище для беженцев из мира динозавров. Для этого сгодится то, что есть под рукой прямо сейчас. Панк или домохозяйка, иммигрант или отчисленный студент, все мы хотим чего-то большего, чем предлагают нам ограниченные возможности наших субкультур. И наш лучший шанс воплотить мечту — это создать нечто новое всем вместе. Так давайте не будем создавать еще одно убежище от динозавров, а займемся революцией, которая сметет их. Наша способность поджарить главных

динозавров Америки ослабит колоссальное давление по всему миру… и кто знает, к чему это приведет?

Если американская культура кино, торговых центров и газировки не способна воодушевить нас на борьбу, есть другие Америки, которым это под силу, Америки ренегатов и заключенных, мечтателей и изгоев. Кое-что из покореженных останков «демократического духа», которому поет дифирамбы Уолт Уитман, еще может быть использовано. Кое-что, вырванное из-под предположения, что у каждого человека есть честь и достоинство: у каждого из нас есть дух, который поддерживается чувством уверенности в себе и инициативы. Эти Америки — Америки отчужденных и маргинализированных: индейских воинов, борцов за права человека, восставших в Аппалачах шахтеров. Прошлое Америки кишит революционными гибридами. Список можно продолжать бесконечно в обе стороны: и в прошлое, и в будущее. Монолит богатой и откормленной Америки должен быть разрушен, чтобы расчистить пространство для многих новых Америк. Культура народной анархии, зарождающаяся на периферии Америки, может дать обильные всходы на плодородной почве под асфальтом великой американской пустоши.

Каждый, кто вовлечен в наши дни в сопротивление, — живущий полной невзгод жизнью или еще более тяжелой борьбой — является нашим другом, даже если он или она никогда не сможет разделить с нами трапезу или поговорить на нашем языке. У анархистов Америки со столь же широким влиянием, как наши прерии, и мечтами, которые могли бы поджечь эти прерии, нет единого видения будущего. В США, где люди могут устраивать пиры из выброшенных продуктов, жить в брошенных домах, путешествовать тайными тропами затерянных шоссе и железнодорожных путей, мы находимся в привилегированном положении. Это нельзя игнорировать. Поэтому вопрос стоит так: как глобально американские анархисты способны применить преимущества своего привилегированного положения для того, чтобы стимулировать анархию повсеместно? Этот вызов должен дать подъем необъятной любви, бесконечным возможностям, глобальной солидарности — будущему, достаточно грандиозному для всех нас.

Иди и передай своим

Итак, книга почти завершена. Как можно видеть, до последней страницы осталось совсем немного. Любое заключительное слово о народной анархии по определению будет неверным. Один коллектив не может высказываться за всех. Возможно, в твоем мозгу сейчас скачут мысли: «О чем вообще вся эта книга?» Или: «И чем же эта народная анархия отличается от старой доброй анархии?» Если подобные вопросы присутствуют, признаемся, что последние страницы не прольют света на ответы. Возможно, твоя концепция анархии — как раз та самая, о которой мы говорим, когда произносим «народная анархия», или, что более вероятно, только часть этих идей на самом деле играет важную роль в твоей жизни. Нет никаких удобоваримых определений или «10 шагов к освобождению». Чем мы хотели бы поделиться — так это мыслями о том, как эти народные анархии могут работать на деле, как они работают, как мы все можем сохранить в наших проектах живой дух народной анархии.

Народные анархисты существуют и в наши дни, под поверхностью капиталистической империи. Народная анархия создается личностями, которые сознательно отказываются от удобных идеологий, позволяют хаосу влиять на свои проекты, полагаются только на то, что есть под рукой. Конечно, нечто столь эклектичное по самой своей природе будет противиться неким единым определениям. Самый большой секрет народной анархии: анархия повсюду! Народная анархия — это то, чем занимаются в наши дни люди по всему свету, повсюду в дикой глуши США. Ее можно обнаружить в сетевых сообществах анархистов, эко-активистов, кооперирующихся фермеров Висконсина, мешающих новой схеме централизованной электрификации, которая должна уничтожить дикую природу, отнять поля у фермеров и спровоцировать рост цен на базовые услуги. Анархия поощряет к существованию дюжины пиратских радиостанций, отказывающихся подчиниться новым правилам FCC, в прямом эфире меняющихся своими записями, чтобы заполнить радиоволны как можно большим количеством голосов повсюду — от Сан-Диего до Мэна. Анархия есть даже в проекте бесплатного желтого велосипеда в Портленде, штат Орегон, — детище группы энтузиастов-велолюбителей с навыками ремонта велосипедов и связями на местной свалке. Проект «Желтый велосипед», воспроизведенный во многих других городах, просто-напросто позволит жителям иметь бесплатный доступ к желтым велосипедам. Их можно будет парковать повсеместно в городе без каких-либо замков. Народная анархия соединяет специализированную сеть незнакомцев и конспираторов, протянувшуюся от Остина до Гейнсвилля, предоставляющих убежища для беглых подростков, скрывающихся от насилия. Народную анархию можно обнаружить даже в полных угнетения учебных заведениях и на рабочих местах. Народная анархия живет в фавелах и районах самостроя, живет в сердцах людей, сначала кричащих «Больше домов, меньше тюрем!», а потом делающих что-то в связи с этой проблемой. Ее можно обнаружить в железнодорожных отстойниках и на борту самолетов. Сегодня народная анархия поет песни в тюрьмах и рассказывает сказки в приютах для бездомных. Народная анархия танцует на концерте *Against Me!*, она не дает тебе заснуть, пока ты увлечен тайным копированием в свою ночную смену на работе в копировальном центре. Народная анархия — это то, что делают другие. И возможно, это — то, что ты делаешь уже не одну неделю или десятилетие независимо от этой книги и ее содержимого.

Народная анархия развивается неожиданными путями. Она может помочь нам пересмотреть не только обстоятельства нашего угнетения, но и характер нашего сопротивления. Народная анархия помогает нам обрести союзников и заниматься планированием независимо от размера сообщества и того, насколько неземными кажутся наши мечты. Народная анархия дает нам возможность разрушить препятствия, стоящие на пути у наилучших из наших начинаний. Она дает нам развивающийся язык, чтобы мы могли объяснить то, что мы чувствуем, защитить то, что мы делаем, и объяснить это другим людям. Она позволяет нам узнавать характерную для динозавров манеру мыслить, помогает обнаруживать опасность, лежащую в преклонении перед продуктивностью и экспертами, выражать скрытые возможности хаоса и совместного героизма. Она озвучивает то, что мы и так уже знаем сердцем. Народная анархия бросает динозаврам столь необходимые вызовы. Она может быть настолько заурядной, что без труда избежит внимания их камер наружного наблюдения, до-

статочно умной, чтобы сбить с толку группы слежения. Она может проскользнуть мимо их часовых, может собраться стаей, пульсировать, окружить в мгновение ока. Иногда она помогает нам исчезнуть без следа. Это могут быть сегодняшние новости или давняя история. Анархия творит свою магию на улицах, в инфошопах, на кухне в предрассветных разговорах.

Народную анархию можно использовать, чтобы обрести союзников в самых неожиданных местах. Она может переместить компьютеры в Чьяпас. Народная анархия может помочь тебе избежать перегорания или неприязни. Она предлагает перспективу и предоставляет способ организации. Народной анархией можно заниматься в любом проекте, который будоражит твое воображение. Ею можно заниматься с любым, кто желает положить конец основанным на власти иерархиям. Уроки народной анархии можно применить, чтобы видеть насквозь попытки манипулирования со стороны других людей. Чтобы избежать провалов, поглощающих наши ресурсы и мораль. Они могут помочь тебе написать книгу и распространить ее среди сотни друзей, которых ты еще не встретил. Народная анархия — это процесс, способ организации и восприятия. Она не пытается добавить или отнять что-то от анархии. Скорее, она высвечивает ее наиболее существенные и успешные черты: децентрализацию, взаимопомощь, DIY, добровольные объединения и хаос. Мы занимаемся всеми этими позитивными вещами, в то же время принимая угрюмую необходимость деконструкции риторических техник других людей (независимо от того, называют они себя анархистами или нет), которые прибегают к тактикам динозавров и стремятся размыть наши усилия.

Народная анархия создает возможность сделать собственный выбор. Это настоящий взрыв возможностей, отказ от всего, что воплощают государство и начальник, бандит и банкир, муж-изверг и мусор. Это пусть и произвольное, но название для бессчетного множества действий, которые подрывают основы власти, освобождают нас от зависимости от разрушительных действий капитализма и убийственных интриг государства. Это — то, что предоставляет нам время для совместной деятельности и для поддержки наших товарищей по борьбе. Это нечто, что пробуждает нас по утрам без будильника и кофе. Народная анархия дает нам надежду, когда мы потеряли почти все, играет для нас музыку, под которую танцуют звезды в этот последний закат мира динозавров.

Друзья, это — народная анархия!

Любовное письмо из Женевы

Анархия не исчезла с окончанием гражданской войны в Испании. Она продолжила жить и возродилась, только лишь динозавры отвели глаза. Такая революция, как наша, — не одноразовая. Нет, она не прекратится, как и чередование времен года. Я надеюсь, вы поймете, что эта книга — любовное письмо, любовное письмо всем вам, милые анархистки и анархисты, и новым жизням, которые вы создаете. В мире, в котором нет надежды, вы даете надежду. Во времена террора вы учите нас любить. В мире без будущего вы приносите величайший из возможных дар — настоящее.

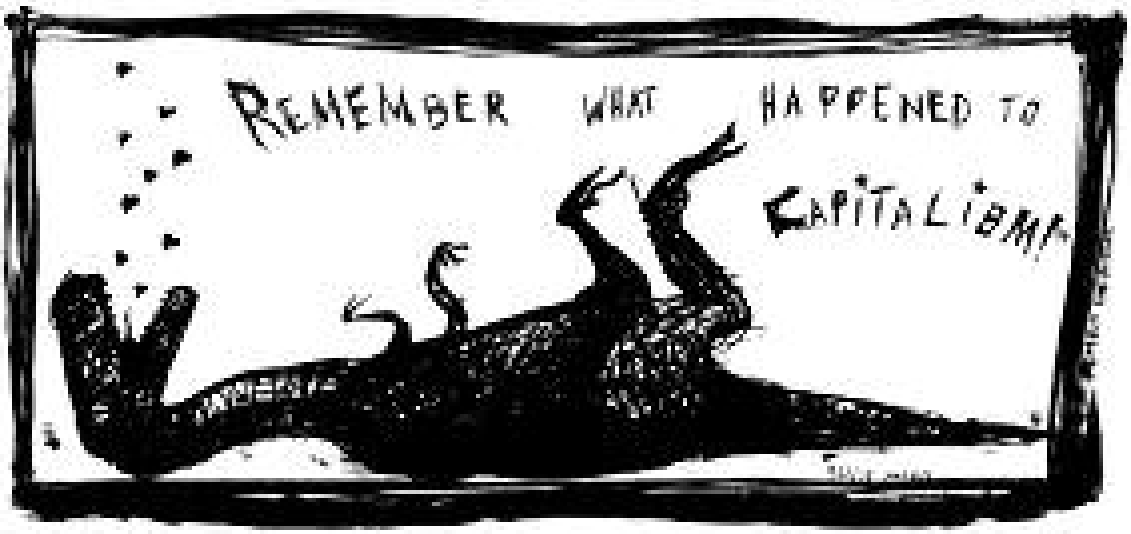
Процесс создания этой книги был столь же опасным, сколь и его содержание: страницы тайно пересекали международные границы, электронная почта пересылалась из независимых центров в самый разгар протестов против G8, общие поправки делались в поселках штата Чьяпас, сквотах Нью-Йорка, а иллюстрации — во время длительных переездов в товарных вагонах, пересекающих Великие равнины Северной Америки. Мы надеемся, что это новый тип книги, написанный не академиками или же последними любимчиками СМИ, но людьми улиц, такими же, как и вы. Если ты — бухгалтер, экономист, магнат, чиновник, специалист по классификации или какой-то другой тип динозавра, можешь считать это последним предупреждением. Как бы то ни было, если вы почувствуете от этих слов хоть малейшее воодушевление — вы на пути, называете ли вы себя анархистами или нет, эта книга для вас.

Эта книга для вас — за все, что вы сделали, и за все, что вы собираетесь сделать. Мы надеемся, вы найдете ее полезной. Если есть на земле какая-то тайна, то она состоит в том, что вы непобедимы. Мы хотим, чтобы вы осознали свои собственные возможности и задействовали то, чем вы наделены. Рядом тысячи анархистов, таких, как вы. Нет никакой загадки в революции, нет никакой диалектики, нет ведущей теории. Революция проста. Выйди на улицу, найди ребят со столь же горячими сердцами — и, если они не смогут представить себе этого, помоги им. Объедините усилия, соберитесь и составьте планы. И затем — *осуществите их*. Власть динозавров в конечном счете разрушится, как карточный домик. Возможность (не)обычных людей взять свою жизнь в свои руки сияет впереди уже сейчас, непрерывно растущая, постоянно изменяющаяся, вечно дорогая нашим сердцам.

Нет больше нежных прощаний, воодушевляющих последних слов или элегий вчерашнему дню. Эти страницы представляют собой мимолетный взгляд на мир ежедневных чудес, который нам нравится называть «народной анархией»… или просто «анархией», когда нам удобно. Позвольте откланяться с улыбкой, заговорщически подмигнуть, тепло обнять и поцеловать вас в щеку. Мы встретимся еще — в этом нет сомнений!

Это конец нашей маленькой книги, но сегодняшний день — всего лишь начало анархии.

С любовью, Н.



Помни, что произошло с капитализмом!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Написано Бригадой Любопытного Джорджа (CrimethInc)
Анархия в эпоху динозавров
2003 г.; перевод 2010 г.

Скопировано с `http://pop-grafika.net/pglitra/dinozavr`, также PDF доступен на `http://diy-zine.com/files/media/anarhiya.v.epohu_.dinozavrov.2010.pdf`
ISBN 978-5-87987-060-2 Общая редакция и предисловие Ильяса Фалькаева
Перевод с английского: Alien, Ami, Fey, Ndjera, Tia
Перевод выполнен по книге: Curious George Brigade. Anarchy in the age of dinosaurs. Mosinee, Wisconsin: Yellow Jack Distrow, 2003.
Обложка: Группа ПГ
Час «Ч» серия без названия
Корректор *Елена Салтыкова*
Верстка *Сергей Введенский*

ru.theanarchistlibrary.org